

№ 6

2011

**КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ**

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Б. М. КАНАПЬЯНОВ** (г. Алматы), **Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ**, (г. Астана), **А. Ю. КУРЛЕНЯ** (г. Петропавловск), **Р. Ю. МАХАТАДЗЕ** (г. Караганда), **Ю. Д. ПОМИНОВ** (г. Павлодар), **В. И. РЫЖКОВ** (г. Караганда), **Т. И. СЫЗДЫКОВ** (г. Кокшетау), **А. Ю. ТАРАКОВ** (г. Астана), **И. Б. ТЕТЕРИНА** (г. Астана), **А. М. ШМИДТ** (г. Алматы).

В номере:

Проза

Н. Махамбетов. Уметь прощать. *Повесть (продолжение)* **3**
Рассказы победителей конкурса. **С. Комов.** Летучий Голландец;
М. Жандар. Чтобы было красиво и чисто; **Н. Караева.**
Нина Павловна; **Н. Зайцев.** Лошади везут; **С. Криворотов.**
Зелёная вишня у моего окна; **М. Валеев.** Кто так играет? **24**

Поэзия

С. Абдулла. На орбите вдохновения **18**
А. Шаяхмет. «Радостные встречи ждут нас впереди...». *Стихи* **20**
Р. Хисамутдинов. «Это сладкое марево мая...». *Стихи* **43**
А. Егоров. «Есть в горах своё очарование...».
Стихи из новой книги «Красота» **92**

© «Нива», 2011, Астана

Документальная проза

Ю. Поминов. Хроника смутного времени.

Записки редактора. Книга третья(продолжение) 52

Культура. Общество. Личность

А. Кратеров. Феномен Александра Егорова 98

Летопись Евразии

Г. Кудайбергенов. Наш адрес: ни дом и ни улица 102

Критика и литературоведение

В. Коноплёв. «О, сколько нам открытий чудных...» 123

С. Ибраева. Истоки чести и отступничества 140

Искусство

Н. Курпякова. Степные напевы 143

Далёкое — близкое

Е. Дайлидко. Польская трагедия и судьба Альбертины 144

На житейских перекрёстках

С. Бударагин. Иероглиф 148

В семейном кругу

Е. Боровец. Так бывает иногда. Сказки 150

Приключения. Детектив. Фантастика

В. Третьяков. Возвращение на Обитаемый остров.

Повесть(продолжение) 161

Изоальбом «Нивы»: из работ Гульмиры Тельгозиевой.

К сведению читателей

В апреле 2011 года сайты нашего журнала **www.niva-kz.narod.ru** и **www.niva.ucoz.kz** посетили около трёх с половиной тысяч читателей из 20 стран. Свыше полутора тысяч из них — жители Казахстана, около тысячи — россияне. Остальные представляют Германию, Украину, Канаду, США, Польшу, Израиль, Белоруссию, Ирландию, Китай, Грузию, Кипр, Киргизию, Латвию, Чехию, Аргентину, Австрию, Швейцарию, Эстонию.

Нурлан МАХАМБЕТОВ

Уметь прощать

Повесть

(Продолжение. Начало в № 5 за 2011 год)

Борисов запомнился как небольшой, красивый старинный городок. Проезжая по улицам и глядя на многочисленные храмы, соборы, чувствовалось какое-то особое великолепие, незабываемость и древность, прошедшие сквозь толщу веков. Полтора века назад в этих местах гремели бои, “уносили ноги” остатки “победоносной” французской армии Наполеона, да и “вторая мировая” не обошла стороной сей славный град. В густых этих лесах немало героев нашей необъятной Родины сложили свои головы. Из городских достопримечательностей особенно впечатлил один памятник — на огромном подиуме стоял боевой советский танк. То ли экипаж его героически погиб, освобождая город, а может, кто-то из героев-танкистов родился здесь? “Т-34”, трактор на рычагах и скорость черепашня!” — сказал кто-то. Сопровождающий — пожилой уса-тый прапорщик обернулся, покачал головой: “Эх ты, умник. Да для того времени это был шедевр военной техники! Знаешь, что броню этого танка не могли пробить фашистские пушки! А установленное на нём калибром семьдесят шесть миллиметров орудие спокойно прошивало броню “тигров” и “пантер”. Курская дуга показала и доказала мощь и силу этих танков! Историю надо знать и помнить!”.

Наконец-то доехали до нужной остановки, и команда “серых шинелей” бодро зашагала в сторону войсковой части. Обычный стандартный КПП, и вот уже уставшие курсанты-выпускники “учебки”, перекусив в столовой, ждут распределения. Подходили офицеры — “покупатели”, называли номер команды, станцию назначения и выкрикивали фамилии. Минск, Слуцк, Пинск. Бек втайне надеялся, что попадёт в город, чтобы были увольнительные, кино и девушки. Но во все хорошие места почему-то забирали других и команда таяла на глазах. Вот назвали “Дусмурадов”, и Санчо, поправив вещмешок, шагнул вперёд. Команда шла на Брест, друзья обнялись. “Мы ещё увидимся!” — шепнул Бек. “Не поминай лихом!” — улыбнулся Санчо...

Через пару часов подошёл усталый капитан, с красным лицом и хриплым голосом. “Межица”, — крикнул он, затем зачитал фамилии оставшихся, в числе которых оказался и Назаров, и приказал через полчаса стоять у КПП. Назаров заглянул в “чапок” — солдатскую чайную, подкрепиться перед дорогой. В очереди стояли носатые, усаые и небритые “нацмены”. “Салам, братья! Кто знает, где находится “Межица” и как там вообще?” — громко спросил Бек. Один из них повернулся и коротко объяснил, что это “чёрная дыра” в атласе войск противовоздушной обороны, посоветовав купить мыло и верёвку. Бек вышел из чайной не в лучшем расположении духа, да и погода не радовала — хмурые тучи и сырость навевали грустные, тяжёлые мысли...

Машина остановилась возле КПП. Вокруг стоял густой, тёмный лес. Первая неделя ноября, снег уже успел выпасть и частично растаять, образуя островки и лужи на асфальтовом покрытии дороги, ведущей в войсковую

часть. Курсанты построились и, сопровождаемые капитаном, бодро зашагали в пугающую неизвестность. Был поздний вечер, уже стемнело, но в надвигающемся сумраке было заметно, что за бетонным забором находится небольшая часть. Прошли штаб и видно стало большой плац, две трёхэтажные казармы, стоявшие напротив друг друга, и здание столовой. “Да, что-то негусто”, — подумал Бек и вздрогнул от истошного крика, вдруг донёсшегося из открытой форточки казармы: “Духи! Вешайтесь!”. “Так вот зачем нужны мыло и верёвка! — вспомнились слова “дембеля” из Борисова. — Ну это мы ещё посмотрим, кому вешаться придётся!”...

Назаров попал в шестую отдельную зенитно-ракетную бригаду, охранявшую седьмую танковую армию, находившуюся поблизости, в 10 км от станции Заслоново. Заслонов — Герой Советского Союза, как и Матросов, закрыл грудью амбразуру фашистов. Было ли это в здешних местах, а может, где-то под Оршей, точно никто не знал. В бригаде было четыре дивизиона, РТР (рота транспортного ремонта), РМО (рота материального обеспечения) и ПО (подразделение обеспечения). Бека распределили в третий дивизион, в нём было 60 солдат и 20 офицеров. Командовал дивизионом подполковник Миронов — высокого роста, сухопарый, рыжеволосый, с массивной челюстью и тяжёлым взглядом узких, бутылочного цвета глаз. Лицо его было словно вырублено без лишних задумок и прикрас, со своеобразным загаром, этакой смесью солнца и спирта. “Краснорожий павиан”, — окрестил его Бекболат. Нравом командир дивизиона отличался далеко не ангельским, рассказывали, что его чуть не уволили за то, что он табуреткой сломал руку сержанту Касимову — “черпаку”, крымскому татарину. Тот сразу стал героем всей бригады, написав рапорт на имя начальника политотдела, благо тот только пришёл в бригаду и обещал поднять уровень воинской дисциплины, устроить пару показательных карательных мероприятий и отсрочкой присвоения очередного звания, которое вот-вот должен был получить Мирон — так солдаты называли командира дивизиона. В его небольшом кабинете всегда стоял стойкий запах перегара, которым было пропитано всё — нехитрая мебель и даже вешалка с парадной шинелью. Для справки: на дивизион ежемесячно выдавалась 20-литровая канистра ратифицированного спирта — для протирки секретной аппаратуры. Из этого запаса по фляжке получали семь офицеров — три комбата, начштаба, замполит, зампотех и старшина. Оставшуюся жидкость — свою львиную долю Мирон выпивал иногда с зампотехом, а чаще сам, сидя в своём кабинете. С утра, после развода, он заходил в кабинет, запирался на ключ и только после обеда, часам к пяти, дверь резко открывалась, и, шатаясь, выходило странное, страшное существо, красноглазое, красноносое и краснорожее. Дневальный, обычно молодой солдат, вытягивался в струнку, боясь даже поднять глаза. Дальше повторялась обычная процедура, дневальный кричал: “Дежурный, на выход!”, выбегал офицер, докладывал и выслушивал весь командирский бред — маты, угрозы и наставления. В это время находящиеся в казарме солдаты старались спрятаться, дабы лишний раз не попасть на красные глаза Мирона. Только спокойно спал на своей кровати ефрейтор Рыбачук, гарный хлопец з Запідной України, по кличке “Бандера”. Лет двадцати пяти, небольшого роста, лысоватый и беззубый, из глухого украинского села. Наверное, больной или “дембель”, — так подумал о нём Бек, увидев его в

первый раз. Во всей бригаде, насчитывающей около 300 человек, казахстанцев было всего двенадцать. Остальной контингент составляли азербайджанцы, таджики и узбеки. Чуть поменьше — украинцы, белорусы, молдаване, армяне, дагестанцы, грузины и прибалтийцы. Царило “землячество”, но и время призыва тоже имело большое значение...

Из учебной части вместе с Бекболатом Назаровым в дивизион попали таджик Бахтиёр Кахаров — “Баха”, Игорь Шинковец из Павлодара — “Точа” и армянин Саркис Тадевосян — “Ара”. Все были механики-водители. В первую ночь Бек проснулся от того, что замёрз. В казарме было прохладно, термометр показывал всего пятнадцать градусов тепла. Из открытой форточки несло холодом и морозом. Кровать Бека стояла второй от окна, рядом лежал, укрывшись лишь простынёй, старший сержант Киллас — старшина батареи, “дембель”, здоровенный, рыжий прибалт. Проникающий прохладный воздух видно ничуть не беспокоил его. Бек яростно закрыл окно, долго не мог согреться и наконец, только уснув, опять был разбужен. Кто-то его тормозил и спрашивал: “Где ключ от танка?”. Спросонок не разобрав, Бек в полумраке увидел двух солдат. Один маленький, с обезьяним лицом, славянской наружности, второй был похож на татарина, сержант. Наверное, это и есть Касимов, про которого и рассказывал дневальный Асылбек — единственный киргиз в бригаде...

Маленький, плотный, кривоногий и чернокожий, Асылбек был “дембель” и за какие-то нарушения стоял уже неделю в наряде у тумбочки. Его первым и увидел Бекболат, поднявшись на второй этаж казармы вместе с другими курсантами. Сопровождающий их капитан, войдя в казарму, строгим голосом и, видимо, для острастки вновь прибывших, спросил: “Я не понял, дневальный, почему стоим расстёгнутый и не отдаём честь?”. На что дневальный, криво усмехнувшись, выдал такую забористую брань, что курсанты опешили: по их понятиям, привитым в “учебке”, офицер был чем-то вроде божества, а тут простой солдат, понятно, “дембель”, разговаривает с ним как с каким-то мальчишкой с улицы. “Братишка, калайсын, кай жактансын?”¹ — дневальный увидел Бека и протянул ему широкую мозолистую ладонь. “Салем, жаксы, Целиноградтанмын!”² — ответил Бек и заглянул в скуластое, обветренное морозом и солнцем лицо с раскосыми глазами и пухлыми большими губами. “А-а-а, я думал, хоть под “дембель” земляка увижу! Я — Асылбек, из Оша, — заулыбался маленький крепыш, — никого не бойся, пока я здесь!” — киргиз оценивающе разглядывал новоприбывшего. “Да я в принципе не из робких!” — Назаров улыбнулся. Судя по губам, киргиз был простодушным аульским парнем, каких и у нас немало, подумал он, и ещё — почему люди маленького роста любят хвастаться и всё преувеличивают?!

Через несколько минут в подъезде послышался шум, топот и крики поднимающихся солдат. “Сапоги отряхивать! У кого снег увижу — пол будет мыты!” — киргиз встречал входящих кого пинком, кого шутливой затрепичкой, кого просто шуткой и расспросами. Да, не веришь ты людям, подумал Бекболат, а порою ведь надо доверять! Дело ведь не в том, что тебе в жизни чаще попадались нехорошие люди и ты разучился верить. Ведь есть же такие, как Асылбек, настоящие джигиты, которые не боятся никого

¹ Как дела, откуда? (каз.).

² Привет, хорошо, из Целинограда (каз.).

и ничего, крепко держащие слово, чтящие законы наших предков и живущие по ним. Как хорошо, наверное, жить среди них, в ауле, среди гор, тюльпанов и лошадей. Ощуаешь первобытный зов предков, гармонию с природой и никаких тебе экзаменов, институтов, проблем с работой, квартирой, машиной...

— Эй, Еркин, вон “зема” твой, с “учебки” пришёл! — Асылбек мотнул головой в сторону Бека, и в этот момент в казарму вошли три парня казахской наружности. Первый, Еркин, с плоским мальчишеским лицом и узкими щёлочками на белом лице, небольшого роста, за ним тоже двое низкорослых. Один смуглый и горбоносый, вообще походил на школьника-семиклассника. Поздоровались, познакомились. “Мышонка” звали Самат, он был с Актюбинской области, второй — белокожий, коренастый, с заспанными глазами, из-под Кокчетава — Жулдузбек Байбаков — “Жека”. Головой и могучей шеей он был похож на буйвола, а выражением лица и глазами на сурка, выскочившего погреться, поспать на солнышке. Еркин же был из Чимкентской области. “Мамбеты”³ — отметил мысленно про себя Бек. В детдоме и в городе всё было на русском, поэтому раньше говорить на родном языке ему не приходилось. Только иногда, когда приезжали родственники из сёл, шло общение на родном языке, да и в общаге, куда на время сессии селился Бек, чтобы скорее сдать зачёты и экзамены. Городские парни снисходительно смотрели на “колхозников”, на их “патлы”, белые воротнички рубашек поверх пиджака, высокие каблуки на платформе, а-ля д’Артаньян, и нутриевые шапки зимой...

“Проснись, слышь, где ключ от танка?” — весело пропел “Мартышка”, озираясь по сторонам, видимо, собравшись с татаринном устроить “концерт” для старослужащих. Беку сперва почудилось, что всё это сон, что сейчас он проснётся у себя в комнате дома и пойдёт совсем другая, мирная, будничная жизнь. Но чья-то рука яростно тормошила и не собиралась давать отдых уставшему за предыдущий день Беку. Багровая ярость, медленно приливая к голове, прогнала сон. Бек резко встал, схватил за шиворот “Мартышку”, притянул к себе и тихо произнёс: “Ещё раз разбудишь, я тебя в госпиталь отправлю! Не буди лихо, пока оно тихо!” — и, развернувшись, собрался было лечь, как тут его за рукав схватил татарин: “Э-э-э, ни фиги себе заявочки! Ты как разговариваешь, солдат?! Ну-ка смирно!”. Бек резко освободил руку, метнул яростный взгляд на сержанта: “Э-э-э, руки убери! Опух, что ли! Я ещё раз повторяю: не будите лихо — пока оно тихо! Дайте поспать! Вопросы если есть, завтра порешаем!” — и лёг, закрыв глаза. Два “артиста”, ещё немного поугрожав, ретировались в свою часть кубрика, где располагалась их батарея. В казарме спальное помещение называлось почему-то “кубриком”, как на флоте. Успокоившись и только заснув, Бекболат опять проснулся от холода. Открыв глаза, увидел тёмное небо и звёзды, ярко светившие в открытой форточке. Выругавшись, Бек опять закрыл её, постоял немного. Разглядывая спящих солдат, он слышал какой-то посторонний звук. Крысы, что ли? — подумал и испугался: кто-то говорил, что эти мерзкие твари запросто могут отгрызть ухо или нос спящего человека, так как в их слюне содержится обезболивающее вещество, которое и не даёт почувствовать боль. Осторожно и медленно подойдя к табуретке, на которой было аккуратно сложено его новое

³ Так в быту пренебрежительно называют сельских жителей.

обмундирование, взяв в руку свой сорок пятого размера сапог, Бек, словно лунатик, двинулся навстречу звуку. Крайней стояла кровать младшего сержанта Моисея, молдаванина, на полгода старше призывом. Звук исходил оттуда. Прислушавшись и пригнувшись почти к самому изголовью, Бекболат разглядел, как ходят желваки и челюсть спящего. Это он так скрипел зубами во сне. Хотя этот жуткий звук и был неприятным, от сердца отлегло. Хорошо что это не крысы! Всё! Хватит, спать. До подъёма оставался неполный час. Надо выспаться и встать бодрым и свежим, дал сам себе команду Бек...

— Дивизион! Подъём! — взорвал тишину громкий голос дежурного. — Первая батарея, подъём! — как эхо прогремело где-то почти под ухом. Бек открыл глаза и не увидел перед собой второго яруса кровати, как в “учебке”. Так, где это я? А-а-а... в войсках, ладно, посмотрим, что нас ждёт?! Ожидала зарядка, бег вокруг казарм, заправка постелей, умывание и построение в кубрике. Утренний осмотр проводил старшина батареи старший сержант Киллас. Нахмутив рыжеватые брови и выпятив вперёд массивную челюсть, заорал: “Я не понял, ребятишки, кто такой наглый посмел закрыть форточку?”.

Оказывается, до прихода молодого пополнения никто не мешал ему регулярно спать на свежем воздухе, закаливая организм. Теперь же кто-то нарушил его правила и вторгся в его отлаженный, как часы, быт. “Я закрыл!” — отозвался Бек. Старшина повернулся: “Ты что, опух? Ещё раз закроешь, я тебя высушу, понял?”.

— Да пошёл ты, морж камчатский! Спи на улице, если жарко! — Бек твёрдо смотрел прямо в взбешённую рожу старшины.

— Ни фиги себе! Упор лёжа, принять! — старший сержант решил проучить новичка. Только тот по-прежнему стоял спокойно улыбаясь.

— Я не понял, солдат! Упал резко! — голос приобрёл металлические ноты. Старшина почти вплотную приблизился к Беку. Назаров молчал, только когда Киллас протянул руку, отбил её:

— Здесь тебе не “учебка”! И я тебе не солдат, а товарищ солдат! Сейчас сам будешь отжиматься! — Бек сжал кулаки. Подскочил дежурный по дивизиону, капитан Ерастов с красным заспанным лицом и повязкой на рукаве шинели:

— Ни фиги себе заявочки! Так, в каком он расчёте? Кто сержант его? Моисей, почему этот солдат так себя ведёт? Провести работу, вызвать замполита, комбата! Он ещё и дня не отслужил, а уже проблемы!

— Я сгною его, — старший сержант Киллас от негодования стал похож на варёного рака с выпученными глазами и торчащими в стороны усищами. Тут с улицы послышался бой большого барабана, бригада строилась на завтрак. — Ладно, потом разберёмся! — дежурный дал команду выходить и строиться на плацу...

Плац являл собой заасфальтированный прямоугольник, вдоль длинных сторон которого стояли друг против друга трёхэтажные здания казарм с двумя подъездами. На первом и втором этажах каждого подъезда располагались личные составы дивизионов, на третьем — спортзал. Напротив в здании, в первом подъезде, на первых двух этажах была “мазута” — рота ПО (“подразделения обеспечения”) и РТР (“рота технического ремонта”), на третьем этаже — санчасть. Во втором подъезде находился отдельный батальон сапёров, не имеющий никакого отношения к бригаде.

Здания между собой соединяла двухэтажная столовая, образуя букву “П”. Отдельной зенитно-ракетной бригадой командовал полковник Кашин. Начальником политотдела был полковник Рябков, недавно прибывший и уже успевший нагнать страху на “дедов” и “дембелей”. Всё это рассказал Беку Асылбек, после отбоя, скучая на своём посту.

Кормили здесь неплохо, Бек с удовольствием отметил хорошее меню, были салаты и даже хлеб давали двух видов, чёрный и белый — батон. И даже звук был другой — в “учебке” стояла какофония от бряцающих алюминевых тарелок и ложек. Здесь же тарелки были фарфоровые, и шума было как будто поменьше.

После ужина собрались все казахи бригады. Два брата-близнеца Смаиловы, по метр с кепкой, водители из санчасти, “малыши-карандаши” из Семипалатинской области. Оразбек из-под Алма-Аты, ещё один Еркин — толстый и неуклюжий, из Чимкентской области, Жумабай из Кызыл-Орды и Бердибек из Джамбула. Все сельчане, с восьмилетним образованием, простые аульские парни, не выдавшие в жизни ничего кроме баранов, лошадей и тракторов. Общение происходило на родном языке, и земляки не могли понять, почему Бек отвечает на русском. Они были совсем разные, будто с разных планет и цивилизаций, встретившиеся где-то на орбитальной станции, на которой должны были слиться в один могучий организм. Бек, пообщавшись с земляками, вдруг почувствовал себя таким недоразвитым и жалким, словно был каким-то уродцем, на которого смотрят с изумлением и насмешкой. Земляки отстали со своими расспросами, начав обсуждать между собой, как им относиться к новоявленному представителю их этноса, думая, что Бекболат совсем не понимает разговора. “Эй, аккумуля, таяк жесен жылама, иштеме айтпа бастыктарга!”⁴ — круглолицый Жумабай с улыбкой, сделав круглые глаза, посмотрел на Бека как на идиота.

— Ты, чертило колхозное, за кого меня принимаешь? Ты сам сейчас плакать будешь, я не посмотрю, что ты земляк! — Бек, сидя на табуретке, выпрямился, ожёг взглядом кзыл-ординца, ему перестал нравиться “радушный” приём земляков.

— О-о-о, молодец, всё понимает! Джигит! — Жумабай вскочил, с ходу преобразился, заулыбался и полез обниматься, — кешир, брат! Молодец, Целиноград! — Все тоже заулыбались, кроме Бердибека, тот молча смотрел каким-то отчуждённым взглядом. Странное, неживое лицо, и глаза какие-то белёсые, непонятные — “сфоткал” его Бек. Ростом среди земляков вышел только Жумабай — он был среднего роста, широкоплечий, чернявый, бровастый. Его раскосые глаза глядели всегда насмешливо и удивлённо. Нравом отличался весёлым, шутливым, на лице всегда сияла улыбка. Остальные были “мелкосопочник”. По этому поводу вспомнилась смешная история. В столовой, на следующий день после приезда, к Беку подошёл “страшный дембель” — азербайджанец. “Братишка, ты кто, а?” — спросил он. “Не понял, как кто?” — с недоумением пожал плечами Бек.

— Ну, я, Мамед — Азербайджан! А ты кто? — маленький, волосатый, кривоногий, с большой головой и недельной щетиной, “дембель” был похож на пожилого, вернее, старого самца гориллы.

⁴ Эй, русский, если бить будут — не плачь и не стучи! (каз.).

— Я Бекболат — казах, — ответил Бек в тон, тоже с акцентом, ударив себя в грудь.

— Э-э-э, брат, зачем врать, да? Вон смотри... вон казах..., вон казах..., вон казах..., — корявым пальцем Мамед начал тыкать в земляков Бека. — Все вот такой, — рукой показал чуть ниже себя. — А ты в-о-о-о-т такой! — Мамед встал на цыпочки, выбросив руку вверх, будто тянулся сорвать плод с дерева.

— Брат, знаешь, они — степной казах, а я горный казах. Ты в цирке был, верблюдов видел? У нас горы, горы... — Бек вспомнил эпизод из фильма, рукой рисуя волны.

— Э-э-э, это у нас горы, в-о-о-о! Кавказ! — азербайджанец вытянул большой палец.

— Э-э-э, у нас тоже есть горы! В-о-о-о! Алатау! — Бек двумя руками показал большие пальцы, потрясая перед удивлённой физиономией “дембеля”. Эти “кавказские понты” он выучил ещё в девятом классе, когда к ним пришёл Джанболат — дагестанец из Махачкалы. Невысокий, худощавый, черноволосый, с густыми бровями, с чернильными брызгами глаз, Джан был как ребёнок. Верил всему, что говорили, и совсем не замечал насмешек и иронии. Ребята, вспоминая эпизод какой-то комедии, спрашивали его: “А арбуз в Дагестане есть?”. — “Да-а-а-а, есть, ещё какой! В Кызылюрте, в-о-о-о-о-о-т такой арбуз!” — тряся руками и разведя их на полтора метра, отвечал Джан. “А волк есть?”. — “Да-а-а-а, есть, в-о-о-о-о-о-т такой!” — опять, рукой показывая рост телёнка, пояснял Джан. Короче, в Дагестане было всё и при этом чудовищных размеров. Только когда спросили о бегемоте, Джан долго молчал, потом сказал, что точно не знает..

— Да ты не расстраивайся, не обижайся на них! Научись говорить, ещё полтора года впереди! — видя смурное настроение Бека, подошёл и сел рядом Жулдузбек, оказавшийся в одной батарее с ним и его кровать в кубрике стояла рядом. В армию он призвался из Северо-Казахстанской области и сочувствовал сослуживцу, столкнувшемуся с предвзятым отношением со стороны земляков-южан.

— Да я не обижаюсь, просто зачем издеваться! Я ведь не виноват, что у нас в детдоме и в школе всё на русском было! А ты сам из какого района? У меня в Кокчетаве и по области вашей полно родни! — Бекболат внимательно посмотрел на Жеку. Тот словно дремал, сидя на табуретке, на невозмутимом лице ничто не отражалось. “Наверное, до такой степени устал, что разговаривать лень, — подумал Бек, — ладно, будем отбиваться, спать пора!”.

Лёжа на кровати, Бек не мог уснуть, перед глазами возникли презрительные взгляды, кривые ухмылки земляков. Никогда и никому в жизни он не позволил бы так смотреть и разговаривать. Только здесь кулаками ничего не добьёшься, здесь не нужны стальные нервы, выдержка и умение драться. Тут место сердцу и оно должно подсказать тебе. С горечью вздохнув и с головой укрывшись одеялом, Бекболат уснул...

(Из письма рядового Назарова Б.)

“Здравствуйте, дорогие мои дядя Толеген, тётя Мариам! Извините за долгое молчание, всё никак не мог найти свободное время, чтобы спокойно написать вам. Прежде всего хочу узнать как ваше здоровье, работа? Что нового в городе? Как погода? У меня всё отлично, здоровье

крепкое, настроение боевое, кормят здесь сытно и вкусно. Климат здесь сырой и влажный, вокруг болота и Беловежская пуца. До ближайшей деревни километров 30 будет, короче, глухомань, тишь да благодать. В “учебке” не получилось остаться писарем, так здесь зовут. Не знаю, сказал, что подумаю. Хотя надоело в боксах мёрзнуть, под машинами ползать. Начальник штаба вроде мужик неплохой, майор Харин Сергей Александрович. Мне сразу понравился, вы, говорит, казахи — народ толковый, только ленивый! Вас надо постоянно в узде держать, а то, если дашь волю — не удержишь! Наверное, про декабрьские события напоминает. Ладно, бог с ним! Нагаши, просьба к вам, после Нового года мы сразу на учения, на два месяца, уезжаем на границу с Польшей. В лесу будем жить. Ребята старше призывом советуют тёплые носки и свитер какой-нибудь с собой взять. Если не трудно — вышлите и там по усмотрению покушать что-нибудь, если можно. Заранее благодарю. Ладно, всем привет, с уважением ряд. Назаров Б. С. Пишите! 29.12.1987 г.”.

Ефрейтор Бонюсевич, или как его называли “Боня”, поляк из Каунаса, сидел на табуретке в небольшом прокуренном кабинете, который назывался штабом дивизиона. Среднего роста, худощавый, всегда бледный и непричесанный, в грязном ППП, он вообще не вписывался в армейский суровый быт, хотя и был уже “дембелем”. Обхватив руками свои немытые, засаленные космы, он что-то мычал, раскачиваясь всем телом. Накануне он получил письмо из дома: мама тяжело болела, и сестрёнка спрашивала, когда же он уволится в запас и придет наконец домой. Здесь ему накупили уже много вещей и поэтому не надо ничего покупать, никаких подарков, сразу прямиком домой. К тому же на Новый год приезжает погостить Ядвига — племянница тёти Ханы. На следующий год она заканчивает университет и очень даже похорошела... Работа не клеилась, хотя шеф — начштаба майор Харин не сильно и озадачил подчинённого. Просто у него не было особого желания трудиться и вообще — было такое чувство, что дни тянутся бесконечно долго, нет конца и края этой надоевшей службе. И может случиться, что его нервы или сердце не выдержат, до такой степени обрыдло всё, хоть в петлю лезь! Невесёлые мысли ефрейтора прервал робкий стук в дверь. Боня открыл, перед ним стоял долговязый казах, механик-водитель из вновь прибывших. В руке он держал конверт.

— Извини, можно я подпишу конверт? У тебя же есть перо и тушь? — спросил казах.

— Есть, заходи, только давай быстрее, а то сейчас построение на ужин будет! — Боня придвинул перодержатель с баночкой туши. Новичок сел на предложенный табурет, взял перо, почистил и, обмакнув в тушь, уверенным почерком написал: “Каз.ССР, г. Целиноград, пр. Победы, д. 87, кв. 55, Жандосовым”...

— Матка боска, Чентстоховска, — Боня не поверил своим глазам: этот “карась” писал быстрее и лучше его. “Есть всё-таки Бог на земле, вот она, моя замена!”. — Боня быстро выпроводил новичка, схватил пропуск-жетон и помчался в ДОС № 1 (дом офицерского состава), где жил с женой и двумя детьми майор Харин.

Бек заканчивал ужинать, стараясь есть не спеша. Если не концентрировать внимание на скорости поглощения еды, то сразу давала о себе знать “привитая” за полгода привычка с “учебки”. Там на приём пищи

отводилось ровно пять минут, поэтому ложка летала на бешеной скорости. Здесь, в войсках, “рубали” пятнадцать минут, и пришедшие с “учебки” солдаты, покончив с трапезой, подняв глаза, обнаруживали, что вокруг все только заканчивают первое блюдо. Оставшиеся 10 минут были самыми мучительными и стыдными, особенно когда “дедушки”, сытые и пришедшие только что из офицерской чайной, с притворной заботой подсовывали свои нетронутые тарелки и просили скушать ещё за маму, за папу.

Бекболат оглянулся на соседний стол, за которым сидели пришедшие с ним с “учебки” ребята. Баха молодец, ел неторопливо, с ленцой, почувствовав взгляд, повернулся. Бек глазами показал на Ару, тот, выбивая стремительный такт ложкой, яростно заканчивал второе, при этом его челюсти работали со скоростью челнока немецкой швейной машинки. Баха невозмутимо пнул его под столом. Саркис удивлённо взглянул на сидевшего напротив Бахтиёра. “Ара, ты куда-то торопишься?” — улыбнулся Баха. Тот покраснел, отодвинул тарелку: “Нет, а что?”. — “Да ничего, просто показалось!” — Баха подмигнул Беку. Назаров развернулся и вдруг резко отпрянул назад — напротив него сидел и глядел безумными глазами писарь Боня.

— Слышишь, тебя как зовут? — с прибалтийским акцентом спросил он.

— Бекболат, а что? — Бека смущал затравленный взгляд Бонюсевича.

— Бекболат, я всё рассказал ему! — Бонин голос, казалось, сорвётся на плач.

— Кому ему? — не понял Бек, мелькнула мысль, что сидевший напротив ефрейтор безумно болен.

— Начальнику штаба, майору Харину, — Бонино бледное лицо подрагивало.

— Что рассказал? — в голове сразу закрутились, защёлкали невидимые шестерёнки, выискивая все возможные варианты ответов на непонятный пока вопрос.

— Что ты поешь тушью... даже лучше меня!

— Зачем? — от сердца отлегло. Фу-у-у, блин, пугает своими недомолвками и странным выражением лица.

— Да пойми ты, у меня мама болеет! — Боня вытащил смятый конверт и, закрыв лицо руками, зарыдал.

— Я-то тут при чём? Зачем ты мне всё это рассказываешь? — Бек отодвинулся. “Да, точно псих, чёрт знает, что у него на уме?! Зачем я попросил у него тушь с пером?! Любовь к аккуратно подписанным конвертам боком вышла!”.

— Мне домой над-о-о-о-о-о! Я не могу уже! Замены нет! Михайлов — чёрт, “закошил” в госпиталь, я его учил, а он... — опустив голову с торчащими волосами на сложенные руки, Боня ревел навзрыд как школьник.

— Так ты — “дембель”?! — Бек недоверчиво уставился на трясущуюся рыжую шевелюру.

Утром, после развода, Назарову велено было зайти в штаб, где и состоялась беседа с НШ (начальником штаба). “Ты подумай, не торопись, сейчас зима, зачем сопли морозить в боксах, лучше в тепле переждать. Михайлов вернётся скоро из госпиталя, а пока поработай, если же не понаравится, никто насильно не держит...” — спокойно, делая паузы между глубокими затяжками сигаретой, майор Харин объяснял специфику работы штабного писаря. Бек стоял, внимательно слушал. Он уже сделал выбор и

теперь, глядя на пронизательные карие глаза, крупный нос и блестящую лысину будущего шефа, старался настроиться, поймать “волну”, исходящую от этого человека. Вчера он поделился мыслями с Асылбеком. Киргиз дал лестную характеристику НШ: “Конкретный мужик, справедливый!”.

— Ну что, рядовой Назаров, будем работать или нет? — Харин, прищурившись, улыбнулся и вдруг резко добавил: — смотри, как Боня на тебя таращится, того и гляди расплачется!

Бек тоже улыбнулся:

— Конечно, будем, товарищ майор! Только дайте немного времени ещё, чтобы понять всё, освоиться.

— Время есть, Бонюсевич тебя быстро научит! Это в его интересах, да, Боня? — НШ повернулся к ефрейтору.

— Так точно, товарищ майор! — рявкнул сияющий Боня...

И полетели дни, стремительно и незаметно. С самого утра начиналась суматошная круговерть. Бек научился бегло печатать на машинке, вести и подшивать журналы, заново переделали всю наглядную документацию, освежили все бирки: на противогазах, в “оружейке”, в расположении на тумбочках и шкафах и даже номера всех машин дивизиона. Спать ложились далеко за полночь, когда в казарме стоял дружный храп умаявшихся за день ребят.

— Ну вот и всё. Теперь ты всё знаешь и умеешь! Тебе, я думаю, не придётся жалеть, что ты выбрал работу в штабе! Старайся не подводить Сергея Александровича, он неплохой мужик. Держи “краба”! — взволнованный Боня стоял в парадной форме посреди штаба и, прощаясь, оглядывал вокруг всю успевшую и стать родной, и надоесть нехитрую обстановку — три стола, три шкафа и сейф, стоявший в углу.

— Давай, удачи тебе! — Бек пожал протянутую руку, подумав, что послезавтра этот человек будет уже дома, увидит родных и никто не станет ему что-то поручать и приказывать. И что когда-нибудь наступит и его день, когда вот с такими же безумно светящимися от счастья глазами он тоже будет жать чью-то руку и прощаться с армией.

После Бони осталась только надпись на внутренней стороне дверцы шкафчика, сделанная ниже предыдущей: “Носельман Григорий г. Москва 1983—1985 гг.”, под ней: “Бонюсевич Янек г. Каунас 1985—1987 гг.”.

До нового 1988 года оставалось чуть больше месяца. Дивизион заступил на боевое дежурство, и в казарме остались лишь немногие, составлявшие обслуживающий персонал бригады — повара, кочегары и водители. Позиция БД (боевого дежурства) находилась в пяти километрах от расположения части и представляла собой огромный бетонный бункер под землёй. Боевые машины были спрятаны в окопах и накрыты маскировочными сетями. Снаружи ничего не было видно, кроме нескольких мощных РЛС (радиолокационных станций), отслеживающих любую движущуюся цель за тысячи километров. Глядя на мощную боевую технику, сложную аппаратуру, слаженные действия командиров и солдат, отрабатывающих учебные “тревоги”, Бек испытывал чувство гордости, что именно ему выпало защищать мирное небо нашей Родины. В принципе всё было нормально и удивительно хорошо. Земляки после назначения Назарова писарем стали добрее и разговорчивей. Да и многие офицеры старались найти общий язык с долговым казаком, потому что теперь многое зависело от этого паренька.

Дорога, ведущая в часть, казалась узкой из-за высоких сосновых стен, которые с молчаливым упорством надвигались на тонкую нить асфальта — совершенно чуждую в этой первозданной чистой красоте. Лес жил своей обычной жизнью. В жутко-незыблемой тиши громким эхом перекачивалась гамма разнообразных, необычных для городского уха, звуков. Издалека доносился негромкий перестук дятла, рядом ветер поскрипывал мощными стволами деревьев и шумел в их кронах, да вороньё своими криками — разрушали спокойную и величественную тишь. Белоснежный пушистый ворс мягко окутал всё вокруг. Стояла тёплая солнечная погода, снег звонко похрустывал под сапогами сорок пятого размера — Бек возвращался в часть после двух суток непрерывной работы без сна и покоя. Была проверка боеспособности дивизиона штабом военного округа. Запущенная цель была обнаружена и уничтожена. Конечно, всё это было условно, но как и положено, цель вели, и при входе в радиус поражения она была на “мушке” всех боевых расчётов дивизиона. Всё было по-настоящему, вплоть до рапорта, адресованного вышестоящему начальству: “Цель захвачена, разрешите огонь!”. Только после доклада наконец-то прозвучало: “Отбой тревоги!”. Двое суток подряд операторы дивизиона, глядя красными воспалёнными глазами в мониторы, упрямо вели цель: точно наносили координаты, курс, высоту, скорость, не дав возможность уйти.

Бек с шефом принимали данные на головной командный пункт, отмечали траекторию учебной цели на большой стеклянной перегородке из оргстекла, разделённой на квадраты, записывали постоянно меняющиеся коды “ЯСС” (я свой самолёт), ЧБЗО (чередование бортовых и задних огней) и другие получаемые данные. Бек значился по второй форме грифа секретности, действующего на территории СССР. Она являла собой подписку о неразглашении полученных сведений и невыезд за границу в ближайшие десять лет. Это была первая проверка боевых навыков и качеств Бека, как штабного работника, и он, судя по одобрителю взгляду и улыбке НШ, справился с ней. “Два дня отдыхай, заслужил, молодец!” — похвалил шеф, сам усталый, но довольный. В тяжёлые моменты, когда, казалось, день смешивался с ночью, в сыром бетонном бункере, при постоянном электрическом свете, майор Харин, заварив крепкий кофе и подкурив сигарету, тормозил Бека. И видя человеческое отношение начальника штаба к подчинённым и лично к нему, Бекболат старался не подвести майора, умывшись снегом, несколько раз отжавшись от пола, прогонял накатывающую дремоту. Раньше Бек не знал, что можно уснуть стоя, сидя и даже на ходу. В короткие периоды отдыха он буквально валился с ног, мгновенно засыпая в полумраке спального отсека. Бывало, что за несколько секунд покоя снился какой-нибудь сон, до того яркий и правдоподобный, что случались курьёзы. На второй день нескончаемой “войны” Беку приснился дом. Как будто он приехал в отпуск. Нагаши и Мариам-тате обрадовались, обнимают, целуют его. Сели на диван, расспрашивают о том о сём. Потом татешка говорит, что купила ему плащ импортный, финский. Иди, мол, примерь, в шкафку висит. В этот момент Назарова на самом интересном месте разбудил заместитель НШ, старший лейтенант Ярошев: “Бек, вставай, опять вводная. Пошли, быстрее!”. Бек, поднявшись, поплёлся за “старлеем”, на ходу досматривая сон, который, как ни странно,

продолжился с того же места. Зайдя в штаб Бек подошёл к шкафу, где находилась разная документация, открыл дверцу и молча начал шарить по полкам. “Ты что там ищешь? Бекболат?” — раздался голос НШ, майор стоял рядом, тряся за плечо подчинённого.

— А где?.. Плащ?.. — Бек проснулся, и перед глазами лицо Мариам-тате превратилось в недоуменную физиономию НШ: “Какой плащ?! Ты что! Иди кофе тресни! Давай просыпайся!”.

В бригаде всё было спокойно и тихо. Выспавшись, Бекболат решил сходить в клуб. Там была библиотека, захотелось что-нибудь почитать, ещё никогда не было столько свободного времени. По дороге навстречу попался Бердибек, он был водителем в подразделении обеспечения (ПО).

— О, Баке, салам, рад видеть! Может, в чайную сходим? Приглашаю! Заодно пообщаемся, а то как-то толком даже не поговорили, — Бек радостно поприветствовал земляка. Тот, пожав руку, молча стоял, отрешённо глядя куда-то в сторону. — Ой-бай, Баке, что с тобой? — Бек, улыбаясь, хотел обнять товарища, но тот, резко отстранив от себя руку, сердито выпалил: “Эй, сен абден орыс болып кеттин гой. Неге казакша сойлемийсын? Орысша сойлесен, маган жакындама!”.⁵ Развернувшись, он хотел уйти, но Бека уже “повело”: “Кешириңыз, бай-аке! Нагыз казак болсан, неге сен “чёрт” сиякты журесен? Сенин шалбар, кийим кап-кара, озинге карашы”.⁶ “Э-э-э, ты сам чёрт, понял!” — откуда-то вдруг вспомнил русские слова Бердибек. Вспышка ярости, сметая всё на своём пути, мгновенно охватила Бека: “Ах ты, мамбет, скотина! С тобой по-хорошему, а ты морду воротишь!” — и сделал ложный замах, словно собирался ударить правой. Он не хотел бить, просто это вырвалось машинально.

Бердибек, зажмурившись и замахав руками, двинулся вперёд, стараясь попасть по лицу противника. Это его погубило, уклонившись в сторону, Бек коротким хуком слева срубил коротышку. Бил он несильно, не со злостью, так, просто преподать урок. Но этого было достаточно. Бердибек, схватившись руками за челюсть, что-то промычал и умчался. “Да, вот и пообщались!” — с досадой, морщась и вытирая руку, словно запачкался, Бек отправился в клуб. Найдя библиотеку, он сначала заглянул в соседний кабинет, где размещался фотосалон, узнал стоимость, срок заказа и занял очередь. В большое зеркало, висевшее рядом с дверью, попеременно смотрелись желающие сфотографироваться, делая суровые, строгие лица и поправляя короткие волосы. Бек вспомнил фотографии из “дембельского” альбома Арсена, с которых мужественно смотрели его однополчане. Это, наверное, они для девушек так стараются, чтобы быть позадумчивей и посерьёзнее — подумалось ему. Хорошо что у него никого не было и не надо было строить рожу и пыжиться. Сфотографировавшись, Бек посетил библиотеку. За столом, укутавшись в тёплый плед, сидела сухонькая беленькая женщина, неопределённого возраста, с большими очками на маленьком тонком носике.

— Здравствуйте, коллега! Меня зовут Бекболат, я — писарь третьего дивизиона.

⁵ Ты совсем обрусел! Почему по-казахски не говоришь? По-русски ещё скажешь, не подходи! (каз.).

⁶ Извините, достопочтимый бай! Если такой казах, что как “чёрт” ходишь, одежда вся грязная (каз.).

— Здравствуйте, — тихо откликнулась “Божий одуванчик”, — а почему “коллега”?

Бек объяснил, что тоже работал в библиотеке, художником-оформителем. — “Елена Викторовна!” — представилась женщина, моргнув сквозь толстые линзы очков серыми глазами. После короткого разговора стало ясно, что кроме периодики, журналов “Советский воин”, ленинских томов и брошюр Маркса и Энгельса читать особо нечего. “А вы сами, если не секрет, что сейчас читаете?” — Бека уже давно “мучил” литературный голод. “Да так, ничего особенного, Стивен Кинг — “Мёртвая зона”, — вложив закладку, Елена Викторовна сухими тонкими пальцами закрыла книжку, показав обложку. “Елена Викторовна! — нараспев, просительным тоном, сделав жалкое лицо, стал умолять Бек, — буквально на одну ночь, завтра утром отдам, я быстро читаю. Как коллега к коллеге!” — Бек потихоньку тянул руку к книге, глядя прямо в глаза “Божьему одуванчику”. Та улыбнулась: “Ладно, только никому не давать! За ней очередь стоит!”.

Радостный, с улыбкой на лице Бек понёсся прочь, — скорее закрыть-ся в кабинете, опустить на окне светомаскировку, чтобы никто не увидел, взять сигареты, заварить чай и читать, читать, читать! Вдруг услышал где-то сбоку: “Товарищ солдат!”. Обернувшись, обомлел — навстречу шёл начальник политотдела бригады полковник Рябков. Небольшого роста, седовласый, с моложавым лицом и жёсткими серо-голубыми глазами. Бек уже видел его, когда только прибыли в часть. Говорили, что его недавно перевели из Германии и что он жестоко наказывает нарушителей воинской дисциплины. На прежнем месте, ходили слухи, немало солдат отправились с его помощью в дисциплинарный батальон. Бек оправился, приложил руку к виску: “Здравия желаю, товарищ полковник!”. — “Здравствуй, сынок!” — совсем не по-военному, за руку поздоровался и сахарно пропел, улыбаясь, полковник. Блеснув мелкими ровными зубами, он на секунду внимательным взглядом-рентгеном просветил Бека: “Ты же недавно прибыл? Казахстанец? Откуда сам? Я во многих местах бывал у вас и друзья-казахи есть”. Узнав, что Бек целиноградец, оживился, немного задумавшись, неожиданно велел следовать за ним. Штаб бригады находился почти напротив клуба. Поднялись и зашли в кабинет, на двери которого висела табличка “Политотдел в/ч 68409”.

“Раздевайся, присаживайся, сейчас будем пить чай с вареньем, поболтаем, мы же куда не спешим?!” — начПО повесил шинель на стоявшую рядом вешалку, снял каракулевую папаху и сразу же стал ещё ниже ростом, этакий мальчик-колобок, переросток с взрослым лицом и пронзительными колючими глазёнками. “Давай не стесняйся, сынок, проходи, садись! Рассказывай, как город, что нового построили? Я, дай бог памяти, в году семьдесят седьмом был у вас. Красивый город, особенно площадь понравилась!”. Спустя немного, спросил как зовут, где учился, в какой дивизион попал, как адаптация проходит, обстановка какая среди военнослужащих. “Ясно, Бекболат, вижу, ты хлопец толковый, комсомолец, почти с высшим образованием! Поди и учишься на “отлично”? Так, значит, ну а... как относишься к политике партии? Ну понятно, что хорошо, одобряешь и всё такое, я имею в виду, хочешь ли вступить в наши ряды?” — глаза начальника политотдела буквально впились в лицо Бека. Тот выждал паузу и, как бы раздумывая, произнёс: “Желание-то есть, да вот готов ли я, достоин ли, вот в чём вопрос!”. — “Правильно рассуждаешь, доверие надо

заслужить! Для этого годы требуются, ну ничего, у нас с тобой полтора года есть. Если хорошо проявишь себя, вернёшься домой коммунистом. Это моё слово, считай, что мы с тобой договорились и вместе работаем. Вот тебе первое задание, оно непростое, требует смекалки и выдержки, надеюсь, ты справишься! С этого дня ты непосредственно мой подчинённый и должен стать моими глазами и ушами! Не думай, что ты один такой, у меня много помощников, и я всё держу под контролем. Наша задача — улучшить воинскую дисциплину в бригаде и полностью искоренить неуставные взаимоотношения и дедовщину. Надеюсь, всё ясно? Вопросы есть?”. Бек вытянулся: “Никак нет, товарищ полковник!”. — “Всё, можешь идти! Смотри у меня, мы с тобой договорились! Ты хочешь стать коммунистом, а я хочу поднять дисциплину и мне нужны показатели”, — начПО встал и подал руку. Беку осталось только пожать её...

Выйдя из штаба бригады, Бек вздохнул, секунду постоял и зашагал в казарму, на ходу обдумывая сложившуюся ситуацию. “Да, за всё надо платить... Ну что ж, посмотрим, что из этого выйдет, не будем пока загадывать” — размышлял Бек.

А в казарме, как говорится, нашего полку прибыло: поступили окончившие “учебку” операторы — все младшие сержанты и только один рядовой. Земляков не оказалось, были с Урала — Челябинск, Сургут, Миасс, и один из Москвы. Он сразу бросался в глаза своей бесформенной шапкой, шинелью, висевшей на нём серым мешком, голубыми глазами, большими девичьими ресницами и идиотской улыбкой на чистом, ещё не знавшем бриться лице. Фигура была тоже несолдатская: узкие плечи, руки почти без бицепсов, кисти тонкие, с длинными музыкальными пальцами. Голос был тихий, нежный и при любом случае “Москва” заливался румянцем, смущённо опуская взгляд и растерянно улыбаясь. Он не курил, не ругался матом, старался говорить вежливо и ко всем обращался на “вы” — как выпускника пансиона благородных девиц. “Да, попал, парниша!” — сочувственно глядел Бек на расширенные от страха глаза москвича. Вспомнились “учебка” и толстый, килограммов на 120, армянин. Белокожий, в складках, словно огромная жирная гусеница, со свисающими грудями как у бабы. Сапоги не налезали на его толстые ноги, пришлось разрезать голенища. Еле спустившись со второго этажа, он сидел на скамейке и тяжело дышал. Бек его тогда спросил: “Ара! Не пойму, ты вообще как сюда попал?!”. Тот, чуть не плача, запричитал: “Ой, не скажи, брат! Попал, попал...”.

Тут вошли в казарму азербайджанцы. Впереди Джимми-Гияс и Джимми-Али, два неразлучных друга. Их так называли за то, что они вдвоём знали почти все песни из индийских фильмов, особенно “Танцор диско”. А в выходные устраивали концерты, в большом туалете. Высокий потолок и кафель создавали хорошую акустику, ну а зрители — тёплую, дружескую атмосферу. Дневальные загодя наводили идеальный порядок — всё блестело и было готово для проведения концерта. Вхожи были немногие, только старослужащие и избранные. Бекболата с Бахтиёром поначалу тоже не хотели пускать, но они, чуть не подравшись, заслужили места зрителей и обалдели от вокальных данных, виртуозности, хорошего аккомпанемента и артистизма этих парней. Джимми-Гияс обладал красивым, певучим голосом и актёрскими данными. Он с обезьяним искусством подражал героям любимого фильма, выделявая с отточенным мастерством все

жесты, мимику и танцевальные па. Вторым участником дуэта, Джимми-Али, на “гражданке” выступал в народном ансамбле, был профессиональным ударником, вернее, играл на азербайджанском барабане и бубне. В данных условиях за неимением оных он из простой табуретки умудрялся извлекать такие звуки, что она казалась какой-то особенной. Впоследствии дуэт перерос в трио — Баха присоединился к ним, подыгрывая на аккордеоне. Туалет во время таких концертов долго не работал, и все ходили к соседям, на первый этаж.

Джимми-Гияс, “загребая” своей вихляющей походкой, шёл как обычно, что-то напевая, и вдруг остановился, увидев “Москву”.

— Вай, вай, вай! Кого я вижу! Брат, Али, скажи, дорогой, ты тоже видишь эту прекрасную незнакомку или это сон? — рядовой Гиясов, как всегда, играл на публику. Сержант Алиев не стал отвечать и, мельком взглянув, последовал к своей кровати. Гияс, встав на колени, дурашливо воскликнул: “Клянусь, ты будешь моей, о прекрасная из прекрасных!” — и смачно облобызал руку. Казарма взревела, засвистела, захохотала до дрожи оконных стёкол. Новичок, идиотски улыбаясь, безуспешно пытался вырваться из цепких чёрных волосатых объятий.

— Эй, Нуритдин, сюда иди! Дело есть! — позвал Баха Джимми-Гияса, решив помочь москвичу выпутаться из неприятной ситуации. Бахтиёр Кахаров старался всегда быть справедливым и честным. Он был чуть ниже Бека, плечистый, коренастый, с правильными чертами лица и весёлой улыбкой. Среди таджиков пользовался особым авторитетом, родом был из-под Душанбе, сын председателя колхоза, учился в престижном институте.

— Я тебе хотел одну песню показать, ты должен её знать! Пойдём, брат! — Баха увёл Гияса в ленкомнату, и вскоре оттуда послышались звуки аккордеона...

Продолжение в следующем номере.

Известному казахскому писателю Акылбеку Шаяхмету исполнилось 60 лет. В его новой книге на русском языке “Гуси-лебеди летят”, которая приурочена к юбилею, представлены драматические произведения, стихи и статьи.

Характерная черта автора проявляется в любви к человеку. Он глубокими корнями уходит в родную казахскую степь, в поэтических произведениях развивает философские темы, трогая самые нежные струны человеческой души. Его перу принадлежат и лирические строки, и циклы стихов разной тематики. Самое главное — поэт смотрит на современный мир своими глазами.

Основная тема его лирики — родная земля, её сила и нежность. Стихи

Акылбека Шаяхмета всегда экспрессивны, страстны, эмоциональны.

Любовь и ненависть, добро и зло, свет и тень переплетаются в его драматических произведениях и статьях. Писатель от чистого сердца воспекает просторы своего Отечества, зелёные леса и белые снега родной земли.

Редакция “Нивы”, предлагая читательскому вниманию стихи из этой

книги и предисловие поэта Сабира Абдуллы, сердечно поздравляет своего давнего и постоянного автора, замечательного поэта и прозаика Акылбека Шаяхмета со славным юбилеем и желает ему новых творческих достижений на благо родной литературы, неиссякаемой энергии, благополучия и счастья!

На орбите вдохновения

Когда сам творец мужественен, творчество его возвышенно. Лишь мужественные люди в состоянии творить подлинные литературные шедевры. Насколько выше духовный уровень поэта, писателя, композитора, настолько ценнее, оригинальнее его творчество. Одним из таких поэтов, которого я лично знаю как феноменальную личность, как одарённого поэта, является мой сердечный друг Акылбек Шаяхмет.

Вместе мы разделили радость студенческих дней в Литературном институте, во время сессий жили с ним в одной комнате, совместно посещали творческие семинары, которые возглавлял известный русский поэт В. Цыбин. Шесть лет с ним пролетели, как минута. А потом... Потом, как говорится, разъехались по домам, и на этом наши дороги разминулись. Казалось бы, навсегда. Но однажды вечером мы чудом нашли друг друга во всемирной сети Интернета. Судьба раскидала нас в разные стороны: я остался в Москве, мой друг Акылбек Шаяхмет в своём родном Казахстане. И вроде так далеки, но в то же время близки, ведь над нами одно небо. Живём, творим с любовью и тревогой:

*С кем решил помериться ты силой,
Неокрепший разум восхваля?
Ещё шаг — и братскою могилой
Станет во Вселенной нам Земля.*

(“Покорителям природы”).

Наверное, это состояние многих людей начала XXI века — века прогресса науки и техники.

Всегда беспокойный поэт, переживая за судьбу человечества, осознавая свою беспомощность, обращается к Всемогущему:

*Детям, чья душа покида в теле,
Дай немного разума, Творец!
("Чёрная земли сочится кровь...").*

Вечно тревожный мир... Куда ни глянь — сплошные ложь и разочарования. Чего уж там говорить, когда "родное тело — как тюрьма"... Свою душевную боль поэт выплёскивает в "Балладе о слепом". И продолжая жить на лоне вечно тревожной земли, обращается к звёздному небу:

*Странствует душа по белому свету,
Хочется найти ей свой причал.
("Настроение").*

"Странствует душа по белому свету", временами устремляя свой взгляд то к безмятежному детству, то к настоящему:

*Не буду я вновь пацаном босоногим,
Но в сердце таю этот трепетный свет.
В стихах погрущу о прошедшем немного,
О том, что к былому возврата уж нет.
("Детство").*

Душа поэта бодрствует везде и всегда:

*Не достану ростом — мыслью дотянусь.
Не достигну разумом — так душой домчусь.*

Вечно странствующий поэт смотрит в мир по-настоящему счастливыми глазами, идёт по просторам родного Казахстана, всматривается в столь знакомые улочки и перекрёстки, нежно лаская взглядом каждый изгиб протоптанных дорог:

*Что я слышу, как на Кокшетау
Шепчется с берёзою сосна.
("Кокшетау").*

Поистине, одним из главных людей в жизни каждого человека является Мать. Уважаемый читатель, собери все самые сокровенные воспоминания и почувствуй, с каким восторгом поэт воспекает Мать:

*Священное сердце матери той
Засияло на небе яркой звездой.
Вечно в зените светит она,
Чтоб люди не сбились с дороги прямой.
("Сердце матери").*

Поэт, публицист, драматург — Акылбек Шаяхмет в самом расцвете творческих сил. Я безмерно рад, что мне выпала честь писать о Большой поэзии Большого поэта и моего Большого друга Акылбека Шаяхмета, у которого впереди ещё длинный путь творческих побед:

*Моя судьба с судьбой народа слита,
Какие бы ни выпали пути,
Мне с трудной поэтической орбиты,
Я это знаю точно, не сойти...*

Сабир АБДУЛЛА,

член международного сообщества писательских Союзов, член Союза писателей России, член Союза писателей Азербайджана, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, лауреат премии им. В. Д. Цыбина.

Москва.

Акылбек ШАЯХМЕТ

“Радостные встречи ждут нас впереди...”

Правда о замке

1.

Память вострепнулась, в детство держит курс.
Вижу руки бабушки, делающей курт.
Стережёт отару преогромный пёс,
Дед его когда-то в дом щенком принёс.
Вспомним школу, где учил отец
Праздничной открытости молодых сердец.
На дверях массивный не висел замок,
Звал всех на уроки весело звонок.
Мать меня качала, убаюкав споро,
И гостей встречали двери без запоров.
Времена другие. Светит солнца луч.
Не умею всё равно дверь закрыть на ключ...

2.

Я прошёл маршрутами всех окраин города,
Что ни двор — гараж да хоромы гордые.
Двери же венчает монумент замка,
В гараже пространство — для грузовика.
На иной из дач хоть устрой байгу,
Тайны их заборы строго стерегут.
Честь и совесть дома — не его объём,
Если добр хозяин, то таков и дом.
Что сказать? Однажды видел ёлку в клетке,
Там стоит бедняжка, как в плетёной сетке.
Хоть растёт зелёною, но не рад мой глаз.
Хищников так держат, чтоб не съели нас.
Ёлку за решёткой от воров спасали.
Кто срубить решился, как спасутся сами?
Нет на сердце радости от красоты такой,
Лишь стальные прутья как укор немой.

3.

Раз пришёл в общагу, там сидит вахтёр,
Розовая рожка, пузо — как шатёр.
Ни впустить, ни вызвать никого нельзя,
Словно ты заразу принесёшь друзьям.
На правах возлюбленного, не Ромео, но...
На свиданье с милой парень лез в окно.
Может быть, та девушка, движимая страхом,
На всю жизнь поверила в правду наших стражей.
“Это не поэзия!” — крикнет критик вслед.

Но стоит тот парень. И не гаснет свет.
В языках различных есть всеобщий код.
Чтоб в дома с замками был свободный вход.

4.

Побывал сегодня я у старого знакомого,
Пользовался славой тот джигит законною
Доброго и славного парня... Видит Бог,
Многим он когда-то в трудный час помог.
У него, как помнится, был старинный том,
Требовалась справка мне в издание том.
Только были заперты все шкафы подряд,
В такой-то оказии он не виноват.
Чтоб переодеться, гостя проводить,
Он не смог, бедняга, шифоньер открыть.
Бормотал в неловкости: "Это всё жена..."
Оговорка лишняя вовсе не нужна.
Недостойно мужа, я заметил, мол,
Всё валить на женщин, этот слабый пол...

5.

А вчера встречался я с непростым начальником,
Этакий столп общества, за народ печальник он.
Подписав бумагу, сунул её в сейф,
Даже не подумал предложить мне сесть.
В сейфе тесно папкам и бумаг не счесть,
Как он умудряется это всё прочесть?!
Но всего значительней у фигуры сей
В скважине замочной связочка ключей.
Новая машина у конторы ждёт,
По её величию — почесть и почёт.
Обрати внимание, что его шофёр
Далеко не с каждым вступит в разговор.
Едет наш начальник посетить район,
Где всегда был гостем долгожданным он.
Я устал с дороги, тяжело идти,
Но меня не взяли, хоть и по пути.
Ну и что ж? Для многих глух он и закрыт,
Ведь его тревожит только личный быт,
По пути — гостиница, рядом — спецстоловая,
В доме удовольствия, тоже не рублёвая.
На жиру отечества, на слезах народа
Выросла отъявленных ключников порода.
Так прожил всю жизнь он, в общем, беззаботненько,
Хоть имел "профессию" он ответработника.
Любит на подушках возлежать в гостях,
С видом сверхзначительным обсуждать пустяк.
Но не думай плохо о моих наставниках,
Лучшие трудились отнюдь не в нарукавниках.
Я сказал о них бы много тёплых слов
За дела их добрые, чистоту основ.

Не спасёт от правды и высокий пост
На руку нечистого, ведь народ не прост.
Ценит он открытость, доброту сердец.
Просто справедливость. Совесть, наконец.

6.

Без замков, заборов легче нам дышать.
Выйдем побеседовать просто по душам.
Будь поосторожней, береги свой дом!
Кто назвался другом, может стать врагом!
Был ты за границей, повидал страну,
Только всё скрываешь, словно был в плену.
Словно кто-то прячется за твоей спиной,
Будто сердце заперто на замок врезной.
Подобрать ключ к сердцу, чтобы в душу влезть?
Лучшая отмычка — подкуп или лесть.
Но ключи ковали долго мастера
Из крепчайшей стали чести и добра.
Ключ такой подходит к каждому замку,
А при обороне равен он клинку.
Без звонка хочу я к вам ходить, друзья,
Если ж дверь закрыта, то войти нельзя.
А ко мне без стука ты всегда входи,
Радостные встречи ждут нас впереди.
Я ишу без усталы верные ключи,
К поиску любого я бы подключил.

7.

О, человек с душой и щедрым сердцем!
Ворота все и потайные дверцы
Открыл бы пред тобой наверняка,
Душа ж моя как юрта без замка.
Сквозь кереге¹ пусть веет ветерок,
И шанырак² — как солнца лепесток.
Здесь нет дверей железных и запоров,
Звонков, сигнализации, заборов,
Поэтому и ржавчины нет аж,
Границ, деженок, меж людьми межи.
В саду — добра прекрасные цветы,
Плоды сорвать любые можешь ты.
А если у кого душа черна —
И за замком не спрячется она.
Замки!.. Я верю — время их сведёт на “нет”.
На самой лучшей из планет,
Я верю, Время, будешь ты другим!
Но дух вражды, он трудно истребим!..

Перевод Булата ЛУКБАНОВА.

¹ Деревянный решётчатый остов юрты.

² Потолочный круг остова юрты.

Баллада о слепом

Чёрная, чёрная пелена,
Чёрное солнце, черна и луна.
Чёрная корка насущного хлеба,
Чёрная вечность, чёрное небо.
Чёрный шёл дождь, черны облака,
Чёрным был цвет для него молока.
Чёрное лето, черна и зима,
Давит на душу чёрная тьма.
Было всё чёрным по причине простой, —
Был человек от рожденья слепой.
Жил полстолетья в потёмках слепец,
Лекарь попался ему, наконец..
Однажды глаза он открыл поутру —
Света и цвета увидел игру,
То, что во тьме осязал он руками.
В свете прекрасном увидел глазами.
С них опадала тьмы пелена,
Дождик был светлым, весна зелена.
Бывший слепец наш отправился в путь,
На мир наш глазами своими взглянуть.
Дни улетали, минул уже год,
Бывший слепой ничего не поймёт —
Чёрная грязь на зелёной земле,
Лунные пятна разглядел он во мгле.
Чёрные души под светлым лицом,
Светлые речи в устах подлецов,
Тёмные силы — черны их дела,
Земная обитель — пристанище зла.
И боль в его сердце вонзилась иглою,
Там жили как сёстры любовь с добротой.
Когда он увидел всю грязь чёрных дел,
Что вышел из тьмы он, в сердцах пожалел.
И замерло сердце, не выдержав боли,
Такая прозревшему выпала доля..
И в мир неизвестный глядит без конца,
Взгляд остывающий, мёртвый слеппа.
А в сердце поэта закралась тревога —
Зачем со слепым поступаю так строго?!

Я вижу слепого блуждающий взор,
В нём, зрячему мне, прочитал я укор.

Перевод Абдрахмана ДОСОВА.

г. Костанай.

Рассказы победителей конкурса

Во второй половине 2010 года на нашем втором сайте www.niva.ucoz.kz web-редактор Людмила Мананникова провела конкурс на лучший короткий рассказ. Откликнулись 25 авторов. Из них редакция выбрала шесть победителей.

Первое место присуждено Сергею Комову и Николаю Зайцеву.

Второе место заняли Марат Жандар и Сергей Криворотов.

Третье место — Наталья Караева и Марат Валеев.

Как и было обещано, публикуем рассказы, признанные лучшими.

Сергей КОМОВ

Летучий Голландец

Недаром всё утро стрекотала сорока, сидя на верхушке старенькой, закипевшей цветом яблони.

— К вестям — стрекочи, к гостям — улети!

Сорока срывалась с места, осыпая яблоневый цвет, улетала, а через несколько минут снова появлялась в округе, назойливо стрекоча. Настрекотала вещунья и гостей на пирушку, и вестей коробушку.

К обеду, разбурьянная от быстрой ходьбы, пришла Любаша, моя двоюродная сестра. Поздоровалась и с порога выпалила: “Сашка из тюрьмы весточку прислал, скоро приедет”. Нечего сказать — обрадовала. Это всё равно, что предупредить о надвигающемся урагане.

— Прячьте ваши ценности, сумочки и денюжки, — меня холодил мой недобрый язвительный смех. — Значит, закончилось наше спокойствие!

— А может, он изменился? — неуверенно предположила сестра.

— И непременно в лучшую сторону! — я откровенно ёрничал. — За последних двенадцать лет он сменил несколько тюрем. Ты наивно полагаешь, что он стал добрее и нравственнее? Думаю, что в воровском деле он уже защитил свою докторскую диссертацию, профессор воровских наук.

— Как бы там ни было, а поедет он именно к нам. На всякий пожарный, хоть и немного у меня добра, а колечки я спрячу.

Сестра прошла в зал, поместив свою крупную фигуру в скрипучее кресло.

— Только от него прятать бесполезно! — обречённо заключила она и добродушно засмеялась. Дробя речь смехом, растянула: — А может, на па-а-льцы их на-а-деть, поди, не сни-и-мет с сонной!

Сестра ушла, а тревога осталась. В доме стало неуютно и промозгло, словно в комнатах прошёл дождь, будто кто-то незаметный бродил по дому и наследил на домотканых половиках. Теперь с этим ощущением нужно было жить, дожидаясь приезда двоюродного брата. В последний раз, много лет назад, он сделал яркий, многим запомнившийся вояж по области. Где-то под Зырянском, навестив старого друга, вытащил у него деньги. В Усть-Каменогорске, заночевав у моего родного брата, прихватил с собой магнитофон и ценные вещи. В Лениногорске, в общезнании трикотажной фабрики, “почистил” комнаты Любкиных подруг, выбросив через окно в снег ворованные вещи. Что он приготовит на этот раз?

Ах, Сашка, Сашка! Горемычная душа! Родился он с бедой — сестрой своей близнецовой, сросшись с ней по-сиамски в одно неотделимое целое. Дышала она, родимая, ему в лицо, неотвратно следуя с ним по жизни. Знал бы Толик, старший брат его, что спасает будущего картёжника и беспринципного вора, может, и не кинулся бы за ним в тёмный яр затона, не утонул бы в манящей глубине Бухтармы вместо брата. В детстве подбивал Саньку младшего брата Борьку на всякие проделки. Раз оставил его сторожить вход, а сам тем временем отыскал ключ и проник в квартиру своей тётки, Любкиной матери. Взял серьги, но на лестничной площадке встретила им сама тётя Вера.

— Что это у тебя в руке, Саша?

Тот нехотя разжал кулак и заплакал. Никому не сказала тётка про своих племянников и покрывала их всю свою жизнь. А жалела их многочисленная родня по причине того, что росли они обделённые вниманием. Мать их, чернявая, как цыганка, привезённая отцом издалека, умирала в страшных муках от тяжёлой женской болезни. Была весна. Над окном больничной палаты висели сосульки. Звенела капель. Детей позвали прощаться. Сашке было семь лет, Борьке — четыре, а Таньке всего два года. Младшим было совсем непонятно: “Чего это мамка лежит, не поднимается?”. А она, не в силах уже поднять руки, попросила деток по очереди наклониться к губам. Целуя их сухими губами, она едва слышно просила у них прощения за их раннее сиротство, предвидя их беспросветное будущее. Так и получилось. Отец их продолжал крепко выпивать. Мачеха, тётя Люба Скударнова, низкорослая добродушная женщина, взвалив на себя тяжкий крест, как могла, заменила им мать. За эту её покорность судьбе уважали в селе тётю Любу. И у неё был недолгий век. Умерла она от такой же болезни, что и Сашкина мать. Это было в тысяча девятьсот восемьдесят четвёртом году. Я заканчивал школу. Борька уже сидел в тюрьме. А Сашка отбывал остаток срока на вольном поселении. По случаю смерти мачехи и отпустили старшего брата в тот злополучный год, когда он прошёл по всей родне и друзьям, оставив о себе незабываемую память. С тех пор мы не виделись.

В этом тупиковом городке я мог бы и не оказаться. Если бы в него не уехала из нашей деревни сестра, если бы не было дня рождения зятя, и если бы, возвращаясь с этого дня рождения в Усть-Каменогорск на пригородном поезде, я не встретился с удивительной девушкой, в которую легко влюбился. Сюда, несколькими годами ранее меня прикочевал из тюрьмы брат Борька, свалившись со всеми своими проблемами на плечи сестры. Поэтому и Сашка долго не раздумывал, куда ему возвращаться.

Это лето было в меру дождливым. В один из таких июньских дней Сашка появился у сестры, промокший насквозь. Над городом висела туча, зацепившись одним краем за гребень горы. Небо чернело, словно его заасфальтировали. Где-то за городом, над ущельем, в небесную прореху упал сияющий косой солнечный луч. Сашка сидел в кресле, положив руки на подлокотники. Когда я вошёл, он повернул голову в мою сторону. Встал легко, словно был невесомый. Сноп солнечных лучей вдруг осветил его всего и резко обозначил черты лица. Сашка напоминал существо из другого чуждого нам мира, куда не проникает солнце, где постоянный лунный блеск мертво запечатлевается на лицах ночных жителей. Неживой синевой отсвечивало его лицо. Словно кто-то взял и выпил из него кровь. При этом брат не сильно изменился за эти годы, лишь чётко обозначились впадинки морщин да поредел волосы.

— А ты почти не изменился! — озвучил я свою мысль вслух. — Где это места такие, что люди так хорошо сохраняются?

— Что может сделаться малосольному огурцу в прохладном погребе?! Все кругом от туберкулёзадохнут, а у меня лёгкие на снимке как у новорождённого ребёнка. — Он окатил нас волной раскатистого смеха.

Угнездившись в облюбованное им кресло, он подмял под себя ноги, потирая стопы рукой, словно пытался их согреть. Смеялся он по поводу и без повода. Манера у него была такая — сопровождать свою неказистую речь вспышками смеха. Будто выпускал чёрта из табакерки. Смеялся он легко и непринуждённо.

Всякий раз, заражённый его весельем, я невольно смеялся вместе с ним. А однажды, успокоившись, поймал себя на мысли, будто я был соучастником немыслимого кощунства. Брат рассказывал об одних похоронах, если это можно назвать похоронами.

Тогда Сашка был на вольном поселении под Павлодаром. Старый арестант с двадцатилетним стажем попросил его помочь похоронить жену. Та лежала в гробу в бедном своём одеянии, видимо, в чём и ходила в последний земной день. Взяв трёх вольнопоселенцев, вдовец назначил главным Сашку. Пьяные, в метельном мареве, только успели они выдолбить землю по колено, как со стороны села послышались гиканье и удары бича. Вдовец сидел на гробу, погоняя запалённую лошадедку. Подъехал к самому краю, заорал:

— Хватит! Ей и так пойдёт.

Взяли гроб и небрежно бросили в яму. Забросали мёрзлыми комьями. Вдовец потоптался кирзовыми сапогами по холмику:

— Теперь не вылезет.

Он запрыгнул в телегу и стеганул лошадедку так, что Сашка свалился на дно телеги.

Рассказывая это, Сашка весело смеялся. Немного остыв, засобиравшись в город, не терпелось ему на мир посмотреть, надышаться воли вольной. Попрощался со мной и пошёл бесшумной, неразмашистой, лёгкой походкой. Выглянув из окна, я увидел, как Сашка неторопливо, размеренно шаггал по тропе. Руки, которым он не находил места, в конце концов сцепились за спиной, в более привычном для них положении. Среди размашисто идущих людей эти сцеплённые руки выдавали старого арестанта.

Сашка ходил среди людей, ничего не узнавая. Как же изменилась за эти годы жизнь! На каждом лице лежала тень жестокого перестроечного времени: редкие улыбки, огрубевшие лица, вспышки гнева по пустяковому поводу то тут, то там. Это вам не брежневские времена, когда его посадили в тюрьму! Он был как морская раковина, выброшенная на берег волной, выпитая и зализанная насмерть солёным ветром, в грубой и омертвелой глубине которой, где-то на самом дне, подобно шуму волны, слабо трепетало воспоминание о другом, далёком советском времени. Вернувшись к сестре, только и произнёс: "На зоне хоть какие-то законы действуют, а на воле — бардак чёртов".

Жизненный багаж, накопленный им к тридцати семи годам, состоял из небольшой, но тяжёлой поклажи. Из них — два года армии и шестнадцать лет лагерей. Картёжный игрок и профессиональный вор. На его небольших, как у подростка, руках с тонкими пальцами, под бледной кожей тонкой паутиной просвечивали венки. Этими чуткими руками хотел он взять за глотку свою судьбу. Сыграть с ней краплёной картой. И проиграл

всё подчистую. С воровским прошлым он завязал, но намётки воровские остались. Каким-то животным чутьём он чувствовал "где клад зарыт". Бродя по рынку, он прокручивал в уме всю цепь от приобретения товара до денежной реализации, мечтал сорвать свой куш. А это было непросто при пустом кармане и при честной игре.

Спустя несколько дней, Сашка исчез ранним утром. А вернулся вечером с полным ведром полевой клубники. Продал её на рынке. В следующий раз принёс два полных ведра. Через неделю он уже знал все лучшие клубничные места в округе, расписание поездов, чтоб добратсья до них, и дни зарплат в городе, стараясь подгадать под них свою торговлю. Вскоре он и нас сманил за ягодами в Орловку. Это была запоминающаяся поездка. Сорок километров по трассе до Черемшанки, да ещё пятнадцать по горам, через узкие мосточки, на которых едва вписывался наш "КамАЗ". На такое могли решиться только люди, которые совершенно не разбираются в машинах. День был яркий, как пасхальное яйцо. Орловка эта оказалась затворенной от всего мира кержацкой деревней. На единственном в неё въезде — железные ворота в виде шлагбаума, открывающегося вбок. Самостоятельно открыв их, мы проехали по улице под неодобрительные взгляды сельчан. Километрах в двух от села на взгорке небольшой горы лепились легковые машины. Туда мы и поехали. Напрасно мы переживали, что нам не достанется ягоды. Её там столько! Господь милостивый, не поскупившись, наградил дарами нашу алтайскую землю. Десятки гектаров шёл сплошной клубничник, всё предгорье осыпано ягодой, так и рябит в глазах. Собрал полное ведро и разомлев на солнце, я думал о чём-то своём, чуть не наткнувшись на свинью. Она, похрюкивая от удовольствия, потребляла ягоду вместе с травой. За ней, крутя крючковатыми хвостами, шёл целый выводок поросят. Вот так клубничник! Санька и тут, идя по наитию, находил самую крупную ягоду. Целых три ведра собирал. Я, держась ближе к нему, два. Остальные по одному, полтора ведра. К вечеру пожаловал дождь. Мы переждали его в будке "КамАЗа", перекусив прихваченной из дому едой. Все остальные ягоdniки внезапно собрались и разъехались при первых каплях дождя. Лишь на обратном пути мы поняли, почему люди торопились. Нашу дорогу так развезло, что движение по ней больше напоминало сплав по реке. Если бы не набитая колея, то, летя с горы, мы (шесть человек в кабине) рисковали не вписаться в маленький мостик и могли рухнуть в обрыв. Это экстремальное движение раскачало даже видавшего виды Сашку, сидевшего до мостика молча:

— Меня на зоне не убили, а вы на воле порешите меня незадoрого.

И он, опьянённый жизнью на свободе, исходил раскатистым смехом.

Немного не дотянув до трассы, машину стянуло с пригорка в глинистую жижу. И мы с братом Сашкой, до колен вымарав брюки, плелись в Черемшанку за подмогой. В чистом предзакатном воздухе звенели птицы, и солнце веером выпустило свои лучи из окантованного золотой каёмкой распластанного облака. О чём мы тогда говорили с братом, я уже не помню. Да и не так это важно. Это был чудесный промелёк из той жизни, где люди поддерживают и прощают друг друга. Мы бродили по улицам в поисках тягача, а, увидевдвигающийся трактор "Т-150", бросились ему наперерез. Уже в сумерках он вытянул нас на трассу. "КамАЗ" проехал наперёд, пропустив длинный трос под рамой, между колёсами. Дёрнул же меня чёрт пойти назад к дверям будки! Заглядывая в неё, я не

заметил, как вокруг моих ног стала с металлическим шипением об асфальт сужаться петля троса, вытягиваемая трактором. И если бы не Сашка, лёг бы я на погост раньше его. В тот момент брат, будто ужаленный осой, вскрикнул, усмотрев в темноте своим намётанным волчьим глазом грозящую мне опасность. Мгновенно протянутой рукой он вырвал меня из железной петли, которая, глухо позвякивая, змеёй уползла под брюхо “КамАЗа”, едва не порвав меня об него. А за гулом работающего дизельного двигателя меня вряд ли бы смогли услышать.

Когда мы вернулись домой, над городом стояла ночь, прошитая густой звёздной дробью.

Подкопив немного денег, Сашка вскоре напился. Сидя в квартире сестры Любаши в облюбованном им кресле, он учил нас жить:

— Сидите без дела, когда можно делать деньги. Скоро пойдут яблоки. Нужно рвать в Талды-Курган. У меня там “семейник” живёт. Набьём будку и сюда на рынок. Возьмём солидный прикуп.

В тот вечер я ушёл раньше, оставив раскрылатившегося старшего брата на попечительство благоразумной сестры.

Сашка добывал деньги непростым трудом и с лёгкостью их пропивал. В первую же поездку в Усть-Каменогорск он умудрился потерять справку об освобождении. С той поры пошла его жизнь по иному руслу.

Его тянуло на родину, в нашу деревню на берегу Бухтармы, где ещё оставалась родня. Поселившись у тётушки Веры, он помогал ей по дому. Выпивал постоянно. Не в силах войти в дом, он падал, едва входя в ограду. Тётя Вера, большая шутница, на вопросы соседок отвечала:

— Сашка-то?! Да парень-то он хороший! Только из тюрем не вылазит... — И озорно, не по-старушечьи, смеялась.

Как-то подошла она утром к Сашке (тот снова спал на траве в ограде, пьянёшенек в стельку), рядом бегал пёс, метя территорию.

— Пахнешь ты, Саша, не как цветы на лужайке, а по-другому совсем...

— Как же я пахну? — спрашивал тётку непослушным языком племянник.

— Вот уж который раз разит от тебя, Саша, собачьей мочой. И это потому, что Барсик наш тебя пометил. Он всё у нас метит. А ты давеча, наверно, опять как бревно лежал...

Стоило тётушке пожаловаться на плохую газплиту, как Сашка в ту же ночь приволок на ворованной тележке ворованную газплиту.

— Утащи туда, откуда принёс, — упрашивала тётя племянника, а тот снова свалился в глубоком хмелю прямо в ограде.

Закопала она углём ворованное. А утром к ней появился участковый, Сашкин одноклассник Бирюков. Высматривал всё, вынюхивал, даже в угольнице был. Знал, что Сашкиных рук дело, а доказательств не отыскал: глухо запрятала тётя Вера чужую вещь, покрывая как всегда кровного родственника. А вечером заставила племянника утащить вещь обратно и больше не жаловалась ни на что, чтобы не спровоцировать лёгкого на руку Сашку.

Бирюков всё равно привлёк Сашку за проживание без документов. Шантажируя, заставлял того работать по хозяйству. И Сашка перекрывал крышу, копал картошку, одним словом, претерпевал от участкового, беспаспортная, ненужная душа.

А к зиме он снова подался в Лениногорск, вырвавшись из цепких лап одноклассника-милиционера. У родного брата Бориса жил. Порой Сашка исчезал на несколько дней. Борька не спрашивал, куда и зачем он уходит. А однажды утром в дверь к Борису настойчиво постучали. На пороге стоял милиционер. В руках он держал кроссовки.

— Это твоего брата вещи?

— Да, — узнал кроссовки Борис.

— Придите в морг на опознание.

Сашку зверски убили малолетки на Первом районе, возле магазина. Два мальчишки и три девчонки. В правой руке он держал наручные часы. Подростки, избив, затащили его в дом и оставили на площадке третьего этажа, где он мучительно умер. Добытые часы не отдал никому, так и не разжав затёкшей кисти.

Придя в морг, Борька долго всматривался в распухшее от побоев лицо и не узнавал брата. Лишь когда перевернули того спиной вверх, уверенно опознал его по наколкам. На одной из них черти подбрасывали лопатами уголь в печь, растопляя адский пламень. На другой — парусник, плывущий по волнам.

Оперуполномоченный, составлявший акт опознания, сообщил брату, что подростки уже найдены и дают показания. Забросив в папку бумаги, он сообщил Борису, приторно улыбаясь:

— Малолетки говорят, что брат твой называл себя Летучим Голландцем. Экий весельчак! — он, поперхнувшись, сухо кашлянул в ладонь. — Был...

С похоронами творилось что-то неладное. Гроб заказали, сняв мерку без запаса. Гроб делал явно не специалист. Лицо его мне было знакомым, но я не мог вспомнить, где мы с ним пересекались. Лишь глядя на неумело держащие рубанок руки, будто опалённые коряжины, с вьёвшейся в них мазутой, я смог его вспомнить. Ещё несколько дней назад он работал на тракторе в районе очистных сооружений. У него я покупал солярку. Бывший тракторист стругал гроб моему брату. Вот такие фантазмагории нашей жизни. Крест мы остругали вместе. Оставив тракториста-плотника на время, я поехал на кладбище, где неподалёку друг от друга врывались в промёрзшую землю две группы людей. Два старых «каторжанина» рыли могилу Сашке, звеня киркой. А наши соседи, нарвавшись в земле на камень, привезли отбойный молоток и закончили копать к обеду. Когда мы, наконец, выкопали могилу, снова поехали в столярную мастерскую. Наш знакомый столяр, изрядно пьяный, спал на гробу, свернувшись клубком. Когда положили в гроб брата, он оказался Сашке мелковат. Похоронная процессия состояла из одного «КамАЗа». Горсткой людей мы похоронили брата и отвели обед. Поминали его два заматерелых «каторжанина», да три человека родни.

По весне, когда зимние кресты, подмытые вешней водой, вваливаются в землю, самая пора поправлять могилы. Мы пришли с Борисом проведать могилу брата, да вот беда, не нашли её. На разросшемся за зиму кладбище зимовали бомжи. Они повытаскивали кресты, пробавляясь кое-как кострами до весенней оттепели. Много близнецовых могил осталось той зимой не только без табличек, что сдали бомжи на цветные металлы, но и совсем без крестов.

Борька, сняв шапку, растерянно бродил меж похожих холмов и чужим, хриплым от горечи голосом шептал в апрельскую набухающую синеву:

— Где ты, братка? Откликнись!

Сухо шелестя прошлогодним семенем, откликался пробудившийся клён: “Ти-ш-ш-ше...”.

— Видать, подался Летучий Голландец в да-а-а-льнее плавание... В небеса...

Борис надел шапку и неспешно поковылял домой.

г. Риддер

Восточно-Казахстанской области.

Николай ЗАЙЦЕВ

Лошади везут

Мишка Штейн был еврей. Настоящий. И папа, и мама, и все остальные в его родне были тоже евреи. Но сам Мишка евреем не был. То есть он им был, но только по паспорту. Он им не принадлежал. Нация — не паспорт, нация — продолжение мысли, определяющей эту нацию. Этой-то мысли в Мишке и не было, тем более её продолжения. Нет, в него её, эту мысль, закладывали, но она не проросла. Мишкин папа был этим очень и очень удручён. В своих сетованиях кому-либо он вздымал руки, закатывал глаза и говорил: “Видит Бог, я всё делаю для того, чтобы он стал человеком”. Человек, видимо, было для него понятием давно определённым. Мишка был единственным его ребёнком, и потому скрасить огорчение было нечем, то есть некем.

Дом у семьи был большой, но изнутри смотрелся как временное пристанище. Новые, шикарные вещи соседствовали с рухлядью, и потому казалось, что кто-то ещё не совсем уехал, а кто-то не совсем приехал. Не было уюта, священного смысла дома. Сам хозяин, по имени Мордехай, которого с лёгкой руки, а скорее с лёгкого языка его жены, за глаза все звали Мордой, работал неизвестно где и невесть кем. Аккуратно уходил и приходил в одно и то же время, ничем, в общем-то, не выделялся среди жителей квартала, разве только большой связкой ключей, которые постоянно держал в руке, да осторожностью высказываний на спорные темы.

Жена его больше интересовалась бытом соседей, нежели своим. Потому её редко кто видел прибранной, да и мужа тоже. Они часто ругались между собой, отголоски их разногласий краем достигали соседских ушей, но на том погасали, а так как бранились они только наедине, большего откровения от них добиться было невозможно. Но случался праздник, и они, на удивление соседям, выходили в лучших, немного мешковатых одеждах, под руку, раскланивались и улыбались каждому встречному. Так что об их жизни могли судить только они сами. Мордой жена звала мужа, видимо, как-то по-своему ласково, но незнание языка превратило ласковое название в грубое прозвище.

Жену звали Рая, она не работала, потому целый день болталась по соседям, но к возвращению мужа всегда торопилась домой. Кроме обстановки в доме присутствовал ещё вечный горелый запах: то ли котлет, то ли рыбы, а скорее и того и другого. И ещё, болтали злые языки, в семейных ссорах муж упрекал жену в прелюбодействе. Намекал на непонятность сына.

Ещё учась в школе, Мишка перестал подавать своему папе надежды. Учился отвратительно, хулиганил, а главное, никогда не хотел вывернуться.

Виноват — соглашался и получал наказание. К советам отца был безразличен и поступал против них. Вообще был сыном не своего отца. Мать, правда, мало обращала внимания на этот факт. Была до надоедливости ласкова с сыном, похожа на клушу, которая не замечает, что цыплёнок вовсе не цыплёнок, а утёнок, лишь бы вырос целым.

Папа не разделял её безумной любви. Было в его жизни одно непреодолимое обстоятельство, которого он страшно боялся. У него стыла в жилах кровь, когда он проходил мимо городского ипподрома. Именно здесь сын перестал быть его сыном. Это он сам привёл его на скачки, а потом узнал, что после школы Мишка ходит на ипподром и в конюшню ухаживает за лошадьми. Даже просит, чтобы ему разрешили почистить конюшню. И чистит. Об этом ведь никого долго просить не надо. Сначала все думали: со временем эта его дурь пройдёт, но после окончания школы Мишка стал работать там постоянно. Он чистил конюшни, иногда объезжал лошадей. Родственники вначале качали головами, теперь откровенно ухмылялись. Вот до какой неприличности дошло дело.

Папа не знал, что ему делать. Все душеспасительные беседы, тет-а-тет с сыном, не помогали. Ответом был с каждым днём усиливающийся лошадиный запах — и больше ничего. Сын даже не пытался отвечать. Книжки он покупал только о лошадях. Оклеил свою комнату фотографиями коней. Если человек думает только о лошадях, может ли он понимать отца? Об этом постоянно думал Морда. От этих мыслей он становился медлительней. Он, даже наедине с собой, вздымал руки и говорил одному ему понятные слова о человеке. А для этого нужна была остановка. Остановки становились всё чаще. От непонятности происходящего он стал похож на безумного. Рае до него не было никакого дела. Она привыкла к странностям мужа или же вообще не собиралась к ним привыкать. Это одно и то же. К чему-то привыкнуть и чего-то не знать — равноценное понятие. Рая носилась по соседям. Морда всё больше уходил в себя. Мишка приходил домой только ночевать, приносил конский запах, от которого морщился отец и которого вовсе не замечала мать. Родственники заходили редко. Продолжения у семьи не было, а значит, не было и перспективы. К неперспективным евреям родичи не ходят. Они сочувствуют, качают головами, говорят: “Ай-ай”, — но в гости не ходят. Потому, может быть, глава семьи часто сидел вечером возле дома на низенькой скамейке, наверное, ждал, что кто-нибудь из родственников вспомнит о нём. Потом выходила Рая и уводила его домой. Войдя в свой двор, они о чём-то гортанно кричали, тоскливо и нервно, потом хлопала дверь, как бы закрываясь за ещё одним днём — безрадостным, крошечным для Морды и обычным для семьи.

Но однажды всё изменилось. Морда шёл своим привычным путём, на работу. При подходе к ипподрому кровь его начала стынуть, потому походка стала медленней. Он даже сумел рассмотреть слова в объявлении, висящем на заборе. Объявление носило следующее содержание: состоятся скачки... число, год. Поимённо лошади участницы, с цезаревскими кличками. А в самом конце стояло: “Главный администратор ипподрома Михаил Штейн”. Кровь, готовая остыть, забурила, мышцы напряглись. Он не мог оторвать взгляда от этой надписи, сделанной крупными печатными буквами. Что это, когда это случилось? Он просто слишком глубоко поверил в неразумность поведения сына и забыл, что в каждом деле возможен успех.

Шагая вечером со службы, он уже был отцом главного администратора ипподрома. По дороге он встретил близкого родственника Мориса и от своего имени пригласил на семейный праздник — по случаю вступления сына в должность. Тот округлил глаза, благодарно закивал, долго жал руку, говорил какие-то давно забытые Мордой слова. Когда он шёл по своему кварталу, ему казалось, что люди специально вышли на улицу, чтобы встретить его. Просто в своём отрешении, граничащем с безумием, счастливо закончившимся, он забыл о текущей рядом жизни. Он раскланивался с соседями и даже говорил комплименты женщинам. Те смущались, оправляли засаленные халаты и добрели. В этот вечер он перестал быть Мордой, он стал отцом Михаила Штейна, главного администратора ипподрома.

Зайдя в свой двор, он не стал запирать, по обычаю, ворота, а сразу прошёл в дом. Рая обезумела от его поцелуя, заверещала, засуетилась, убежала в спальню и явилась обратно в праздничном платье:

— Ты уже всё знаешь, Мордехай, какой молодец наш сын! Я уже приготовила стол. Сегодня, наверное, будут гости. Соседи, говорили, зайдут.

— Пусть заходят все, — торжественно ответил муж. — Я всегда говорил, что мой сын будет человеком. Я всё сделал для него. Как ты думаешь, что мне надеть для такого случая?

Через некоторое время гордый, переодетый во всё новое, Мордехай встречал гостей, провожал их к столу, потчевал, благодарил, что они уважили его в приятный для семьи день. Желающих уйти не отпускал, называл друзьями и потчевал, потчевал.

Когда гости разошлись, они с женой ещё долго сидели за столом, болтали. Мордехай говорил: “Не пришёл только Буткевич. Но когда Михаил станет директором, он придёт. Будь уверена, жена, он придёт”. Они ещё долго сидели за столом, говорили о своих родственниках и ждали, ждали своего сына, главного администратора ипподрома.

Стало совсем поздно. Решили лечь спать, отложив встречу на утро. Одетый в полосатую пижаму, сидя в кресле возле кровати, Мордехай говорил лежавшей перед ним жене: “Конечно, у нашего сына теперь много забот. Столько народу, да и лошадей тоже много. Со всеми надо разговаривать. К каждому человеку нужен подход, Рая, да и к лошадям тоже. Лошади тоже иногда везут. Когда ты к ним добр, они везут”. Он поднялся, погладил жену по голове и выключил свет. Уже в темноте он проговорил: “Рая, нам нужно заменить старую мебель. У нас теперь бывают люди”.

г. Талгар

Алматинской области.

Марат ЖАНДАР

Чтобы было красиво и чисто

Я просто парень из провинциального городка, не очень образованный, может быть, но и не дурак. Жизнь предлагает несколько вариантов на выбор, а мы должны выбрать что-то подходящее для себя. Вот здесь и загвоздка. Что значит выбрать то, что тебе подходит? Как определить, что мне нравится? Я молодой и у меня нет денег. Мне нравится то, что покупается за деньги: еда, дом, машина, любовь, — всё можно купить за деньги. Только их у меня нет. И мне надо сделать выбор. В результате я — повторяю, молодой и неглупый паренёк — оказался на подхвате в борделе. Мой

выбор состоялся так: в дымном и душном областном центре у меня были родственники. Я запросто пришёл к ним. Дело было в сентябре — тепло и ясно. “Салем, родичи! От нашей родни, от тётки Ляззат принёс вам привет и гостинцы”. Меня встретил дядя — он работал в милиции.

“Заходи, — сказал он, уклоняясь от объятий. — Заходи, ставь гостинцы сюда и слушай. Я работаю круглые сутки — сам понимаешь, на какой работе. Мне дома нужен покой, а тут свои балбесы (три его сына — подростки и дочка) не дают никакого продыха. Поэтому, дорогой, иди пей чай на кухне, а потом я отвезу тебя в одно место — будешь жить там...пока. А может, и на работу там устроишься. Хотя, — почесал он затылок. — Да...”.

Он внимательно поглядел на меня, вздохнул: “Как там тётя Ляззат? Такая же правильная? Книжки читает?”. Потом я вспоминал эти слова и взгляд, которым они сопровождались. Дядя привёз меня в какой-то дом, где нас почтительно встретили две женщины. Как все южанки, они не спрашивали, зачем пришли гости, пригласили в дом к столу: чай. Дядя сразу же объявил: “Это мой родственник, поживёт у вас”. Вопрос на лице сразу у обеих. “Пока. Потом скажу...”. Вопрос не уходил. “Мешать он не будет, поможет, если что, — буркнул дядя. — Ну, пока, приду дня через три. Голодным не будешь, осматривайся”. Ну, скажите, был у меня выбор? После ухода дяди тётки разговорились: “А ты ничего, крепенький, худой, правда, да это не в счёт, отъешься”.

Покормили. Дело к вечеру. Стали они прибираться, помыли полы. Двор мне понравился, небольшой, но зелёный, тенистый, и я прилёг на кровать под урюком. Кайф. Погрузился в мечты и уснул. В ушах заиграла музыка, кто-то смеялся, кто-то насвистывал. Пахло шашлыком. Просыпаюсь, уже луна стоит на небе, раздались призывы к правоверным из, как оказалось, рядом находящейся мечети. Райское место, подумал я. Полный парадиз. “Затопа, сынок, баню. Вот дрова, действуй”. Вопросов нет.

Уже хорошо стемнело, когда возле дома притормозила машина, а оттуда вывалилась шумная компания. Два толстяка, смеясь, подталкивали стайку девчонок к калитке. Молоденькие, худенькие, невысокие. Но во дворе я разглядел их лица — чересчур много краски, и поэтому выглядели как взрослые. Они тоже смеялись, но всё-таки, видно, робели, как-то старались делать всё вместе, держались друг друга. Увидев меня, мужчины посуровели: кто это? “Не волнуйтесь, Мерген-агай привёл — его родственник”. — “А, тогда пойдёт. Эй, парень, отведи девчонок в баню, пусть переоденутся и помоются. Смотри, сам не подходи к ним, ха-ха-ха”, — последовала скабрёзная шутка. Ладно. Рай стал приобретать черты публичного дома. Ну я же не совсем отсталый: прочитал кое-что, посмотрел фильмы — сексуальная революция. А я оказался на передовой, на подхвате.

Девчонки переоделись в купальники, накинули лёгкие халаты. Оргия началась сразу же в дальней комнате, куда ушли мужики. Оттуда понеслись возгласы, громкий смех, толкотня и визги. Тётки поспешно носили туда выпивку, шашлыки, затем включили музыку, сели во дворе. “Пойди, погуляй немного, — сказала одна из них, посмотрев мне в лицо. — Там внизу есть река”.

На узких и кривых каких-то улочках было светло — луна стояла высоко. Почти у каждого дома стояли машины, горел свет, играла музыка, жарились шашлыки. Часто, очень часто висела вывеска “Баня”. Сквозь лёгкую листву вязов вдруг блеснуло что-то золотым блеском, потом ещё и ещё

раз. И я пошёл на этот блеск. Вскоре услышал шум текущей воды, он всё сильнее заглушал звуки музыки, несущейся из машин и из домов, потянуло свежестью, и я вышел к реке. Чистые и сильные струи воды разбивались о камни, луна искрилась в капельках воды — всё это останавливало и завораживало. Мельчайшая водяная пыль освежала тело. Я повернулся: совсем рядом, на фоне тёмного неба, вырисовывался золотой купол мечети. “Не надо спешить, — вдруг мелькнула мысль. Что-то покойное легло на душу. — Иди медленно, медленно. Не надо думать, парень, просто иди, просто смотри”. Медленно побрёл я, вглядываясь то на реку, то на купол — он становился всё ближе. Вот уже видно всё круглое здание мечети, постройки, и я уже вышел на площадь — сюда сходились три городские дороги. “Зачем нужна дорога, если она не ведёт к храму?... пойдёшь налево...”. Я прилёг на деревянную скамью... Утренний шум разбудил меня, солнце стремительно поднималось, золотой купол прямо передо мной ярко вспыхивал и горел жарким блеском.

Странно, но обратную дорогу я нашёл очень быстро. “Я беспокоилась, — что скажем Мергену? — сказала одна из тёток. — Ты не переживай, всё наладится”. — “Это точно”, — весело ответил я.

В доме было тихо.

— Что надо делать? — спросил я.

— Вымой баню. Подмети двор, приготовь дрова. Сможешь зарезать и освежевать барана? Вечером будут важные гости.

Вечером пришлось подраться с одним рьяным любителем райских наслаждений. Он достал тем, что многословно рассуждал, так хорошо набравшись, что ему было не до девочек. “Ты, братишка, просекай, жизнь очень сложна. Мы сохранили Казахстан, культуру, обычаи. Помнишь, как рухнул Советский Союз, как все растерялись? А у нас давно был порядок, и мы его соблюдали, быстро определили, что надо делать, никого не обидели, дали народу направление. Все довольны, кто хочет работать — тот найдёт работу. А кто хочет бить балду — тоже найдёт. Я работал ещё при Союзе, в гробу его я видел, точнее, увидел, ха-ха-ха. Ничего для себя нельзя было сделать. Только щёки надували, мать твою. А теперь хоть для себя пожить можно. Девчонкам тоже перепадает, их же много, все замуж всё равно не пойдут, пусть побесятся, а деньги старикам не нужны. Родовой порядок, родовая сплотка, — вот что нас, южан, спасает, а то некоторые — русскоязычные: трайбализм, отсталость, дикость. Смотрю, ты паренёк смыслённый — к кому-нибудь приберись, послужи как надо и не пропадёшь”. — “Спасибо тебе, дядя, — говорю, — я уже прибилсь”. А потом мы подрались, и он залепил мне синяк под глаз. А я его потолкал слегка, без следов, приговаривая искренне: “Спасибо вам, хранители родового порядка, что спасли Казахстан и нашу культуру”.

— Ты что-то много мыла тратишь, сынок, — говорит на следующий день хранительница сада райских наслаждений. — На себя, что ли?

— Нет, хозяйка, отмываю баню, комнату, полотенца и простыни.

Это у меня получилось как-то автоматически: я и не заметил, как утром с силой стал драить банные деревянные полки, каменный пол, залил всё густой хлоркой, замочил полотенца, простыни, покрывала и даже занавески. Всё делал быстро и молча. Мой синяк останавливал моих хозяек, они только переглядывались и перешёптывались, но я чувствовал, что были довольны. Пошёл на базар — совсем рядом — купил много душистого мыла, порошка и простого мыла. Подмёл двор, калитку промыл, возле входа

поправил камни, подмёл асфальт, постирал и стал гладить. Слышу, цокают мои тётки.

— Кто научил тебя всему, сынок?

— Тётя Ляззат. Она говорила, что всё должно быть чисто и красиво.

Обе вздохнули. Был я неспокоен в тот вечер, страшно неспокоен. Всё повторилось. Пришли два нестарых, но пьяноватых мужика, и с ними две уже усталые девушки. Одна быстро помылась, а другая — очень долго не выходила из бани. “Что с ней?” — пошла проверить хозяйка и быстро вышла назад. “Что там? — спрашивает другая. — Не знаю: моется и плачет. Твоим душистым мылом моется, между прочим, второй кусочек уже смывает”. — “Не хочет идти, — прошептала мне через несколько минут хозяйка. — Завернулась в полотенце своё наглаженное и сидит. Сейчас скандал начнётся, бывало так уже”. Заглянул и я в окно предбанника — девушка спала прямо на полу, завернувшись в чистый халат и накрывшись полотенцем. Я долго смотрел на неё, а в голове медленно рождалось что-то, какие-то образы, какие-то персонажи книг, которые стремились к красоте бытия и чувств. Эти книги подсовывала мне тётя Ляззат, уговаривая: прочти, мальчик, книги учат добру и правде. Ты сможешь потом отличить их в жизни и сделать правильный выбор.

Раздался крик — это мужик звал девушку. Я повернулся: он произнёс её имя. “Ляззат! — кричал он в гневе. — Где ты?!” Я закрыл дверь бани на ключ, открыл окно с обратной стороны и сказал мужику: “Ушла она”. Почему-то он не стал драться, поглядев на моё лицо с синяком. В этот же вечер я покинул райское место, пошёл к дяде, переночевал у него, занял немного денег под его выразительный мат, снял комнатку в том же районе, где процветали бани.

Кажется, я сделал свой выбор. Я варю мыло и продаю его на рынке и соседям. У меня получается классное мыло, берут оптом. Вскоре наехал рэкет. “Ты что, умный, да? А платить?!” — “А, — говорю. — Родовой порядок, родовая сплотка!”. — “Чего-чего? Гони деньги, пацан!”. — “Заходи, дорогой, — говорю. — Я как раз барана режу”. Я стал разделять барана на его глазах, играя ножичком и поглядывая. Что-то он уловил: заморозило, как льётся кровь, как мелькает остро наточенный нож. Потом встал и спокойно сказал: “Всё равно придётся платить — давай по минимуму”. Теперь мы друзья.

Я живу в месте, где у мечети сходятся три древние городские дороги. Сразу же за ней — сады запретных наслаждений, рядом также древний базар, где куются или гибнут человеческие судьбы, внизу река смывает слёзы отчаяния и очищает родниковой водой, позади древнее городище напоминает о вечности. И это всё — жизнь.

А я варю мыло, чтобы было красиво и чисто. Так учила тётя Ляззат.

г. Шымкент.

Сергей КРИВОРОТОВ

Зелёная вишня у моего окна

(Тяжёлый случай дендрофилии)

Осенний ветер, всё больше нагняя от собственной безнаказанности, рвёт жёлтые пожухлые листья с покорно мёрзнувших деревьев. Всё вокруг поблёкло, будто выпцвело. И небо посерело, обещая скорые неизбежные дожди.

Люди одеваются теплее, с каждым днём всё больше скамеек пустует в скверах и парках. Нет тех прежних весёлых птиц, лишь вороны мерзко кричат в сплетённых ветвях сада, кое-где увидишь суматошных воробьёв, да голуби, нахохлившись, прячутся под карнизами. Крадучись, торопливо пробежит озабоченная кошка, да собаки провожают прохожих по-человечески грустными глазами. Редко где увидишь не побуревшие ещё листья, одинокие ели, завезённые с севера, выглядят в своей тусклой хвое чужеродно и неестественно для здешних мест. Неуютно стало на улице.

А у моего окна стоит вишня с не по времени ярко-зелёными ветвями. Она молода, и я чувствую, как сок жизни бежит по её стволу к ветвям, достигая маленьких, припылённых проходящими автомобилями листочков. Словно деревце бросает смелый вызов окружающей серой действительности. Вишня смотрится на блёклom фоне осени кусочком минувшего лета, но не жаркого, полного иссушающего и слепящего солнца, а напоённого вечерней прохладой и августовской свежестью на грани сентября. Посмотришь на её упрямо не сдающиеся осени ветви, и словно зачерпнёшь силы, выпьешь поток живой воды из неведомого чудесного источника.

Я помню весну, когда она стояла под моим окном, счастливо разукрашенная белыми цветами, словно невеста, обручённая с солнцем. Затем весенние дожди смыли этот впечатляющий наряд, и в зелени юной листвы зарделись красные упругие вишенки. Я видел тех, кто гнул, ломал целые ветки, стараясь сорвать всего лишь несколько ягод, и тогда боль дерева, его немой крик достигали меня, срывали с места. Мне становилось больно вместе с ней. Я торопился на помощь, прогоняя её бездушных мучителей. Среди них оказывались не только дети, но и взрослые, даже женщины. Никогда до этого они не видели плодоносящее дерево в центре нашего городка, это оказалось для них подлинным чудом, и, обнаружив подобную небывальщину, эти бедные одичавшие люди испытывали необоримое желание сорвать и отправить себе в рот хоть несколько красных, ещё не доспевших мелких ягод. Словно подобное действие в один момент могло сделать их счастливыми, и в этой спешке наплевать им было на нечаянно оборванные листья и заодно поломанные ветви. Не всегда я оказывался подле в такие моменты, не всегда успевал выручить лишённое возможности дать отпор безответное зелёное существо. И когда, всякий раз, обнаруживал безжизненно поникшую увядающую ветку, я чувствовал её ничем не проявлявшуюся внешне боль, и бессилая ярость, смешанная с обидой за бессмысленно испорченную красоту живого, охватывала меня.

Чтобы избавить дерево от дальнейших нападений дикарей, приманенных соблазнительными для них ягодами, я встал однажды задолго до восхода солнца, взял приставную лестницу и снял с дерева два ведра вишен. Ягода оказалась с горьковато-кислым вкусом, но варенье из неё получилось замечательно вкусное, вобрав в себя весь аромат раннего вишнёвого лета. Несчастную плодоносицу у моего окна оставили в покое, а у соседней кто-то переломил неокрепший ствол пополам...

А ведь задумано было неплохо: любому живущему в городке должно показаться чудесным — плодородящие деревья среди асфальта и пыли улиц. Мимо идут автобусы, фуры, спуют легковые, выбрасывая в воздух клубы ядовитых выхлопов, а у моего окна, как ни в чём не бывало, гордо зеленеет вишня.

Куда бы я ни уезжал, всюду перед моими глазами стояла она — стройная, с ещё не успевшим искривиться, побелённым стволом, взметнувшая вверх, как в молитве, свои ветви-руки. И всякий раз, возвращаясь, я испытывал тёплое чувство, завидев её издали, словно встречал старого, близкого сердцу друга. Более того, мне начинало казаться, что и она, как бы неслышно смеясь, тянет ко мне навстречу листья на гибких красноватых ветвях.

Она прочно вошла в мою жизнь, и без неё всё выглядело бы теперь иначе. Любой пасмурный день не кажется сейчас таким унылым, стоит лишь взглянуть на её неизменный силуэт в окне. Все шедевры икебаны ничто по сравнению с этим видением. А ночью в жёстком свете люминесцентных фонарей это вообще непревзойдённый шедевр, недоступный виртуозам сюрреализма.

Вокруг давно уже царит глубокая осень. Дворники и пронизывающий ветер сметают по утрам непривлекательные остатки опавшего летнего убранства. Дожди явно уже на подходе, свинцовые тучи никак не разродятся то ли кислотными, то ли радиоактивными осадками. Но меня не покидает уверенность, что вишня у окна будет так же прямо стоять под их косыми, безжалостно холодными струями, как недавно стояла под иссушающими лучами неумолимого солнца. Полный неоправданного идиотического оптимизма (сегодня лучше, чем вчера, а завтра станет лучше, чем сегодня!), внушённого мне с детских лет коммунистическим воспитанием, каждое утро я выглядывал в окно, чтобы поздороваться с моей молчаливой подругой. Привет, привет, и я спешу по своим делам, уверенный, что и вечером это необычное создание беззвучно пожелает мне спокойной ночи в ответ на моё легкомысленное пожелание ей того же.

Но однажды утром я проснулся от резкого визга тормозов на улице и сильного глухого удара с последующим страшным треском, проникшим ко мне сквозь недавно установленные оконные стеклопакеты.

Невнятный шум голосов, неуместная для такого раннего часа суматоха за окном, жестокая действительность безжалостно подняли меня с постели. Я с тревогой выглянул наружу, и в мути рассветного тумана различил лишь силуэты толпящихся зевак. Наскоро одевшись, выбежал наружу, чтобы убедиться в ужасной значимости происшедшего.

Туман действительно накрыл всё вокруг, в двух-трёх метрах от фигур и предметов оставались одни лишь очертания. Он казался таким плотным — вырежи из него кусок, и в этом месте надолго останется зияющая пустота. Прямо у моего окна столпились семь-восемь прохожих, откуда они только взялись спозаранку? Подойдя ближе, я различил в темнеющей массе хлебный фургон, наехавший передними колёсами на тротуар. В двух метрах рядом валялся оторванный передний бампер, а в стороне, чуть поодаль — бесформенная жалкая масса корявых невзрачных веток, недавно бывших моей вишней. Жалкая культяпка, словно аккуратно срубленная гильотиной, торчала из зарешёченной лунки на проходной части.

Все присутствующие ротозеи с нетерпением ждали приезда гаишников, все, кроме наполовину вылезшего из кабины расхристанного водителя. Его бессмысленный взгляд блуждал по собравшимся справа налево и назад, как вентилятор-подхалим. С разбитых губ срывались невнятные фразы, в которых можно было разобрать только матерные вставки. Дело было, скорее всего, не столько в полученном шоке от удара, сколько в

недавних алкогольных возлияниях. Я подошёл ближе и машинально потрогал останки убитого дерева.

— Что же ты сделал, гад! — пробормотал я, как оказалось, достаточно громко, чтобы меня услышали.

— Вы посмотрите на него только! — возмутилась какая-то сердобольная женщина, неведомо как затесавшаяся среди зрителей. — Ему дерево жалко, а на человека наплевать!

Я ещё раз взглянул на не вызывавшего жалости или капли сочувствия пьяного, никак не трезвеющего водилу, на осуждающе повернувшихся ко мне враждебных зрителей, плюнул и ушёл. Что я мог предпринять?

— Хорошо хоть никого не задавил! — рассудительно изрёк кто-то за спиной, трезвый глас народа, так сказать. Но мою вишню было уже ничем не вернуть.

Когда много позже рабочие городского муниципалитета сровняли обломок дерева бензопилой “Дружба” и без особого труда выкорчевали неглубокие корни, я поинтересовался у них о дальнейших действиях мэрии.

— А что, на будущий год посадят здесь, наверное, тополя. В Зелентресте ничего больше сейчас и нет. Так что не волнуйтесь. Вот и весь сказ! — авторитетно заверил меня один из них.

Тополь не вишня, разве сможет он заменить ставшее мне странно близким за столь короткое время деревце? Я дал себе слово, как только пригреет весеннее солнце, найду на рынке вишнёвый саженец и саморучно высажу у своего окна. Ничего иного мне теперь просто не оставалось.

**г. Астрахань,
Россия.**

Наталья КАРАЕВА

Нина Павловна

Почему люди так эгоистичны в своих поступках, так мелочны? Может, потому, что они мало знают, то есть малообразованны? У них познания ограничиваются собственными желаниями и потребностями: хочу, хочу, хочу... хочу быть счастливой. Хочу — и любые средства хороши. Но мало ли в истории человеческого развития образованных и известных людей, которые предавали, подличали или вели себя как последние торговки? Уж у них-то были хорошие познания.

Соседка тётя Варя, увидев ползущего через двор пьяного мужа, сделав руки в бока, произнесла: “Уже приложился!”, так вот мы, может, наоборот, не приложились к чему-то и ползём, как у нас получается.

Сегодня из нашего отдела ушла Нина Павловна, вернее, уволилась по собственному желанию. Пожелала уйти, вернее, не пожелала больше с нами быть. Напротив, в углу возле окна, стоит её стол. Он так же стоял и семь лет назад, когда я впервые пришла в этот отдел. Та же простенькая вазочка из голубого стекла — подарок женщинам нашего отдела от наших немногочисленных мужчин. “Пара калек”, — так называет их Люська — наша сотрудница. Люська тоже здесь уже была, когда я впервые переступила порог этого учётно-экономического отдела. Правда, за эти семь лет она удачно вышла замуж. Что нисколько не мешает ей делать гадости с удовольствием. У мужа квартира, машина, у его бабушки домик в пригороде, куда ездят Люська, её друзья и муж на пашльки. И чего, спрашивается,

сидит здесь? Хотя никогда не преминёт подчеркнуть, что гусю такого полёта, как она, никто здесь не товарищ.

В стеклянной вазочке у Нины Павловны, которая, кстати, единственная сохранила подарок от наших мужчин, всегда стояли цветочки или какая-нибудь веточка. Ещё вчера в ней красивой композицией притягивала взгляд рябина.

Все тихо шуршат возле светящихся мониторов своих компьютеров. За окном, как на огромной рождественской открытке, медленно падают снежинки. Наконец-то настоящий снег завершает осенний дождь со снегом.

Нина Павловна была страшненькой женщиной с большими — о таких говорят глубокие — глазами. У неё были густые, слегка волнистые, всегда хорошо окрашенные волосы, из которых она небрежно соорудила какую-то копну на голове. У Нины Павловны были очень полные, с чёткой линией губы. Это губы фотомодели. Всё вместе — по-лошадиному длинное некрасивое женское лицо.

Нина Павловна была старой девой. “Хоть бы какого калеку нашла себе, всё не одна”, — не раз говорила наша удачливая Люська, когда мы судачили о Нине. Вообще мы любили поговорить о ней, за её спиной. Почему-то эта тема за столько лет нам не надоедала. Не было в жизни Нины Павловны этаких интригующих событий, но она сама была чудной штучкой. Наверное, и притягивала нас эта необычность. Да, ещё удивляясь ей, каждый как бы подчёркивал, смотрите: я уж точно не такая странная, я, слава Богу, нормальный человек.

“Гордой была Нинка, вот и осталась одна со своей гордостью”, — на полном серьёзе рассмешила нас как-то Сталина Григорьевна, наша работающая пенсионерка.

У Нины Павловны была двухкомнатная квартира с крохотной кухонькой. Я думаю, ещё родительский дом. Это было такое тёплое, уютное человеческое жильё с книжными полками, ухоженными комнатными цветами. Каждый хоть раз в жизни мечтал о таком. Я ни за что не согласилась бы иметь столько салфеточек, вазочек в своей квартире, но чувствовала себя глубоко несчастной, когда пришла проводить её болеющую, и в маленькой кухоньке пила чай с мёдом, который черпала из деревянного бочонка серебряной ложечкой. Мне хотелось плакать от горя, потому что у меня никогда не будет такого сказочного домика.

Работа и все движения в отделе были очень важны для Нины Павловны, но когда мы вынуждены были оставаться внеурочно и поавралить, она отпрашивалась, брала с собой ноутбук и утром приходила с выполненной работой. Кроме работы и нас у неё были ещё её мир и её дом. Это очень немало.

Когда неизлечимо заболела Лена, это не стало неожиданностью для нас, потому что она последнее время жаловалась на боли и выглядела так, что никто не сомневался, что всё это очень серьёзно. Но когда Лена через неделю не вышла с больничного, и наша “замша” Евграшина сказала, что она вряд ли когда-нибудь уже выйдет, мы испытали страх.

Да, ещё я вспомнила: как-то о нас писали статью в местной газете. И когда Люська сказала журналисту, на вид бабнику со стажем, что её любимый писатель Чехов и ещё ей нравится Достоевский, наша Нина сказала: “А я очень люблю читать Кинга, правда, последнее время он немного

поднадоел". Эта её фраза тоже бурно обсуждалась потом. О Чехове и Достоевском напечатали, а о Нининой любви к Кингу ни слова. Как всё предсказуемо.

Как мы смеялись, когда, встретившись в парке, чтобы проведать больную Лену, увидели Нину Павловну в нелепой шапочке. Вообще-то к шапочке у нас никаких претензий. Шапочка очень даже нормальная, но игривый розовый бубон на голове у сорокалетней женщины в тяжёлых роговых очках на пол-лица? Тема для разговоров ещё та! Хорошо что нашей Люськи с нами не было. А быть её не могло, потому как всегда подобные поручения выполняют незамужние дамы. А это как раз я, две молодые девчонки Галка с Ирккой и, конечно, Нина Павловна. Кстати, Серёга хоть мне и неофициальный муж, а ужин приготовить нужно, в квартире уют создать, да и самой выглядеть достойно необходимо, потому как муж он уж никуда не денется, а вот Серёга...

Нина Павловна напекла пирожков, сварилапельменей и завернула их несколькими полотенцами, чтобы не остыли. На наше раздражённое: "Зачем тяжелобольной Лене гора пирожков и банкапельменей?" — Нина спокойно отвечала: "А двое ребятишек?". И мы тут же вспомнили, как вчера все жалели двух несчастных мальчишек Андрюшку и Ваньку — сыновей Леночки. А когда они наперегонки уплеталипельмени вприкуску с пирожками, я подумала: "Дай Бог, когда наступит мой черёд заболеть, чтобы проведать меня пришла наша Нина".

Лена с семьёй жили в семейном общежитии. У нас в городе называли его Казармы. У них была большая комната, но одна. Войдя в неё, мы попали в мир чужого горя, где остановилось время, где у людей чёрные лица. Мне стыдно признаться, но по дороге домой я не один раз подумала: скорее бы добраться и попить чаю, а дома, какое счастье, я могу слушать музыку, лежать на тахте. Нет, я не бессердечная, но это всё так рядом: счастье и горе. И если сегодня я могу быть счастливой, значит нужно ею быть. И не оставь меня Бог в час испытаний, дай мне силы.

Муж Лены оказался очень приятным мужчиной. Преподаватель в педагогическом колледже. У него были такие холёные руки.

Мы постоянно узнавали, как Лена, сочувствовали её мужу и мальчишкам, а Нина Павловна ходила туда каждый день. Она готовила супы, жарила котлеты и относила им. Купила у дачницы — вахтёрши бабы Маши два ведра картошки, её видели с полными сумками на рынке. И слухи поползли.

Нина Павловна светилась изнутри холодным белым светом, а на лице её вокруг глаз легли два чёрных круга — знак горя.

"Пир во время чумы", — ужасалась удачно вышедшая замуж Люська.

На вопль: "Ты что, вообще с ума сошла, у мужика умирающая жена дома, а он от тебя утром выспавшийся выходит", — Нина отвечала: "Ну и што, ему отдохнуть нужно. Он у меня с мальчишками, а мы с её мамой возле Лены сидим, жизнь вспоминаем".

А в субботу Нина на день рождения сотрудницы не пришла. Она, видите ли, Андрюшку с Ванькой в театр водила. "Какой театр, Нина? У ребят мать умирает!". — "У них осенние каникулы", — отвечала Нина тоном уставшей от глупости учеников учительницы.

В своей ежедневной дискуссии сотрудницы разделились на негодующих: "Какой цинизм. На чужом горе счастья не построишь" и на понимающих:

“Счастью не прикажешь, когда ему случиться”. Осуждающих было больше. Не добреют женщины в замужестве.

“Какое счастье, бабоньки-и-и? Да он её же сразу и бросит, как только ему сиделка с нянькой не нужны будут”, — удивлялась чужой бестолковости Люська.

Шли дни. Лена умерла ночью. Нина Павловна позвонила и сказала: “Сегодня ночью у нас умерла Лена”. Она так и сказала: “у нас”. Весь следующий день лил дождь. А в день похорон выглянуло солнце. Солнечно не было, но было не пасмурно. Они так и стояли у гроба. Ленина мама, муж, двое сыновей, а за ними на втором плане — Нина, положив руки мальчишкам на плечи.

Сегодня, зайдя в отдел, Люська сразу же с порога, не видя ссутулившуюся у стеллажа с папками Нину Павловну, почему-то с торжествующей радостью произнесла: “Ну что я говорила, бросил он вашу Нину? Зачем нормальному мужику такая страшилка?”. Повисшую тишину прервал спокойный голос нашей пенсионерки Сталины Григорьевны: “До нормального мужика ему не дорасти”. — “А чё ты радуешься?” — разозлилась Ирка. Завязалась ссора между Люськой и молодыми девчонками, которые оказались куда как опытнее в такого рода диалогах.

Нина Павловна собрала свои вещи и вышла.

Я думаю, не всем Бог даёт быть красивыми.

пос. Шарбакты

Павлодарской области.

Марат ВАЛЕЕВ

Кто так играет?

— Ну кто так играет?

Перед уличным музыкантом, фальшиво наигрывающим в подземном переходе на аккордеоне какую-то попсовую мелодию, остановился пожилой мужчина с нервным одухотворённым лицом.

Музыкант прекратил терзать инструмент и бросил беглый взгляд на картонку у своих ног. На дне её блестели несколько рублёвых монеток и одна десятирублёвая ассигнация.

— Как могу, так и играю. А вам-то какое дело? — раздражённо сказал владелец аккордеона. — Не нравится — проходите мимо. Не мешайте другим слушать.

— Да кто это будет слушать! — продолжал кипятиться нервный прохожий. — Уж поверьте мне, преподавателю консерватории с тридцатилетним стажем. То, что вы играете, просто ужасно... Вы занимаетесь не своим делом.

— Если бы мне за своё дело платили нормально, разве я торчал бы здесь? — вздохнул музыкант, поправляя ремень инструмента.

— А вы думаете, мне много платят? — укоризненно сказал преподаватель. — Но я же не бросаю свою работу, не унижаюсь, как вот некоторые.

— Я думаю, вам совсем не платят, — насмешливо заметил музыкант, окинув взглядом потёртый пиджак интеллигентного прохожего, его туфли со сбитыми носками и стоптанными каблуками, застиранную, хотя и чистенькую, рубашку. — Ну ладно, мне некогда. Идите в свою консерваторию. Платы от вас, я так понял, не дождёшься.

И музыкант снова заиграл — на этот раз про любовь, которая на двадцатом этаже. Или на десятом. И фальшивил он на этот раз ещё больше. Похоже, назло настырному прохожему, поскольку тот уходить не собирался. А скривился как от зубной боли и неожиданно ухватился за инструмент.

— Дайте, дайте мне, — повелительно сказал он. — Я покажу вам, как надо играть.

— Ну, попробуйте, — вяло согласился музыкант, освобождаясь от лямок аккордеона.

Преподаватель пристроил инструмент у себя на груди, стремительно пробежался длинными красивыми пальцами по клавишам. Потом на секунду задумался и бережно развёл меха. Полилась музыка. Нежная, чарующая и в то же время сильная, она заставляла сжиматься сердце, перехватывала дыхание, увлажняла глаза. Словом, это было то, что и называется настоящим Искусством.

Уличный музыкант стоял молча, потупившись и глубоко затолкав руки в карманы брюк. Лицо его было бледным. Горожане, до этого торопливо проходившие мимо по своим делам, начали один за другим останавливаться около играющего. Скоро пятачок в переходе уже не вмещал всех желающих послушать необычный концерт. Наконец аккордеон смолк. В переходе на какое-то время повисла тишина. А потом люди зааплодировали, закричали “Браво!”, “Ещё!”.

В картонку посыпались деньги. Всего через минуту она была заполнена доверху, деньги уже сыпались на затоптанное бетонное покрытие.

— Вот это да! — потрясённо сказал владелец инструмента. Он присел на корточки, быстро перебрал неровную кучку ассигнаций (были даже доллары!), горку монет. — Да тут уже тыщ пять будет! А то и больше.

— Не может быть! — испуганно воскликнул преподаватель. — Это же половина моей зарплаты.

Преподаватель вытащил из кармана носовой платок и промокнул выступившие на лбу бисеринки пота.

— У вас есть мобильник? — спросил он у музыканта. — Кстати, как вас зовут? Меня Андрей Карлович Штопфе.

— Вот, возьмите, Андрей Карлович, — с готовностью отозвался владелец инструмента, протягивая телефон. — Будем знакомы: инженер-проектировщик Турсунов Виктор Петрович.

Андрей Карлович благожелательно кивнул, набирая номер.

— Алло, Верочка? Это Штопфе. Скажите Кайгородцеву, что меня сегодня не будет. Заболел, — сказал он в трубку, подмигивая музыканту. — Скорее всего, и завтра меня не будет...

пос. Тура

Красноярского края.

Рамиль ХИСАМУТДИНОВ

“Это сладкое марево мая...”

В полубредовом полусне
Прошу, как нищий подаянья,
Как грешник просит покаянья,
Конца дороги в полутьме.

Иду по ней в туман и даль.
Несу в котомке корку хлеба
И грусть, и смех, сиянье неба.
Во фляжке плещется печаль.

Когда приду? А разве важно?
Я просто парусник бумажный.
На повороте вижу каждом
Тебя. К тебе приду однажды.

Совет

Послушай, жить невысказанно тоской,
Закутав душу ключьями тумана.
Открой окно и помаши рукой
Героям ненаписанных романов.

Рамиль Гумарович ХИСАМУТДИНОВ

родился в 1971 году в г. Кокчетаве. После школы год работал на фарфоровом заводе формовщиком. Затем поступил в Кокчетавское медицинское училище, которое окончил с отличием по специальности фельдшер.

В 2005 году вышел в свет первый сборник стихов “Полночный ветер-шевалье”.

В 2006 году написал либретто к рок-опере “Чингисхан” по мотивам произведения Мухтара Шаханова “Космоформула карающей памяти, или Последний день Чингисхана”, в 2007

году состоялась премьера в Акмолинском русском театре драмы. Тогда же вышел в свет второй сборник стихов “Запрещено цензурой, или О личном, и не только”.

В 2008 году рок-опера “Чингисхан” завоевала Гран-при в номинации “Лучший спектакль” на международном фестивале театральных коллективов в Йошкар-Оле (Республика Марий-Эл Российской Федерации). Данная постановка идёт на сцене Акмолинского областного русского театра драмы (г. Кокшетау) уже третий сезон.

Ныне живёт в Астане. В “Ниве” публикуется впервые.

Я целую твои пальцы
От большого до мизинца,
И натянута на пальцы
Тёплой нежности зарница.

Я отдам все зори неба
За твоей улыбки томность,
Терпко-свежий запах снега
И дождливую бездомность.

Я твои целую руки,
Лаской пальцы взяв в неволю,
Обезумевший от муки
Одиночества и боли.

Чёрный ветер лижет окна,
С визгом тычется в дома,
Нарушая дробью мокрой
Равновесие ума.

Мысли, чувства вперемешку.
Слишком строго не суди.
Чёрный ветер, как в насмешку,
Мечется в моей груди.

А в окне темнеет город —
Хоть бы маленький костёр.
Чёрный ветер — чёрный ворон
Крылья мрачные простёр.

Он осыплет перья-сажу
На молчащие дома.
Чёрный ветер точно скажет,
Кто из нас сошёл с ума.

Обычный, в общем-то, пустяк:
Листва, желтея, пахнет пряно,
Дымы костров качает пьяно
Дыханье ветра.

Капель такт
Перебирает дни, как чётки.
Накрывший город звездопад
Нелеп,
но попадает в лад
Костров, дымов, теней нечётких

Аккордами ночных огней.
И звёзды падают в причёски
Идущих по листве людей
Алмазной россыпью дождей.

Снегопад рождает тишину.
Отдохни, запыхавшись от бега.
На асфальта серую струну
Медленно спадают хлопья снега.

Посмотри: на суету огней, —
Из глубин растерянного неба, —
На недоумение людей
Медленно спадают хлопья снега.

Сохрани на сердце этот след —
Тишину, рождённую из снега,
Этот странный сказочный балет —
В воздухе парящий пепел неба.

Завершение знойного дня:
Пахнет кисленько уличной пылью,
Мошкara, сладострастно звеня,
Вальс танцует на крошечных крыльях.

Тянут шеи прохладные тени,
Удивлённо кивают в окно
Освещённые ветки сирени,
Чьи цветы облетели давно.

Пахнет взмыленной лошадью, розой,
Марьин корень, иначе — пион.
Странный запах — поэзия с прозой
Слиты вместе в единый флакон.

Где небо сходилась с холмами,
Где розово вишни цвели,
Где мы говорили стихами,
Там нынче снега замели.

Укрылись озябшие вишни
Белейшим пушистым манто.
Я знаю, всё было не лишним.
Пусть даже всё было не то.

Пожелтевший осенний парк
На прощанье шуршит листом.
Что-то в жизни пошло не так.
Стало главное пустяком.

Что-то важное я упустил
В белой зябкости первых снегов.
И листвы золотой настил
Глушит поступь моих шагов.

Все слова мои, — вроде в лад, —
Опадают в земную глушь,
Разбегаются невпопад,
Словно пальцы дождя по стеклу.

Остаётся такой пустяк:
На прощанье шуршит листом
Пожелтевший осенний парк
Над промокшим моим зонтом.

Доколе не померкнет солнца свет,
Луна и звёзды, Путь прекрасный Млечный,
Твоё лицо, фигуру, силуэт
Везде искать я буду бесконечно.

В туманах вижу твой знакомый профиль,
Твои глаза таят мерцанье звёзд.
И дрогнут руки, проливая кофе,
Когда в дожде услышу голос грёз.

Мне мало этого бесплодного мечтанья.
Я ощутить хотел бы во плоти
Твоей руки легчайшее касанье,
Любовь освободившей от плотин.

Доколе не померкнет солнца свет,
Луна и звёзды, Путь прекрасный Млечный...
Закончилось внезапно всё. В обед.
Она ушла.

И длится поиск вечный.

День закончится томною дремой.
Глянут сумерки в щёлочки штор.
Опьянённый дурманом черёмух,
Рву соцветия через забор.

Бело-розовым облаком вишни,
Словно девичья нежная плоть,
Ночь тихонько спустилась по крышам
И кого-то застенчиво ждёт.

Это сладкое марево мая
Долгой памятью бродит в душе.
И, поверьте мне, значит немало,
Если юность уходит уже.

Возможно, это к лучшему, кто знает?
Уходит лето в желтизну полей
Девушкой, не узанною нами,
В распахнутую занавесь дождей.

И грузные плоды в садах повиснут,
Даруя лета тёплый аромат.
Сквозь юность угасающую листьев
Мне грезится полночный звездопад.

В паучьих нитях, тоненьких и звонких,
Запутается вата облаков
И долгий дождь ударится о зонтик,
Раскрытый мной под розою ветров.

Легонько стукнет о стекло
Изящное кольцо с рубином.
Всё... Наше время истекло,
И ты ушла... наполовину.

Остался аромат духов
Таинственный, восточно-сладкий,
И пустота прощальных слов,
Сопровождающих отгадку.

И всё бы было ничего...
Но, шторы в темноте раздвинув,
Смотрю на звёздный небосвод,
Деля себя наполовину.

Щекочут небо пальцы минаретов.
Тягучесть музыки и вялость от жары.
Как много воспевало вас поэтов,
Дворцы, базары и мечети Бухары.

Здесь ножки девушек в шальварики одеты.
Смотрю на них наивно, им чужой.

Они красавицы, как говорят поэты.
Да разве разглядишь под паранджой.

Зелёный чай, халва и дыни ломоть.
Я в чайхане прилягу на ковры.
Я не был здесь, но как же мне знакомо
Восточное дыхание Бухары.

Приходит ночь, как часть финала.
Идут, отчаянно сигнали
Во тьме, неведомо куда
Из ниоткуда поезда.

Измученно гудит ответно,
Где мрак ночной качают ветры,
Составу встречному состав,
Как бесконечно он устал.

И рельсы в сладостной истоме
Заплачут жалобно, знакомо
От одиночества и грёз,
Откликнувшись на стук колёс.

Из темноты, из ниоткуда
Приходит поезд, веря в чудо,
К вокзальным нимбам фонарей,
Что здесь — финал его путей.

Холоднее уже вечерами.
Под дождём мокнут коврики пыли.
Девой с огненными волосами
Едет Осень на рыжей кобыле.

Ветры снова деревья мочалят,
Обдирая последние листья.
Взгляд у Осени полон печали —
Малой толики понятых истин.

Серым пеплом остынут кострища.
Плачет небо в тоскливом бессилье.
По земле, словно по пепелищу,
Едет Осень на рыжей кобыле.

Когда придёт ко мне исполнить
Свою работу ангел смерти,
Хотел бы напоследок вспомнить
Любви хмельные круговерти.

А также вёсны, зимы, лета,
Дымы осенние костров,
И ожидание рассвета,
И томный сумрак вечеров.

Припомнить мелкое, большое,
Чего стыжусь и чем горжусь,
Улыбки, смех, и вот ещё я
Сверну в рулоны ночь и грусть.

Багаж свой соберу с размахом
В охалку ангела: "Зови!"
Пожалуй, глянет он со страхом
И скажет: "Ну тебя, живи!"

По улице шёл грязный, полупьяный
Обычный бомж.
Остановившись, вверх
Поднял он голову на звуки фортепьяно,
Из форточки упавшие на снег.

Рукою заскорузлой, как копыто,
Скрипя щетиной, он потёр лицо.
А ноты падали, звеня полузабыто,
И рвали безучастности кольцо.

Что было там? Рапсодия? Соната?
Ошеломлённо бомж смотрел наверх.
Так на огонь из тьмы глядел когда-то
Пещерный первобытный человек.

Вот он стоял — не мог ступить ни шагу —
И солнце вдруг увидел в облаках.
И не стесняясь, растирал он влагу
По грязи и щетине на щеках.

С обратной стороны луны
Гораздо лучше видно звёзды.
Они, как гвозди, вбиты в космос
По шляпку, в чернь вселенской тьмы.
С обратной стороны луны.

С обратной стороны луны
Взглянув на душу человека,
Смешенье видишь тьмы и света,
Порочные желанья, сны
Греховой тайною полны.
С обратной стороны луны.

С обратной стороны луны
Молчит загадочно пространство,
Как двери в коридоры странствий.
Возможно, их откроем мы
С обратной стороны луны.

Как разминулись мы с тобой
На этой улице пустынной?..
От фонарей косые длинно
Ложились тени к мостовой.

Я знаю, ты не позовёшь,
Перчатки смяв, волнуясь, в горсти.
Ко мне неожиданной, поздней гостьей
Ты ненароком не зайдёшь.

Не связаны одной судьбой,
Соприкоснулись, не заметив,
Что мир застыл в секунды эти.
Как разминулись мы с тобой?

Я создам себя заново: из пустоты,
Из нелепостей, боли, кусочков мечты,
Из дорог, расставаний, ненужностей встреч.
Я создам себя заново, чтобы беречь.

Буду щёткой нежной обмахивать пыль.
Белым воском натру оперение крыл:
Чтобы слились они, чтоб не смог я летать,
Чтобы мебелью стать, как диван и кровать.

Я создам себя заново, очень простым,
Из обычной любви, несложной мечты.
Подожгу и разрушу к себе я мосты,
Если я одинок, если рядом не ты.

Листает пламя белые страницы,
Зачитывая их до чёрных дыр.
Слова золой взлетают, будто птицы,
Уставшие нести познание в мир.

Легчайший пепел перьями рассвета
Порывом ветра сдует в синеву,
Чтоб души неприкаянных поэтов
Омыв дождями, уронить в траву.

Слова, как дым от сигарет,
Табачной горечью истают.
Вопросов сотни.

Где ответ?
В котором истина простая?

Слоями слов укрыв себя,
Как в детстве — под пушистым пледом,
Я прячусь, душу ознобя
Холодным расставанья ветром.

В разлуках виноватых нет.
А значит, нужно ли прощенье?
За все грехи я дам ответ
В последнее своё мгновенье.

Молюсь тебе, багряный, пятипалый
Кленовый лист, прилипнувший к стеклу,
О том, что жизнь не вся ещё пропала,
Что тянется душа ещё к теплу.

Зима давно. Кругом снега белеют.
Как уцелел ты, потеряв покой?
Завидую тебе и сожалею,
Что не могу на всё махнуть рукой.

Всё те же глупые и мелкие проблемы.
А жизнь проходит... Будто и не жил.
Я разбивал и локти, и колени
В пути навверх, но по теченью плыл.

Не день, не два, а, посчитать, полжизни
Я с глупостью боролся и тоской.
Но бытовой рутиной не был признан.
Я весь разбит и потерял покой.

Кленовый лист багряный, пятипалый
Ответил мне, и я приник к стеклу:
“Послушай, друг, не всё ещё пропало,
Ведь тянется душа твоя к теплу”.

Юрий ПОМИНОВ

Хроника смутного времени

Записки редактора

Книга третья

(Продолжение. Начало в №№ 1-5 за 2011 год)

3 июня 1996 года

Опять “Дни” А. Невзорова по ТВ. И опять Чечня — видеоповествование о бойцах разведроты федеральных войск. Свидетельством принадлежности к некоей особой касте у них является отрезанное и завязанное ухо чеченского боевика. Это самое ухо они предъявляют друг другу в качестве знака особого отличия. У боевиков же вполне привычное дело — перерезать, как барану, горло захваченному в плен “федералу”, и, говорилось в телепередаче, видели даже российских военных, распятых боевиками на кресте...

Такова степень ожесточения на этой “войне без правил”. Такую одним мирным соглашением в стиле “штурма и натиска” не остановишь. И война продолжается. Преемник убитого Дудаева (подробности уничтожения до сих пор не обнародованы) Яндарбиев многочисленное и разномастное чеченское воинство не контролирует — это вообще вряд ли возможно после той вольницы, которая там установилась. Опять есть убитые с обеих сторон, снова захвачена в плен группа российских военнослужащих...

Б. Н. Ельцин почтил своим присутствием (с супругой и внуками) очередную встречу КВН (“Клуб весёлых и находчивых”), транслируемую по ТВ. Семейный поход к молодёжи, конечно же, был устроен как ещё одна предвыборная акция. Команды “весёлых и находчивых”, хотя и “прогинались” перед Б. Н., но старались сохранять достоинство. Зато неуязвимый Александр Масляков, бесценный (десятилетиями!) ведущий КВН, подыграл президенту за всех сразу. Выказался в том смысле, что коммунисты закрыли в своё время КВН. (Хотя, справедливости ради, надо заметить, именно при них он не только зародился, но и перебрался на телеэкран и вернулся обратно при них же. — Ю. П.). И теперь, чтобы состоялся очередной тур, уже в июне, надо всего лишь “проголосовать правильно” — с обворожительной улыбкой заявил А. Масляков. А ветеран КВН и теледеятель Юлий Гусман подпел ему: вот, мол, какие у нас времена настали — в Москве побеждают в КВН не земляки президента из Екатеринбурга, а команда из Армении... Вот что значит демократия! После чего прямо высказался в поддержку Б. Н., и в знак солидарности с ним встала часть зала...

На что только не идут люди, чтобы остаться у власти.

4 июня

Есть у меня знакомый... Когда-то работал в газете, а теперь — на побегушках в областном акимате. Я как только увижу его — настроение сразу портится. Вот и теперь он “по-дружески” информировал: у них “там” мною недовольны — никого не праздную, газету заполонил рекламой, финансовая независимость нужна мне для того, чтобы увести газету из-под акима. Всё это глупость — и что

не праздную никого (если бы так!), и что газету хочу увести (прекрасно понимаю, что никогда не дадут). Правда то, что стараемся зарабатывать и что рекламы у нас много. Но это ведь хорошо: не доим и без того тощий бюджет, пытаемся выживать сами... Да и реклама ведь — тоже информация, хоть и специфическая.

Он мне ещё много чего наговорил... Я его уже просто видеть не могу, но должен встречаться, выслушивать...

М. С. Горбачёв вещает на ТВ про то, как он собирается возрождать Союз, но не тот, прежний, а уже в новом качестве. И ведь не назовёшь его глупым... Неужели же не понимает, что нет у него ни малейших шансов на этих президентских выборах. Или и вправду говорят: кого Бог хочет наказать, того лишает разума.

В Санкт-Петербурге на выборах мэра победил основной соперник А. Собчака — его бывший первый зам В. Яковлев. Да уж... Припомнят теперь Собчаку многое. Потому что “насолил” он многим. Случившееся с ним лишний раз убеждает в очевидном: одно дело — быть прекрасным оратором, критиковать других, невзирая на лица, и совсем другое — управлять хозяйством огромного города, к тому же основательно расстроенным.

И ещё. Несколько лет назад, в 1989 году, ленинградцы на выборах народных депутатов СССР отказали в доверии сразу всей партийно-советской верхушке города и области: первым секретарям обкома и горкома, председателям облисполкома и горисполкома, отдав предпочтение А. Собчаку и таким, как он. И вот они отвергли и Собчака — демократа из демократов. Помимо прочего, это означает возврат к здравому смыслу: неважно какого цвета кошка — лишь бы мышей ловила.

Скорее всего, нелёгкая жизнь ожидает Собчака, привыкшего к всеобщему вниманию, вкусившего уже и западноевропейской славы. Его проигрыш (справедливости ради надо сказать, что проиграл он Яковлеву всего несколько процентов) объясняют по-разному: и тем, что, как та кошка, “гулял сам по себе”, а потому не смог заручиться поддержкой влиятельных кланов, поделивших сферы влияния в России. Случалось, фрондировал по отношению к Центру, поэтому, когда почувствовал, что “жареным запахло”, и ринулся в Москву за поддержкой, в кремлёвских кабинетах был встречен прохладно (может, впрочем, все там настолько поглощены президентскими выборами, что было не до него...). Говорят даже, что Ю. Лужков, обиженный собчаковским “Питеру не нужен мэр в кепке”, стал негласно поддерживать его соперника...

Думаю, Собчаку очень обидно за случившееся, но по здравому размышлению — всё правильно: политика не знает жалости, не помнит прежних заслуг, а народ, боготворивший своих кумиров, не раз отправлял их на эшафот.

Как бы там ни было, “эпоха Собчака” уходит в прошлое. Возродится ли он в новом (старом) качестве политика, покажет время.

Продвигаю в замы (редактора) Гришину. Далеко не все в конторе разделяют мою идею, но к этому я отношусь спокойно, ведь и сама она, и другие без особого восторга (если не сказать больше) восприняли моё назначение замом, а позднее редактором. Гораздо важнее мне другое: сможет ли (а главное — захочет ли) Людмила стать той, кем ей надлежит стать?

Встречаюсь с журналистами поодиночке, прошупываю каждого. Пока что расклад голосов — пятьдесят на пятьдесят. Некоторые, впрочем, согласны на её назначение, если сами они останутся в прямом моём подчинении.

С Гришиной о её будущей “карьере” я ещё не говорил.

Предвыборная кампания в России становится всё более остервенелой. Особенно усердствует команда действующего президента. Сам Б. Н. Ельцин всё более входит в роль царя-батюшки, отца родного. Вояжирует по стране и, как добрый Дедушка Мороз, раздаёт подарки и обещания, сыплет указами, как из рога изобилия, пытаясь облагодетельствовать всех сразу — от Москвы до самых до окраин — особенно пенсионеров и дачников, учителей и врачей. Где бы ни побывал — отваливал свой щедрый кус региону с барского плеча: кому — денег, кому — обещание построить престижный объект, кому ещё что-то... В Новосибирске пообещал денег, чтобы закончить строительство метро. Оттуда — в Ростов... И такой примерно разговор там: “Здорово, казаки! Вы, если что, прямо ко мне со всеми своими вопросами. Ну их, этих чиновников, к чёртовой матери!”.

Или вот ещё, решая на ходу денежные вопросы: “У меня тут министр финансов, всё спорит со мной, возражает. Другой бы на моём месте давно ему голову оторвал, а я всё ещё терплю...”.

Такой уровень агитации...

Мастера культуры наперебой спешат заявить о своей поддержке ныне действующему президенту, которому, конечно же, нет сегодня альтернативы (а ещё совсем недавно не было альтернативы М. С. Горбачёву. — **Ю. П.**), который, начав реформы, должен их закончить (если не прикончит Россию — это я уже от себя добавляю). Кто-то, кажется, Никита Михалков, выдал такой перл: Россия — баба, ей нужен мужик, а Ельцин — мужик. Чем не аргумент?

Главное — запомнится и — чем чёрт не шутит — может, поэтому и сработает.

Все кандидаты померкли на фоне Ельцина Великолепного! Ельцин всюду — даже в шоу-программах нынешнего арт-бомонда, агитирующего за Б. Н. под девизом: “Голосуй, а то проиграешь!”.

Колхозница у колодца, учительница у школьной доски, рабочий у станка проникновенными голосами говорят о том, почему Ельцин и только Ельцин может спасти сегодня Россию. И у меня всякий раз возникает вопрос: от кого, от самого себя?

Коммунисты едва успевают отбиваться от оплеух, раздаваемых им демократической прессой. Особенно усердствуют ОРТ и “Известия”, потерявшие в этом смысле всякое чувство меры.

Политические пристрастия развели по разные стороны (хорошо ещё не баррикад) даже талантливых писателей-сибиряков: Виктора Астафьева (он за Ельцина) и Валентина Распутина (он против него, хотя и не за Зюганова). И, конечно же, никому нет дела до реальных бед и проблем России. До того ли, когда власть делают!

У нас в Казахстане “задрались” Мажилис с правительством: первый не принимает поправок второго к пенсионному закону, по которому не только увеличивается срок выхода на пенсию (мужчины — в 63 года, женщины — в 58 лет), но и отменяются многие льготы. Мажилису дано на размышление 48 часов: либо он соглашается, либо президент решит судьбу одной из ветвей власти: распустит Мажилис или отправит в отставку правительство. Скорее всего, сдадутся мажилиسمены, потому что президент накануне уже высказывался в том смысле, что правительство должно выполнять свою программу, а мажилисменам надлежит крепко подумать над тем, какие решения они принимают.

Жара стоит несусветная. И ещё пух летит. Комары и мошка зверствуют. Тем не менее хочу порыбачить...

5 июня

Угольщики Экибастуза прекратили стачку — под гарантию выплаты февральской зарплаты. Но уголь они отныне будут отправлять только тем, кто платит за него вперёд. Из-за этого около 30 процентов работников отправятся на летние месяцы в отпуска, им сохраняется зарплата, составляющая две трети тарифа.

Умер Олег Фёдорович Лебедев, тридцать лет возглавлявший Павлодарский телецентр. Именно благодаря Лебедеву наш телецентр по техническому оснащению всегда был одним из лучших в Казахстане. Теперь от этого богатства мало что осталось.

6 июня

В прошлом году в России действовало почти восемь тысяч организованных преступных групп численностью не менее 30 человек каждая. 140 мафиозных российских группировок орудуют уже и за рубежом, половина из них — в Германии.

А у нас в центре Павлодара убиты из пистолета два сотрудника Государственного следственного комитета — совсем молодые парни. Убийц пока не поймали.

8 июня

В Павлодаре открылся частный центр охраны здоровья ребёнка и матери, а по сути — элитный роддом. Родить здесь можно будет “всего” за 420-520 долларов. При этом мамы могут рожать и в воде, а папы присутствовать при родах.

В окрестностях Павлодара, а иногда и в самом городе, находят всё новые свидетельства обитания в нашем краю древних людей. Последние находки в районе села Павлодарское относятся к эпохе поздней бронзы.

11 июня

Б. Н. Ельцин издал указ о компенсации вкладов. Но лишь тем, кому за 80 лет, и только в расчёте на тысячу рублей с увеличением её в тысячу раз, т. е. до одного миллиона. Конечно же, компенсация эта — неполная и лукавая, рассчитанная на выборы президента. И всё же она более значительная, чем у нас в Казахстане, где тысячу рублей пересчитают в 400 тенге. Если перевести в доллары, то российские долгожители получат за свою тысячу примерно по 200, а наши — чуть больше шести долларов. Хотя по большому счёту что там, что тут — фикция.

Ездил на рыбалку. Вытащил на удочку линия почти в килограмм весом — аж леска порвалась. Скорее всего — случайность, но всё равно приятно...

Ушёл в отставку начальник Павлодарского отделения Целинной железной дороги А. С. Саркыншаков. В железнодорожниках он сорок лет, а на посту начальника — почти двадцать. При нём наше отделение дороги стало самым крупным в СССР по отправлению грузов, общий вес которых доходил до ста миллионов тонн в год. И сегодня на долю отделения приходится 44 процента всех казахстанских грузов, отправляемых по железной дороге.

На Павлодарском отделении дороги создан такой запас технической прочности, которого хватит на десятилетия, — надо лишь поддерживать это хозяйство в рабочем состоянии. Кроме того, А. С. Саркыншаков полностью решил проблемы обеспечения семей железнодорожников детскими садами и яслями, а также жильём...

Аби Саркыншакович — настоящий железнодорожный генерал (когда-то руководящие кадры на железной дороге имели ещё специальные звания), мы

дружим с ним, несмотря на разницу в возрасте. Мы заседали вместе в бюро обкома партии, в котором он никогда не был статистом. Я помогал ему готовить к изданию книгу по истории Павлодарского отделения дороги.

На пенсию А. С. не уходит — он назначен советником министра транспорта и начальника Целинной железной дороги.

13 июня

Мажилисмены, как и следовало ожидать, дали задний ход — приняли предложенные поправки в пенсионный закон, увеличивающие срок выхода на пенсию на три года и отменяющие льготные пенсии для тех, кто занят на вредных производствах. И винить нам, казахстанцам, в случившемся некого — сами выбрали таких законодателей.

Взрыв в вагоне московского метро. Несколько человек погибли, много раненых. Мэр Москвы заявил, что эта акция направлена на срыв предстоящих выборов, а непримиримые противники Ельцина винят в этом его окружение, которому якобы выгодно свалить взрыв на оппозицию. Ну разве не сумасшествие?

14 июня

Власти города Аксу (бывший Ермак), устав бороться с предприятиями-должниками, объявили им ультиматум: не погасите долги за электроэнергию и тепло — продадим часть вашей собственности. В первую очередь на торги предполагается выставить персональный транспорт начальства.

Два письма из очередной подборки писем сегодняшнего номера.

“Я — учитель. Н. К. Рерих писал: “Срам стране, где учителя пребывают в бедности и нищете... народ, забыв учителя, забыл своё будущее...”. Сказано это было о другом времени — разрухи и бедствий. А у нас не было, к счастью, ни революции, ни гражданской войны, и что мы имеем? Прошовую зарплату, которую не платят месяцами... Мужчины из школ бегут... А когда говоришь, что ты учитель, на тебя начинают смотреть с каким-то сожалением...”.

И второе письмо...

“... Сегодня ехала в трамвае “зайцем” — нечем было заплатить... Стыдно и обидно до слёз... В Павлодаре я с 1956 года — по комсомольской путёвке, строила алюминиевый завод, жила в палаточном городке. Всё, что есть значительного в нашем городе, сделано людьми моего поколения. И что мы получили в награду? Я никогда не жила богато, но и никогда не ощущала себя нищей. У меня была большая библиотека, которую я теперь по бедности распродаю. Я ежегодно выписывала до двадцати газет и журналов. Ходила в театр, на концерты. Растила детей и помогала родителям. А мои дети помочь мне не могут, потому что по полгода не получают зарплату. Кто мне ответит — почему мы так живём?”.

15 июня

Патриотически настроенные павлодарцы — граждане России — поедут завтра в Кулунду, чтобы принять участие в выборах российского президента. Такая возможность им предоставлена российским посольством в Казахстане, оно же оплатит им дорогу.

Интереснейший материал историка-краеведа А. Еремеева в сегодняшнем номере, в котором он рассказывает об истории Ямышевской деревянной церкви. Она берёт своё начало от строительства здешней крепости и значилась в плане её укрепления уже в 1747 году. Каменное здание было построено и освящено в 1782 году. В церкви, пишет Еремеев, хранились редчайшие иконы и книги, в том

числе “Учительное Евангелие” Кирилла Ставровецкого (Транквиллиона), изданное в 1619 году. Через несколько лет после издания сочинения Ставровецкого были осуждены патриархом Филаретом за “слог еретический”, велено было их “собрать и на пожарах сжечь, чтобы та ересь и смута в мире не была”. И в Москве в 1627 году публично сожгли 60 экземпляров “Учительного Евангелия”.

Д. П. Багаев (впоследствии основатель Павлодарского областного историко-краеведческого музея) в 1929 году посетил Ямышевскую церковь, которая, к счастью, ещё не была разрушена, и обнаружил в одной из её кладовых огромный церковный архив. Среди его находок оказалась “Памятная книга Иоанно-Богословской церкви, более известная под названием “Ямышевской летописи”. В ней содержится масса интереснейших сведений о жизни Ямышева с 1865 по 1929 год. Еремеев приводит некоторые записи:

1876 год. “... В продолжении сего года заметно было между жителями... сильное пристрастие к винопитию... Охлаждение к храму... Заправители общественные возбудили в этом обществе нерасположение к священнику за его увещевания”.

1881 год. “... 18 октября был сильнейший ураган, улицы занесло песком так, что песок вывозили на лошадях...”.

1892 год. “... С первых чисел августа начали появляться случаи заболевания холерой, от которой в Ямышевском померло 15 человек...”.

1894 год. “... 25 октября прихожане были приведены к присяге на верноподданство и верность службы императору Николаю Александровичу (Второму)”.

1911 год. “... Нынешней весной воды в Иртыше было мало, луга не были затоплены, и жители были удручены предстоящей голодовкой скота, что и случилось;... вследствие недокорма скот начал падать в таком количестве, что буквально жители не успевали его вывозить...”.

1928 год. “... 6 августа прошёл полосой на расстоянии 20 вёрст сильный дождь с градом, каковой покрыл всю землю, градины были не менее куриного яйца, а местами граждане видели наподобие льдин от 2 до 5 фунтов... масса подбитого хлеба от 35 % до 100 %...”.

Еремеев пишет, что “Ямышевская летопись” хранится в фондах историко-краеведческого музея. Надо бы почитать её самому.

В Баянаульском районе с поличным взяты четыре группы скотокрадов — три местные и одна — карагандинская. Угоняли главным образом крупный рогатый скот и лошадей. Карагандинские бандиты пасущийся скот ещё и отстреливали, а мясо увозили.

В распоряжении скотокрадов было шесть автомашин (от легковых до грузовых) и мотоцикл, оружие разного типа.

Кажется, это первый случай поимки барымтачей (так их называют казахи), тем более в таком количестве.

18 июня

Мэром Москвы вновь стал Ю. М. Лужков, за которого отдали голоса почти 90 процентов москвичей.

В Экибастузе создан санитарный трибунал — мобильные группы по контролю за санитарной очисткой города. В составе каждой — представитель санэпидстанции, предприятия по вывозке мусора и милиционер. Им разрешено обследовать состояние частных усадеб и “понуждать” хозяев к заключению договоров на вывозку мусора.

Цель — благая, но метод — никудышный, пишет наш собкор в Экибастузе П. И. Оноприенко.

19 июня

Итоги выборов в России неутешительные. В них приняло участие 65 процентов избирателей. То есть каждый третий голосовать не пошёл — значит, треть взрослого населения не верит никому из кандидатов. Ельцин набрал 35 процентов голосов, Зюганов — 32, Лебедь — 15. Далее идут Явлинский, Жириновский и другие... У Ельцина явное преимущество в Москве, Санкт-Петербурге, Тюмени, на Дальнем Востоке, а за Зюганова проголосовали в Омской, Новосибирской областях, Кузбассе, на Ставрополье, в Нечерноземье. И в связи с этим сразу же идиотские комментарии ельцинских аналитиков: за него, мол, регионы, где преобладает высококвалифицированный труд, передовые отрасли производства, а за Зюганова — сельское население, старики, депрессивные регионы. Глупость несусветная... При той тотальной пропаганде в поддержку Ельцина (ОРТ просто из штанов выпрыгивало, агитируя за него и “поливая” Зюганова) полученный результат — фактически поражение нынешнего президента. И теперь, чтобы заполучить себе голоса Лебеда, Б. Н. спешно включил его в свою команду, назначив на пост секретаря Совета безопасности. И отныне они уже вместе вещают с телеэкрана... Но даже если Лебедь станет открыто призывать своих сторонников отдать во втором туре голоса за Ельцина, не факт, что они так поступят. Многих как раз разочарует то, как быстро их кандидат встал под знамёна Ельцина. Зюганов и вовсе заявил, что за него проголосуют 70 процентов избирателей, отдавших в первом туре голоса за Лебеда. А как будет на самом деле — не знает никто.

Какое мне дело до всего того, что происходит в России? Ведь ей, вернее, её верхушке, нет никакого дела до таких, как я. К тому же я свой выбор сделал, став гражданином суверенного Казахстана. Наверное, фантомные боли — как у тех раненых, потерявших ногу или руку, которых уже нет, а они всё болят. Да и по здравому размышлению, если у России появится, наконец, вменяемая власть, то и Казахстану будет лучше, и нам, русским казахстанцам, тоже...

21 июня

Очередной скандал в России. То ли в Кремле, то ли в здании правительства задержали каких-то двоих человек, якобы из штаба Ельцина (избирательного), с крупной суммой долларов неизвестного происхождения. И чуть ли не десять часов допрашивали. Из путанных суматошных комментариев ничего невозможно понять, кроме того, что отправлены в отставку председатель ФСБ России Барсуков, начальник службы безопасности Ельцина Коржаков, а также первый вице-премьер российского правительства Сосковец (наш земляк, бывший директор Карметкомбината и бывший вице-премьер Казахстана). Отправлен в отставку и министр обороны Грачёв. Наиболее близким Ельцину человеком из этой тройки был Коржаков, пользовавшийся его особым доверием и давно злоупотреблявший им. Скорее всего, схлестнулись две группировки, боровшиеся за право быть первыми в окружении Ельцина, и победила новая — во главе с Лебедем. Прямо об этом не говорится, но телекомментаторы, брызгая слюной, верещат о возвращении “прежнего Ельцина” — волевого, решительного, действующего без оглядки на авторитеты.

22 июня

Окружной суд болгарского города Пловдива отменил решение городского собрания депутатов о демонтаже памятника “Алёше”, усмотрев в нём прямое нарушение договора о сотрудничестве и дружественных отношениях между Россией и Болгарией. Хорошо хоть у судей ума хватило...

Публикуем изложение правительственного постановления об утверждении ставок платы за землю, продаваемую в частную собственность или предоставляемую в землепользование государством.

Самая дорогая земля — в Алматы, где квадратный метр стоит 711 тенге, в Акмоле — 411, в областных центрах — от 114 до 190.

Что-то очень уж дёшево оценили у нас землю... Не исключено, что её скупят по дешёвке “нужные” люди и станут перепродавать даже не втридорога, а в десятки раз дороже.

И смех, и грех... Пришли знакомые казахи — женят сына. Будущие сваты сказали: надо заплатить калым за невесту. Учитывая трудные времена и более чем скромное материальное положение обеих семей, договорились о размерах этого самого калыма: пять тысяч тенге и баран. Пришлось занять им денег — не лишать же влюблённых будущего семейного счастья.

23 июня

Власти не дают ходу новому движению “Азамат” (“Гражданин”), созданному некоторое время назад видными представителями казахстанской общественности — политиками, учёными, писателями, артистами. Как только они опубликовали своё заявление в “АиФе” (в другие газеты их не пустили) с неприятием многого из того, что делается сегодня верховной властью Казахстана, последовали “точечные удары”, в результате которых часть “подписантов” отреклась от этого заявления (мол, первоначально согласованный текст был изменён). А как только “Азамат” попытался создавать свои филиалы на местах, им стали мешать. Скажем, в Павлодаре “азаматовцам” никак не удавалось найти помещение для собрания, а когда наш “мятежный” гормаслихат предоставил им свой зал заседаний, поступила негласная рекомендация — собрание игнорировать. Тем не менее я послал на него Гришину — надо же быть в курсе происходящего. Она написала информацию — нейтрально-ироническую. Я её подписал, но вынужден был снять после истерических звонков из обладминистрации. Мне ещё выговорили и за то, что Гришина вообще там появилась. “Но мы же должны знать, что говорят наши с вами идеологические оппоненты!” — притворно возмутился я.

Не сработало... “Нечего ей там было делать!” — холодно прозвучало в ответ. Такая у нас сегодня демократия.

Разоблачительный материал в “Известиях” — о беспределе власти в Приморском крае. Судя по приводимым фактам, тамошний губернатор Наздратенко и его люди бессовестнейшим образом обирают экономику богатейшего края, творят полнейший произвол, не останавливаются ни перед чем, устраняя неудобных. Чудом уцелел мэр города Черепков, которого собирались отравить либо инсценировать его самоубийство.

Будет ли, интересно, реакция на материал? Или Кремлю, занятому внутренними разборками, сегодня опять недосуг?

25 июня

В Павлодаре орудует банда, на счету которой пять разбоев, два покушения на убийство. И недавнее убийство двух работников Государственного следственного комитета. Задержаны девять из одиннадцати членов банды — семипалатинцы и павлодарцы, в том числе семеро — студенты Павлодарского технического университета (бывший индустриальный институт). Двое бандитов-убийц пока в бегах.

“Раскрутили” на разговор директора химзавода Б. А. Шарова. Однако старых секретов суперсекретного предприятия он так и не выдал. Сказал, что недавно на заводе побывали три сотрудника ЦРУ США — брали пробы воздуха,

воды, грунта, контролируя “непроизводство” неких продуктов (скорее всего, имеющих отношения к химическому оружию. — Ю. П.). Но “то” производство снято, а секреты — остались... Завод перешёл на мирную продукцию. И переживает нелёгкие времена.

29 июня

Совещание акимов всех уровней в столице, посвящённое углублению реформ. Большой доклад Н. А. Назарбаева. Несколько выдержек:

“Основа основ рыночной экономики — это частная собственность. Не будет частного или другого эффективного собственника — на предприятиях не будет порядка в производственных делах...”

... В Малайзии все сектора экономики, социальной сферы, кроме больниц и школ, находятся в частной собственности, в том числе и аэропорты, и автомобильные дороги. Земля тоже в основном в частных руках... Даже правительственные резиденции и всё правительственное хозяйство — тоже частные...

... Ставлю перед правительством и акимами главную политическую задачу в экономике — в максимально сжатые сроки завершить приватизацию...

... Мы не добьёмся успеха, если в кратчайшие сроки не решим задачу устойчивой макроэкономической стабилизации...

Надо создать все условия, чтобы каждый мог без волокиты создать дело для себя, для семьи. Следует поощрять тех, кто трудится на второй работе, по совместительству...”

Павлодарская область названа среди главных должников перед Пенсионным фондом (семь миллиардов тенге из 40 миллиардов по республике в целом).

Убийственные заметки в сегодняшнем номере о немислимых мытарствах, перенесённых “дальнобойщиком” из Аксу Ю. Глуховым, который ездил за грузом для Ермаковского завода ферросплавов на Украину. Поездка заняла больше месяца и закончилась для Глухова больницей, потерей работы и долгами, с которыми он полгода не может рассчитаться.

Послать бы вместе с ним тех, кто установил “правила игры” на границах, которым ему пришлось подчиняться...

2 июля 1996 года

Проводил брата Петьку, который гостил у нас две недели. Съездили с ним в Железинку, потрудились на лихановском подворье: чистили в сарае (там больше братан упирался), кололи дрова (тут я отличился), достраивали баню, съездили на рыбалку. От души пообщались, я даже от работы отошёл и почти пришёл в себя.

Жили в обстановке трезвости, что весьма благотворно на всех нас сказалось.

Брат одобрил написанное мною в отпуске и тем самым настроил на дальнейшую работу. Его суждения о жизни, и особенно о литературе, очень глубоки, многое из сказанного им я воспринимал как откровение и очень жалею, что не записал по горячим следам.

На работе всё в относительном порядке. На второе полугодие сохранили 90 процентов подписки, что не так уж и плохо на фоне всеобщего падения тиражей. У нас есть запас прочности — и финансовой, и прочей...

Завтра в России второй тур президентских выборов. Предвыборное выступление Зюганова по ТВ. Смотрелся он неплохо, хотя в конце концов чувство меры ему всё же изменило, и он стал “нести” Ельцина, не особенно задумываясь о том, что говорит.

Ельцин же тактику изменил и предстаёт теперь в образе отца всего российского народа, который демократическая пресса изо дня в день, теряя всяческое чувство меры, запугивает коммунистической угрозой. Это ж как надо было обделаться с реформами российским демократам, чтобы за каких-то несколько лет от едва ли не всеобщей любви к Ельцину почти не осталось и следа!

Но главное действующее лицо на российском ТВ в эти дни — генерал Лебедь. Суперзвезда. Но это ещё большой вопрос — отдадут ли избиратели его голоса (как он об этом просит) Ельцину? Сам действующий президент производит впечатление пожилого, сильно уставшего, нездорового человека. Окружение сыграло с ним злую шутку, уговорив баллотироваться на второй срок. Наверное, всё же приведут его к власти, хоть и под руки. Но совершенно ясно, что победа, если она и случится, не будет, как некогда, впечатляющей. И волей-неволей придётся корректировать политику, вводить в правительство представителей оппозиции. Значит, опять начнутся буза, разборки...

Вчера провожали в Атланту наших олимпийцев. Их шестеро: парни-борцы и единственная женщина, мастер спорта по пулевой стрельбе. Вручили им и их тренерам по десять тысяч долларов (собрали оброк с предприятий). Вроде всё правильно: олимпийцы — наша гордость, будут представлять Казахстан на самых престижных мировых состязаниях. Но всё равно немного не по себе от этих купеческих жестов.

4 июля

Сессия Павлодарского городского маслихата направила обращение президенту и премьер-министру республики, в котором говорится о критическом состоянии предприятий энергетики города. Главные беды отрасли типичные: за электроэнергию её потребители не платят, централизованное финансирование на развитие предприятий давно прекратилось, полноценные ремонт и обновление оборудования уже в течение ряда лет не ведутся. Кадры, которым по полгода не платят зарплату, из отрасли бегут... И сама она — на грани развала...

Отчаявшись добиться зарплаты, семь бывших работниц АО “Экибастузэнергострой” уволились и теперь судятся с администрацией, которая по закону обязана выплатить им не только семимесячный долг по зарплате, но ещё и выходное пособие. И если суд их поддержит, уже тысячи рабочих и служащих экибастузских предприятий и учреждений сделают то же самое. И в Экибастузе остановится всё, что ещё с грехом пополам работает.

6 июля

Не перестаёт удивлять павлодарский “Вторчермет”. Невзирая ни на какие кризисы, здесь продолжают развивать не только основное производство — сбор лома чёрных металлов, выпуск дефицитных электродов, но и создают подсобные цеха. Действуют агрофирма, с большого огорода которой продукция идёт в заводскую столовую, а также колбасный цех, магазин.

И совсем недавно директор предприятия Г.А. Мамедов позвал на открытие пекарни, где, кроме хлеба, выпекают булочки и прочую вкусную снедь. А ещё это десять новых рабочих мест.

7 июля

Фильм “Мальва” по ТВ. Есть такой рассказ у Горького, который мне почему-то запомнился, в том числе его первая фраза — “Море смеялось...”. В университете у нас был преподаватель Маловичко, который читал курс по русской литературе. И на одном из первых занятий, посвящённых творчеству Горького, он

привёл эту самую фразу, а я вполголоса добавил, что это рассказ “Мальва”. Маловичко меня с тех пор запомнил и относился ко мне с какой-то отеческой, я бы даже сказал — отцовской — теплотой. И только много позднее я узнал, что он как раз в то время лишился сына (это была какая-то тёмная история).

Горького для себя я открыл ещё в школе, когда прочитал его “Детство”. Позднее прочитал рассказы “Мальва”, “26 и одна”, жутковато-натуралистический “Человек родился...”. Потом — “Старуху Изергиль”, “Челкаш...”. Ранний Горький мне всегда нравился больше позднего. “Клима Самгина” я до конца так и не осилил.

С “Климом” связана одна история студенческих времён. Как-то вечером к нам в общагу завалился Васька Дмитровский и, быстро обставив меня в шахматы, взялся читать принесённого с собой “Клима Самгина”. Время было позднее, мы стали ему намекать, что пора уже и честь знать...

— Да погодите вы! — отмахивался от нас Васька, казалось, полностью поглощённый чтением, — должен же я узнать...

— Что узнать?

— Как что: “трахнет” в конце концов Клима эту свою Варавку или нет?

Вот что интересовало более всего будущего лауреата премии Союза журналистов СССР в ту пору, а далеко не философско-мировоззренческие концепции автора романа-эпопеи...

Может быть, советская идеология и преувеличивала роль основоположника социалистического реализма в мировой литературе, но, на мой взгляд, Горький — художник настоящий. И в главных книгах, и пьесах своих он, как художник, честен. А трагедия его в том, что, наверное, хотел не только большой славы, но также и жить комфортно. А как только талант, даже большой, начинают “заряжать” идеологически, и в его творчестве возникает заданность, всё самое ценное в писателе куда-то улетучивается. Нельзя никому продавать душу, и судьба Горького — тому подтверждение. Хотя мне глубоко противны пигмейские попытки сегодняшних “литературоведов” и “историков” превратить мощнейшую и глубоко трагическую фигуру Горького в мелкого сталинского прислужника.

Россияне сделали свой очередной исторический выбор. Ельцин набрал 54 процента голосов, Зюганов — 40. Разрыв составил примерно десять миллионов голосов. Пять процентов избирателей проголосовали против обоих.

Что ж, наверное, опять из двух зол выбрали меньшее. Хотя почему вообще надо выбирать из двух зол, а не из двух “добров”? (Интересно, что нет в данном случае в русском языке слова-противопоставления).

7 июля

Поразительная история произошла со мной сегодня. Явились ко мне представители некоей фирмы “Трансатлантик групп”, отправляющей казахстанцев туристами в США, с посещением Олимпийских игр в Атланте. Оформление документов они берут на себя, и стоит эта 12-дневная поездка по маршруту Нью-Йорк — Вашингтон — Атланта — Орlando — Майами 7200 долларов.

— За нами стоит правительство, — уверяли “эmissары” фирмы, — у вас будет возможность по сути пересечь всю Америку вдоль её Атлантического побережья. Десятки ваших земляков побывают в эти дни в Америке, а вы чем хуже?

— Уж больно дорогое удовольствие — полмиллиона тенге, — засомневался я, не зная, можно ли вообще им доверять.

— Платить можно и по частям — до конца года, — тут же парировали они, — как вы можете упустить такой шанс?!

— Ну, не знаю, не знаю, — сказал я только для того, чтобы избавиться от них, пообещал ещё подумать...

Они ушли, а я решил на всякий случай позвонить нашему куратору — руководителю аппарата акима области Р. М. Гафурову.

— Есть “бабки” — езжайте, — сказал Ринат Мифтахович.

— Своих нет, а редакционных, может, и наскребём, — намекнул я.

— Ладно, я поговорю с акимом, — ответил Гафуров.

Не прошло и получаса — звонок “по вертушке”. Аким области Д. К. Ахметов:

— У нас к вам просьба...

“Вот как хорошо, — сразу подумал я, — у вас ко мне, а у меня к вам просьба...”

— Поезжайте в Атланту — присмотритесь, как они там всё организывают, нам это всё пригодится при проведении международного волейбольного турнира...

Так совершенно неожиданно получил благословение — да ещё в столь оригинальной “упаковке”... Настолько неожиданно, что не очень верю в реальную возможность этой поездки.

8 июля

Переживал сегодня вечером дождь на даче (так хорошо было сидеть под виноградом, глядя, как в метре от тебя падают на землю косые струи) и настраивал себя: как бы ни сложилось в конце концов с предполагаемой поездкой — всё равно дело это не пустое. Получится — мир посмотрю, ну а нет — опять же польза, напишу новеллу в продолжение цикла “Как я... (выполнял программу “Рыба”, ходил в депутаты и т. д.)”. На этот раз пусть будет “Как я чуть не поехал в Америку”. А начать эту новеллу можно с того, как меня в очередной раз “пилит” Ольга за то, что вся наша жизнь крутится вокруг работы и Павлодара, что мы не путешествуем. И тут я ей выдаю... Дело-то уже закрутилось.

Собираю справки... По части чиновничьего бессмысленного буквоедства американские посольские чиновники нашим (непосольским) фору могут дать. Вот, например, список обязательных бумаг, которые я спешно должен собрать: справки о составе семьи, наличии домовладения, о зарплате за прошлый и нынешний годы, медицинскую справку с указанием группы крови, копии свидетельств о браке, о рождении младшего (почему только младшего — непонятно) сына, характеристику с места работы, фотографии разных форматов и прочая, прочая, прочая... При этом никто не даёт никаких гарантий, что мне дадут американскую въездную визу: в случае отказа посольство не опускается до объяснений с несостоявшимися туристами. Как мне потом объяснили, американцы едва ли не в каждом иностранце, отправляющемся за океан (особенно из республик бывшего СССР), видят потенциального невозвращенца. При этом, например, малая зарплата, отсутствие семьи и домовладения почти наверняка приведут к отказу в выдаче визы (ничто ведь не держит, по мнению аналитиков из посольства, таких соискателей на родине, а желание остаться в вожаденной Америке, пусть и нелегально, у него возникнет — не может не возникнуть — обязательно!).

Обсуждал возможность заокеанской поездки с членами редколлегии. В общем, поддержали, хотя и без особого энтузиазма, за исключением разве Н. М., пребывающего в последние дни в состоянии перманентного похмелья в связи с рождением первого внука. Хорошо сказала — один на один — Гришина: “Ты только не устраивай из всего этого всенародного вече... Недовольные всё равно будут, если даже на словах поддержат...”

Живу в последние дни сверхнасыщенной жизнью — много дел на работе, со справками никак не разберусь до конца. А вчера ещё и за ягодами ездил — нашей степной земляникой — в Железинку. Вчетвером — мы с Димкой (и Пашка помогал)

и сестра Наталья с Лоркой — нарвали 16 литров ягод. Не сказать, чтобы отборных (всё же влаги им на налив не хватило, да и рвали мы их до срока), однако и это — радость. Комары нас поели. Подумал: наверное, это одна из моих последних поездок за ягодами — во всяком случае, в качестве добытчика. Ползать на карачках в 43 года как-то несолидно.

Потом сестра с зятем устроили нам у себя дома отвальную. Михалыч буднично, как о чём-то само собой разумеющемся, — не спросил даже, а вроде уточнил:

— В Америку едешь?

— Собираюсь, — сдержанно отвечал я, — хотя ещё неизвестно, что из этого получится...

— Всё равно мы должны проводить тебя, — сказал Михалыч и, чуть помолчав, добавил: — А то вдруг потом не успеем.

И мы с ним уничтожили почти все его запасы спиртного.

9 июля

Наш собкор в Аксу (бывший Ермак) Юра Сакин предпринял удачную попытку нарисовать коллективный психологический портрет безработного. Пишет о подавленном моральном состоянии, не проходящем чувстве тревоги и о постоянной неприкаянности... "Завыть хочется!" — сказала ему о своих ощущениях женщина, полгода назад потерявшая работу.

Был на встрече первого заместителя акима области О. К. Кожанова с лидерами местных партий, движений, общественных организаций. Говорили о реформах на селе, а по сути о том, что оно катится в пропасть.

Более 80 процентов бывших совхозов стали коллективными сельхозпредприятиями, ассоциациями крестьянских хозяйств, товариществами, но экономического их положения это не улучшило, скорее — наоборот. Общее количество скота в бывших совхозах-колхозах уменьшилось по сравнению с 1991 годом на 41 процент, а овец и свиней — на 66-67 процентов. Долг селянам по зарплате составляет 572 миллиона тенге. Большинство тракторного и комбайнового парка изношено, а новые машины покупать не на что.

Зато земля теперь может находиться в частной собственности. В селе под приусадебный участок можно приобрести до гектара, в городе для постройки дома — до 25 соток. Крестьянские хозяйства могут иметь от 2,5 до 3 тысяч гектаров.

10 июля

Ольга вернулась из Новосибирска. Побывала с матерью, пообщалась с тёткой (мать сестры) — доктором наук, автором ценнейшего лекарства.

— Вот жизнь, достойная уважения, — заметила О. — Это жизнь, нужная людям. А мы всё разбрасываемся.

— Её лекарства исцеляют тела, а твои стихи врачуют душу, — высокопарно возразил я, но, кажется, опять не убедил.

В то же время О. с большим энтузиазмом восприняла весть о моей возможной американской одиссее.

Данька при этом ехидно спросил:

— А что если в американском посольстве узнают о твоём нелояльном отношении к Америке?

— С чего это ты взял, что я плохо к ней отношусь?

— Но ты же говорил, что Америка — сытая и самодовольная страна...

— Ну говорил — и что из этого?

— Как что? Там всё будут учитывать... Помнишь, ты ещё говорил, что задавал на пресс-конференции американскому послу каверзные вопросы?

— Например?

— Про то, что их дерьмовые фильмы заполонили телеэкран и портят нашу молодёжь...

Посмеялись вместе... Никто дома, и я в том числе, не верит в то, что моя поездка состоится...

Говорили с Б. В. Исаевым про новый тип деятеля, который олицетворяет собой генерал Лебедь.

Б. В.:

— Ему достаточно только появиться — и многие уже согласны на всё, а если ещё и рыкнет — то иные уже в штаны навалили!

Я:

— Как будто вы не таким были — в пору своего первого пришествия. Подчинённые тряслись при одном вашем появлении.

Б. В. — не без некоторого удовольствия:

— Наверное, и такое было, хотя наказывал я не так уж часто... А уже потом, в Комитете народного контроля, было — наказывал, потому что должность обязывала. Но если и накажу, то после сам испереживаюсь. Я человек тонкокорый, только немногие это знают...

11 июля

Позавчера по окраине Павлодара промчался смерч, в эпицентре которого порывы ветра достигали 50 метров в секунду. На пути его оказалось здание аэровокзала, в результате лишившееся трети крыши. А здания авиатехнической службы и коммерческого склада лишились крыш полностью. Сразу после смерча начались дожди, и теперь из здания аэровокзала вычерпывают воду, два дня в нём не было света...

12 июля

Невероятно, но факт: на фоне всеобщего падения в нашей области увеличился, по сравнению с первым полугодием прошлого года, объём промышленного производства — на 4,5 процента. В основном это заслуга фирм, взявших в управление Павлодарский алюминиевый и Ермаковский ферросплавный заводы. Но выросли также и объёмы нефтепереработки. Хотя в целом ситуация в экономике по-прежнему очень сложная.

Экибастузская ГРЭС-1 перешла в собственность американской компании "AES". Это решение правительства Казахстана. Компания обязуется за пять лет увеличить мощности ГРЭС более чем в три раза и довести их до проектных. (Сегодня не работают или работают не в полную мощность более половины из восьми энергоблоков станции проектной мощностью 500 мегаватт каждый). Американцы уже подсчитали, что для выполнения ими взятых на себя обязательств в развитие станции надо будет вложить полтора миллиарда долларов. Кроме того, "AES" должна будет ежегодно вкладывать десять миллионов долларов в решение социальных проблем региона. А ещё компания погасит накопившиеся долги энергетикам по зарплате.

Председатель республиканского госкомитета по приватизации, подписавший от имени правительства договор о купле-продаже, не сказал, сколько сразу заплатили за уникальную станцию американцы.

Председатель комитета по обороне Госдумы России Лев Рохлин выступил на пленарном заседании с обвинениями в адрес бывшего министра обороны

П. Грачёва. Факты он приводил просто ужасающие: коррупция, повальное воровство начальства, злоупотребления, развал оборонной промышленности... Понятно, что армия не может быть островом стабильности, когда во всём государстве бардак, но, судя по выступлению Рохлина — генерала, достойнейшим образом проявившего себя, в отличие от многих, в Чечне, именно в армии творится самый жуткий беспредел, в котором повязан с верхушкой российской власти армейский генералитет.

В Павлодаре побывал проездом некто Рам Чандлар Бисвас — индеец, вот уже 14 лет путешествующий по свету на велосипеде. Если ему верить, он проехал 385 тысяч километров — расстояние от Земли до Луны, посетив 131 страну и 1173 города. Он собирается колесить по миру ещё пять лет и объехать страны, в которых пока не был. А потом — засесть за книгу о своих путешествиях.

Информацию об этом я подписал, хотя не знаю, можно ли ей верить.

16 июля

Проектом по выпуску хлора и каустической соды на нашем химзаводе заинтересовались японцы. Но не только они, а ещё немцы, итальянцы — пять консорциумов из почти 20 фирм. В ноябре будет объявлен международный тендер, который и определит подрядчика создания нового производства. Мне не совсем понятно, чем этот самый проект так заинтересовал деловых людей в разных частях света.

Перепечатаваем из “Известий” большой материал “Искусство брать и возвращать долги”. Он о том, как родилась и осуществлялась идея областного займа “Социальная защита населения”, инициатором которой был наш аким Д.К. Ахметов. Я, кстати, тоже купил акции этого займа (стало быть, участвовал в инвестиционном проекте) и даже заработал на нём небольшие деньги. А областный заём помог профинансировать самые неотложные социальные нужды.

Жумабековский “Пульс” начал выпускать комплекты упаковок для бортового питания на транспорте — главным образом во время авиарейсов. Это оригинальные и очень удобные пластиковые подносы, посуда, ложки-вилки. В Казахстане пока никто ничего подобного не делал. Жалею, что я до сих пор не знаком с Кенесом Жумабековым: за что ни возьмётся — всё у него получается.

17 июля

Схоронили дядю Илью Григорьева (брата отца Ольги) — фронтовика, большого жизнелюба, прожившего тихую, незаметную жизнь. Ровно месяц назад были с Ольгой у них с тёткой Марьей в гостях — на его дне рождения. Он был оживлён, весел, выпил водки, рассказывал мне про свою жизнь. Там столько всего было, особенно смолоду...

Кажется, ему исполнилось 16 или 17 лет, когда отец, продав лошадь и вручив ему вырученные за неё деньги (на первое время), отправил из родной Михайловки “в люди”. Было это ещё перед войной. Поколесив по стране, он оказался в Ленинграде — уже без денег, без профессии, без единой родной души. Ночевал на улице и однажды пристроился к группе людей, направлявшихся на какую-то фабрику. Прошёл незамеченным и, встав рядом с кем-то, стал работать на упаковке каких-то изделий. А когда все уходили домой, тайком оставался в цехе ночевать, закопавшись в упаковочные стружки. Несколько дней ничего не ел, и однажды с ним случился голодный обморок. Тогда и раскрылось, что работает он нелегально. Пожалели, оставили, дали койку в общежитии...

Потом воевал, а после войны всю жизнь работал в сберкассах — сперва в Михайловской, а затем — заведующим — в Иртышской. Хоронить, как водится, оказалось практически некому. Гроб сделали за счёт сберкассы, баллон с газом (свой собственный), чтобы приготовить поминальный обед, дал председатель совета ветеранов (тоже фронтовик), поминальные блюда готовили соседи...

Могилу копала интернациональная бригада — плотный, жилистый молдаванин Миша, его помощник — полукарлик с невнятной речью, и, собственно, “шеф” — казах Серик, считающийся тут главным специалистом по части похорон. Заготовку для могилы выкопал экскаватор, потом они втроём при помощи двух соседских парней её несколько часов “правили”, не раз “поправляя” при этом здоровье сами... Могила в итоге получилась настолько необъятная, что мы с добровольными помощниками её потом еле закопали, тем более что “похоронная бригада” к тому времени была уже к этой работе не способна. Так что можно без преувеличения сказать: хоронили дядю Илью всем миром и даже поминали не в их квартире — малогабаритной “двушке”, а у кого-то из соседей.

Несколько дней перед смертью дядя Илья провёл в больнице, был в бреду и, судя по рассказам, всё время при этом оправдывался перед некими допрашивавшими его людьми... Так велик был страх, в котором прошла большая часть его жизни, что и последние часы жизни были отравлены им...

В эти же дни в Павлодаре хоронили другого фронтовика — бывшего крупного руководителя. Тут всё было обставлено по высшему разряду: траурное прощание в театре, почётный караул, траурный кортеж из десятков автомашин, поминки в ресторане... То есть, все возможные почести... Ничего этого не было на похоронах у дяди Ильи, но зато было не показное, искреннее участие соседей и других односельчан.

19 июля

Приезжали Голубевы — Володя и Марина с сыном Мишей — наши омские друзья-журналисты. Отвёз их в Баянаул — на недельный отдых. Искупался, выпили с Володиёй бутылку водки (тёплой — негде было остудить!) и вернулся домой.

Большое письмо от Тани Конобейцевой из Германии. Я ей писал о том, что Ольга мечтает поехать в Германию, где у нас теперь столько друзей и знакомых, и что я остужал её пыл, говоря о том, как меняются там люди. И теперь Татьяна пытается объяснить мне, почему люди “там” меняются. Вернее, пишет о том, как меняют людей обстоятельства. О том, что и там многие наши бывшие соотечественники едва сводят концы с концами. Что в бедной стране быть бедными куда проще, спокойнее, чем бедными в богатой. К сожалению, мы, “советские”, не понимаем этого и ждём чего-то особенного от оказавшихся “там” своих бывших знакомых, друзей, родственников. А они и там замордованы жизнью. И, расставшись с прежним отечеством, новое никак не обретут, оставаясь в нём чужими.

В конце письма Татьяна зовёт нас с Ольгой в гости.

Говорил на днях с руководителем одного из районов области — моим ровесником. Угнетён и подавлен положением дел в районе, безумной политикой правительства, обнищанием людей. Не видит никакого просвета и хочет уходить с должности, хотя не знает куда. Лицо у него одутловатое, серое, как у человека тяжело больного. От меня только что ушёл его коллега из другого района. Положение там нисколько не лучше. Но он отнюдь не выглядит ни подавленным, ни тем более убитым. И весь лоснится, как надутый мыльный пузырь. Есть такая категория людей, которые всегда отлично выглядят, что бы вокруг них ни творилось...

20 июля

Хорошую тему раскопала Ольга Воронько. В колхоз имени Кирова пришла видеокассета из Германии, запечатлевшая первую встречу бывших 520 жителей села Розовка, в последние годы уехавших на историческую родину.

Для этой встречи они сняли большое кафе, куда некоторым пришлось ехать за сотни километров. Организаторы — тамошние и нынешние “кировские” — позаботились о том, чтобы на столах, помимо прочего, оказались и доставленные с родины фирменные “кировские” колбасы, сыр, подсолнечное масло. (Как сказал председатель колхоза В. К. Руди, чтобы бывшие односельчане не забывали их вкус).

Вспоминали историю Розовки, основанную в 1908 году восемью семьями немецких переселенцев, войну, трудармию... Услышали рассказ о нынешних делах колхоза, всё ещё прочно стоящего на ногах, несмотря на кризис. Собравшихся поздравили с экрана их бывший председатель В. К. Руди. Пели и танцевали... Провели лотерею, и все собранные от продажи билетов деньги — 3080 марок — отправили “домой” с наказом — использовать на обустройство кладбища. Вместе с видеокассетой, запечатлевшей встречу бывших земляков, разбросанных теперь по всей Германии.

Какой трогательный факт! И как о многом он говорит!.

В этом же номере заметки Ю. Сакина, адресованные тем, кто раздумывает: уехать или остаться. Хорош заголовок “Не всем Россия улыбается”, да и сам материал.

С тех пор как Н. А. Назарбаев стал президентом Казахстана, у него появились тысячи тёзок — так решили их родители, бабушки и дедушки. Нурсултаном назвали первенца и в семье Кузнецовых, живущих в Хабаровском крае. О чём написали нашему президенту. А через три года он сам поинтересовался, как там проживает Нурсултан Кузнецов. А когда родители сообщили, что у сына проблемы с глазами, Н. А. Назарбаев ответил: его можно пролечить в Алматы, а расходы на дорогу и лечение он оплатит лично.

Нурсултанами называют своих детей киргизы, узбеки, дагестанцы. А всего в Казахстане теперь свыше пяти тысяч Нурсултанов, представляющих более десяти национальностей.

21 июля

Вчера подумал о том, какой прекрасный очерк-исследование можно было бы написать на тему “Дача по-советски”. У нас, в отличие от общепринятого в мире, понятие “дача” отнюдь не подразумевает места, где отдыхают от трудов праведных или просто живут по несколько месяцев в году, наслаждаясь свежим воздухом, тишиной и покоем. У нас это нечто совсем противоположное — место неустанных трудов (второй, третьей рабочей смены), дополнительных источников существования. То есть, это сугубо наше, советское изобретение.

У Чехова и Горького герои снимают дачу на лето и предаются там вольной, необременительной жизни, неспешным беседам о жизни, заводят романы. У нас, получив где-нибудь, едва ли не на свалке, участок бросовой, безжизненной земли в 5-6 соток (теперь можно и десять), “возводят” на ней хибару — нечто среднее между сараем и времянкой — и пластаются по выходным или после работы на этом участке не покладая рук. И превращают эту ещё вчера безжизненную почву в цветущий сад. На своих садово-огородных участках дачники поистине творят чудеса, выращивая всё возможное и невозможное: от картошки до винограда, от клубники и малины до арбузов и дынь, от паслёна до женьшеня, от шампиньонов до груздей и подберёзовиков. Воистину — нам нет преград ни в море, ни на суше.

Отчасти секрет многолетнего дачного бума (а самым первым павлодарским дачам уже за 30-35 лет) в том, что большинство сегодняшних горожан — вчерашние сельские жители, а потому тяга к земле у них — вековая. Но дело не только в этом. Наши власти (от самых “верхних” до местных), не будучи способными так наладить производство продуктов питания, чтобы оно гарантировало их достаток, “угадали” вековую тягу людей и милостиво разрешили гражданам эту “свободу творчества”, читай — способ самообеспечения.

Перестройка и смена идеологических приоритетов (от развитого социализма — к недоразвитому капитализму) не только не притушили “дачного бума”, но и придали ему дополнительный импульс. Народ и раньше не шибко обольщался по части госснабжения той же картошкой и овощами, а теперь и подавно. К тому же в условиях почти тотального безденежья у людей иного выхода нет, кроме как кормиться с дач, а некоторые ещё и приторговывают, кормя других горожан.

С другой стороны, стали появляться дачники особого рода. Прихватив участки побольше, прямо в городской черте, они возводят терема в трёх уровнях — со встроенными гаражами и подвалами, саунами и бассейнами, кухнями, жилыми и гостевыми комнатами. Если сравнить стоимость таких хором с реальным заработком их владельцев, то вполне очевидно, что возведены они отнюдь не на трудовые доходы (во всяком случае, большинство). Но сколько бы ни строжились в последнее время власти, ни одного из владельцев таких “дач” не вытащили за ушко да на солнышко. А значит, как говаривал ещё совсем недавно незабвенный М. С. Горбачёв, “процесс пошёл” — особняки будут только множиться.

Впрочем, хватит об этом... Скажу лучше о том, что по себе знаю: после работы, а тем более в выходные, меня неудержимо тянет на мои скромные четыре с половиной сотки. А когда у нас на даче все цветёт-благоухает — и на душе радостно. Уверен: подобные чувства испытывает большинство нашего дачного племени...

23 июля

В первом полугодии этого года 23 процента россиян (практически каждый четвёртый!) имели денежные доходы ниже прожиточного минимума. Это без малого 35 миллионов человек. Но, оказывается, в первом полугодии прошлого года их было 43,5 миллиона, или 29 процентов.

А индекс человеческого развития в России, по данным ООН, снизился за последние шесть лет вдвое: если в 1990 году Россия была по этому показателю на 33 месте в мире, то теперь — на 57.

Этот индекс учитывает ВВП на душу населения, продолжительность жизни, уровень образования. Лидируют по индексу человеческого развития Канада, США и Япония.

Не думаю, что у нас в Казахстане положение лучше, чем в России.

Павлодарский городской маслихат завален ходатайствами о присвоении званий почётных граждан города. Его сессия приняла решение, согласно которому теперь мало предоставить ходатайство с обоснованиями — надо ещё собрать пять тысяч подписей горожан в поддержку кандидата в “почётные”.

Ходили с Ольгой на концерт Валентины Толкуновой. Сколько в ней женского обаяния, скромного достоинства. И, конечно, великолепный, неповторимый голос!

Наш собкор Юра Сакин нашёл в Аксу немолодую уже женщину, бывшую детдомовку, которая взялась восстанавливать свою родословную. Уверяет, что она

правнучка графа. Она уже нашла родню в Канаде и Швейцарии, наладила с ней переписку. Её дочь побывала у канадской родни, передав троюродному дядюшке матери её дневники, которые та вела с десяти (!) лет. Нашли переводчика, который взялся их читать, но продолжалось это недолго: канадский родственник сказал, что такие жуткие вещи можно переваривать лишь по частям. Тем не менее он, владелец ткацкой фабрики, пообещал издать их и вернуть часть тиража племяннице.

Ещё один пример того, что самые интересные сюжеты “сочиняет” сама жизнь.

24 июля

Похоже, моя “американская мечта” накрылась медным тазом. Почти всю предыдущую неделю меня одолевали смутные сомнения: документы сданы, первая часть денег за поездку перечислена, а от “фирмы” ни слуху ни духу. Павлодарские её представители, которым я пару раз звонил, уверяли, что всё идёт своим чередом, что меня известят — “как только, так сразу...”.

Правда, я, будучи отчасти суеверным, на поездку себя не настраивал и особенно к ней не готовился, даже необходимых вещей в дорогу не покупал. Так родители не припасают загодя пелёнки-распашонки для ещё не родившегося ребёнка: считается почему-то, что это нехорошо — можно сглазить будущее чадо. Вот и я намеренно со всем этим тянул до официального сообщения.

Между тем слухи о моей поездке распространились по всему Павлодару, мне звонили, поздравляли... На днях пришла директор собственного театра моды Райса и, поводя роскошными оголёнными плечами, сказала — скорее, утвердительно, чем вопросительно:

— В Америку едете.

— Собираюсь, — сдержанно отвечивал я.

— Купите у меня чапан. Роскошный... Ни у кого нет такого...

— Райса, зачем мне в Атланте чапан? Там жара под сорок... Олимпийцы падают в обмороки...

— Подарите там кому-нибудь — это так эффектно!

Еле отбился.

Домашние стали составлять список сувениров, которые я должен привезти: Ольга заказала майку с олимпийской символикой, Пашка — американский доллар и бейсболку, Димка всё ещё раздумывает... Ольга стала собирать газетные вырезки про Атланту, где, оказывается, единственный в мире музей бабочек, а ещё музей героев фильма “Унесённые ветром”. Она же наказывала: “Записывай там всё подробно — потом нам расскажешь...”.

Ожидание становилось всё более тягостным и вот, наконец, звонок:

— Вы понимаете, эти американцы всё время меняют условия: то они работают с документами на выезд по субботам, то не работают...

Из последующего разговора выяснилось: документы многих потенциальных туристов (и мои в том числе) не успевают пройти через посольство США в Казахстане... Можно было бы отправиться на собеседование лично, да единственный на сегодня самолёт в Алматы уже улетел. Но можно ещё поехать прямо сейчас в Акмолу, а оттуда есть утренний рейс, и вот на нём ещё можно успеть на собеседование. Трое из девяти “неуспевающих” павлодарских бедолаг решили попытаться счастья таким образом. А я отказался — нет у меня почему-то такого куража.

Любопытна реакция на случившееся в конторе... Сердобольная Зоя Алексеевна Суворова сказала, поджав губы:

— Да уж: как бедному жениться — так и ночь коротка...

Гришина:

— Я такая же невезучая — за каким же дефицитом в очереди ни стояла — всегда или передо мной, или на мне он кончается.

— А ты на них в суд подай, — сказал ещё кто-то, — за нанесение морального ущерба...

А мудрее всех, как всегда, оказалась мать:

— Не переживай, сынок: семь лет мак не родил, и голоду не было... Ну её — эту Америку: то там самолёт упал, то опять что-то взорвали...

И только Ольга всё ещё не верит, что Америки мне не видать как собственных ушей.

25 июля

Вчера после всех треволнений поехал на дачу. Был там допоздна, а когда вернулся, мать сказала:

— Америка твоя звонила (это она туристическую фирму имела в виду) — ищут тебя, сказали, что и ночью будут работать и чтобы ты пришёл.

Позвонил, сказали, что завтра надо вылетать, потому что документы мои уже в посольстве...

26 июля

Пять лет "Каравану". Юбилейный номер полон поздравлениями газете. Пресс-службы президентов Казахстана и России (!), экс-президент СССР М.С. Горбачёв, Григорий Явлинский, Егор Яковлев... И прочая, прочая... Во всём этом есть перебор и некое самодовольство, но честь вообще-то — по заслугам: "Караван" действительно стал самым популярным и влиятельным изданием в республике. Для него как будто не существует запретных тем и неприкасаемых фигур (за исключением, разве, президента). Газета самодостаточна и интересна. Её владелец Борис Гиллер практически из ничего создал совершенно новый тип издания, с которым вынуждены считаться сильные мира сего. И если Гиллер даже слямзил свой "Караван" с каких-то американских образцов — сделал это профессионально.

Кстати, "Караван" опять заказал мне статью для страницы трёх авторов. Говорят, что мои "Четыре потерянных поколения" были отмечены на редакционной "летучке".

Проводил в Омск Голубевых, неделю отдыхавших в Баянауле. Благодаря им и сам пару раз искупался в Джасыбае, когда отвозил и когда забирал. Володя — собкор "Труда" — говорит, что его нынешняя зарплата — около полутора миллионов рублей, или чуть больше трёхсот долларов — едва позволяет им сводить концы с концами. Не шибко кормит также то ли рекламная, то ли коммерческая фирма, которую он организовал.

Просится на работу А. П. Звягин, которого я знаю ещё с комсомольских времён. Он довольно долго работал в обкоме партии, дослужился до поста зав-сельхозотделом. А теперь бывшие однопартийцы не дают ему житья даже на скромном посту ведущего специалиста одного из управлений.

Звягин — трудоголик, хорошо знает село, владеет словом. Хотел было взять его, но пришёл Геннадий Бабин — тоже хочет вернуться после блуждания по коридорам власти в "ЗП". Сказал ему про Звягина. Место же у нас лишь одно, и, конечно, я выберу Бабина.

27 июля

Павлодарский тракторный завод за первые пять месяцев года достиг лучших в СНГ результатов среди родственных предприятий, выпустив 1794 трактора. Но радоваться особенно нечему: завод по-прежнему неплатежеспособен, потому что его тракторы никто не покупает. И не потому, что они не нужны — нужны, и очень, но у основных потребителей сельхозтехники — бывших совхозов и колхозов — нет средств: ни у нас в Казахстане, ни в России.

Вторая беда: несмотря на явное улучшение дел на предприятии, управляющий им реабилитационный банк республики прекратил финансировать производство — у него самого не хватает денег. Похоже, что завод, с таким трудом поднявшийся с колен, никому теперь не нужен.

Компартия и соцпартия Казахстана, общество “Лад” и ряд других организаций объявили о создании народно-патриотического движения “Республика”, способного, по уверениям их лидеров, составить реальную оппозицию политике нынешних властей страны.

Любимый автор нашей Зои Суворовой — учитель В. Назарцов из Щербактово — с тревогой пишет в “ЗП” о том, что профтехучилища по-прежнему штампуют механизаторов широкого профиля, водителей, швей, которые совершенно не востребованы на селе. И не заметно пока, чтобы хоть кто-нибудь из властей имущих озаботился этой проблемой...

1-20 августа 1996 года

Кто-то, наверное, замолвил за меня словечко на небесах — всё же лечу в Америку. Вернее, пока из Алматы в Москву, где ещё предстоит пересадка. И пишу эти строки в аэробусе “Ил-86”, на котором до сих пор не летал. Первым, кто сообщил мне о том, что поездка моя состоится, был Лёня Резников — редактор семипалатинской областной газеты “Иртыш” — позвонил уже в Алматы по телефону.

Надо было срочно доэкипировываться, и мы с Алевтиной Александровной (наша сватья, мать Лены — жены брата Петьки) отправились на Никольский рынок. Перемерили с десяток шорт, пока нашли подходящий размер. Смотрелся я в них как клоун, но это меня не слишком расстраивало: ну и что, там ведь меня всё равно никто не знает. Ещё купили необъятных размеров сумку — китайскую — с полозьями и на колёсиках, чтобы её можно было не только нести, но и катить. Это — для будущих сувениров. Брат Петька подарил белую бейсболку и проводил меня ночью к месту сбора нашей группы.

И вот я лечу, хотя ещё и сам не очень в это верю...

В международном аэропорту Шереметьево тесно от скопления самолётов, автомобилей, людей. Кажется, здесь всё — даже само здание аэровокзала и воздух в нём и над ним — вибрируют от напряжения. Людские реки и ручейки беспрерывно текут отовсюду, во всех направлениях, перемешиваются, разделяются и снова перемешиваются. Возникает ощущение собственной малозначительности, заброшенности, ненужности. Неуютно...

Ещё одно расстройство — полозья с китайской сумки, купленной в Алматы, отвалились в Шереметьеве вместе с колёсиками — на сутки не хватило. Пришлось их бросить.

В Алматы на собеседовании представители туристической фирмы наставляли нас:

— И ради Бога, ведите себя прилично... А то наши уже отличились: устроили драку в ресторане, в бассейн наблевали...

Об этом поневоле вспомнил, когда летели ещё до Москвы. В аэробусе нас было человек под триста. Едва взлетели, мужики ломанулись в хвост — курить. Дым — хоть топор вешай. Это после всех разъяснений-предупреждений о том, что именно

там курить нельзя, что есть специальные места для курения, надо лишь было сказать при регистрации, чтобы посадили в “отсек” для курящих. Старший бортпроводник, молодой парень, устав от бесплодных увещаний, чуть не взмолился:

— Да поймите же, наконец, здесь хранятся ёмкости с кислородом — самолёт взорвётся!

Вроде действовало. Но не на всех. Хотя на “американском” отрезке полёта парни вели себя поприличнее — во всяком случае, подобных эксцессов не возникало.

Я всё пытался увидеть в иллюминатор океан, но так и не рассмотрел: то ночь была, то за облаками летели. И каков он, океан, с высоты в девять километров — не знаю...

Нас два раза плотно покормили. При этом туристы-земляки выпивали и закусывали ещё и предусмотрительно захваченной с собой снедью. Наш самолёт чем-то напоминал караван-сарай. У кресел преферансистов шум стоял — как на стадионе. Некоторые пассажиры при всём при том умудрялись спать.

Я написал в самолёте письмо Тане Конобейцевой.

Незадолго до посадки в Нью-Йорке объявили: скоро будем в международном аэропорту имени Кеннеди. И предупредили: запрещается ввоз на территорию США продуктов питания, семян. А спиртного можно иметь с собой до одного литра.

У меня было две поллитровых бутылки казахстанского коньяка и плошка фирменной крепкой настойки нашего винно-водочного завода — 380 граммов. О, эти мучительные сомнения — что теперь с ней делать?! Выпить — поздно, да и многовато на одного будет. Оставить в самолёте — жалко. Взять с собой, в надежде, что не заметят при досмотре, а, если заметят, то простят: всего-то 380 граммов!

Воображение рисовало картины одну ужаснее другой: таможенники нашли эту злополучную “лишнюю” плошку, меня задерживают, составляют акт, штрафуют... А если ещё и обратно отправят — за нарушение правил въезда в США? Времени на раздумья уже не оставалось... Будь что будет!

... Необъятных размеров негритянка-таможенница лишь взглянула на мою скукоженную, практически пустую сумку и, как мне показалось, с некоторой иронией кивнула: иди, мол, иди, деревенщина. Так я незаконно ввёз на территорию США 380 граммов крепкого спиртного напитка павлодарского производства. Надо будет рассказать потом директору завода А. Н. Островому — он за это мне ещё пять таких плошек презентует!

Мы живём на Манхэттене, в самом престижном и дорогом районе Нью-Йорка. За окнами нашего отеля празднично шумит Центральный парк — одно из любимых мест отдыха нью-йоркцев. И мы, едва успев бросить свои вещи и умыться, устремляемся навстречу этой чужой жизни и сразу растворяемся в толпах праздных американцев.

Вторая половина воскресного дня. Играет джаз-оркестр — уличные музыканты зарабатывают себе на жизнь. А неподалёку от них пожилой негр — сам себе оркестр — наяривает какую-то сумасшедшую мелодию, самозабвенно стуча деревяшками по старым сковородкам, тазам, кастрюлям. Не знаю, как другие, а сам он, кажется, получал от своей игры немалое удовольствие. Ему щедро подавали...

Художники — совсем как на московском Арбате — продавали свои картины, и так же, как на Арбате, их мало кто покупал.

На улице пахло конским потом. Экзотические экипажи в старинном стиле с кучерами в нарядных ливреях выстраивались в очередь за желающими прокатиться... Выворачивали откуда-то диковинные двухъярусные автобусы, все пассажиры которых умещались на верхней “палубе” — наверное, оттуда было лучше видно...

Американцы бродили, катили на роликовых коньках и велосипедах, обнимались, жевали, сидели на скамейках и лежали на газонах. Казалось, никому ни до кого нет дела... И в то же время во всём этом была своя гармония — умиротворяющая праздная гармония...

Ночной Нью-Йорк мне запомнился меньше. Два раза встретила нищая, неопределённого возраста негритянка с измождённым лицом и полупотухшим взглядом. Она была одета в какую-то чёрную полиэтиленовую накидку. Кажется, это была её единственная одежда.

Где-то уже к полуночи забрёл в магазинчик. Сувениры, подарки, галантерея... Вдруг решил: нужно что-нибудь непременно купить на память. Выбрал зонтик за 16 с чем-то долларов. Прикинул: ну и что ж, что за тысячу с лишним тенге — зато потом скажу: в ночном Нью-Йорке купил, на Манхэттене...

Продавец-негр глядел на меня с некоторым недоверием, и я сделал энергичный жест: не сомневайся, мол, беру. А когда рассчитался, он вдруг пришёл в неописуемый восторг: стал приплясывать, похлопывая себя руками по груди, животу, бёдрам.

“Чего это он так радуется? — недоумевал я, — странный народ, эти американцы...”

Причина его веселья стала очевидной уже утром следующего дня: красная цена купленному мной зонтику была от силы пять долларов. Наверное, вчера ночью негр принял меня за сумасшедшего. В самом деле: разве станет нормальный человек в отличную погоду, в полночь, покупать зонтик в самом дорогом районе города, если завтра утром точно такой же рядом можно приобрести втрое дешевле?

Впрочем, подобным способом в ту ночь Америку открывал не я один. Ужин нам был заказан в ресторане с интригующим названием “Харлей Дэвидсон”. Это позднее мы поймём, что у нас с американцами, в общем, достаточно разные представления о том, каким должно быть заведение подобного рода. А тогда... Нас провели в нижнюю часть двухуровневого помещения, где стояли столы человека на 8-10 каждый и был полумрак. Надо сказать, мы успели порядком проголодаться и рассчитывали, как минимум, на плотный ужин, а иные и на дармовую (то есть в счёт оплаченных путёвок) выпивку. Но пока что на столах стояла лишь “Кока-кола” со льдом да ещё картофельные чипсы в одном большом блюде — сразу на всех. Общаться меж собой нам было затруднительно — в верхней части зала всё гремело и ходило ходуном — там происходило что-то до боли напоминающее молодёжную дискотеку.

Не дождавшись радующих глаз и волнующих душу батарей бутылок с водкой и коньяком, часть нашей казахстанской братвы заметно приуныла. И кое-кто решил взять инициативу в свои руки. За нашим столом это был начальник одной из чимкентских областных контор. Он решительно поманил к себе девушку-негритянку, буквально летающую от стола к столу. Та мигом примчалась — голова в кудряшках, улыбчивое лицо, глаза сияют.

— Мисс... Миссис... — на этом более чем скромные запасы английского у чимкентца закончились, и он уже без церемоний продолжил:

— Водка у вас тут есть? Водка...

— Йес, водка, — повторила она, улыбка не сходила с её лица, — ван, ту, водка?

— Ты глянь, понимает, — заулыбался он в ответ и повернулся к нам, — кто ещё будет?

Пожелал ещё один. Она принесла им по сто граммов, и поскольку про оплату речь не заходила, они повторили ещё и ещё.

Нам подавали какое-то первое, уже не помню его вкус, и второе, напоминающее рулет из ливера. “Харлей-дэвидсоновская” кухня, честно говоря, пришлась

мне не особенно по вкусу, и я отправился бродить по ночному Нью-Йорку. А горячим казахстанским парням пришлось выложить за выпивку (только за неё, ужин был оплачен) почти по полста долларов. Итого, если перевести на тенге — примерно по три тысячи на брата. Не хило, как говорит один мой знакомый, в среднем по тысяче тенге за каждые сто граммов.

Кажется, водку они в Америке больше не заказывали ни разу.

Ещё мне досталось немного утреннего Нью-Йорка. Было что-то около шести утра. Не спалось — видно, сказывалась почти двенадцатичасовая разница во времени. Город ещё не успел очиститься от выходного и был изрядно замусорен (сорят, оказывается, и тут, хотя чуть ли не на каждом шагу расставлены специальные контейнеры для мусора). Ещё почивали на тротуарах нью-йоркские бомжи — кто с удобствами (походным матрасиком, неким подобием подушки), а кто совсем налегке — с газеткой под боком или совсем так, где-то между тротуаром и проезжей частью улицы.

Но уже спешили на службу энергичные американцы, были открыты некоторые уличные киоски, из которых тянуло запахом свежих булочек и ароматного кофе. Дворники поливали и скребли асфальт у парадных подъездов офисов. Город отряхивался от сна, потягивался, прихорашивался, начиная новую трудовую неделю.

Экскурсия по Нью-Йорку. Экскурсовод старается вовсю:

— Нью-Йорк — самый американский город Америки... (Это не оговорка).

— Здесь самые высокие в мире небоскрёбы.

— Бродвей — самая длинная улица в мире.

— Бруклинский мост... Статуя Свободы... Небоскрёбы-«близнецы»...

Ну совсем как у нас в Экибастузе:

— Угольный разрез «Богатырь» — самый большой разрез в мире! Здесь работают самые высокопроизводительные в мире роторные экскаваторы!

— Дымовая труба ГРЭС-2 — самая высокая труба в мире!

— Из Экибастуза ушёл самый длинный и тяжёлый в мире угольный состав весом в 40 с лишним тысяч тонн и длиной шесть с половиной километров...

Иногда только со временем понимаешь, что зачастую «самое-самое» отнюдь не то, чем надо гордиться.

Наверное, в какой-то мере это относится и к Нью-Йорку. Во всяком случае, на экскурсию в негритянский Гарлем нас не повезли. Видно, не хотели нам портить впечатление после Манхэттена.

Здания на Брайтон-Бич стоят, тесно прижавшись друг к другу, — не всегда разберёшь, где кончается одно и начинается другое. Выражение «каждый квадратный метр — на вес золота» не кажется здесь слишком сильным. На Брайтон-Бич, или «на Брайтоне», как выражаются здешние жители, обосновались многие выходцы из бывшего Советского Союза. Тут много вывесок на русском языке: магазин «Чёрное море», ресторан «Украина». Здесь продают американские газеты на русском языке. У продавщиц некоторых здешних магазинов такие до боли знакомые — скучающие надменно-холодные лица, что начинаешь сомневаться — где ты находишься, и надо ли было почти сутки лететь, чтобы такое увидеть... В магазине телерадиоаппаратуры Глеб Жеглов втолковывает с экрана чистоплюю Шарапову: «Вор должен сидеть в тюрьме, понял?!». Идёт очередная серия любимого советским народом сериала «Место встречи изменить нельзя». «На Брайтоне» торгуют с уличных лотков книгами. Нашими книгами — сказки Пушкина, «Мастер и Маргарита» Булгакова, трёхтомник Довлатова. Берут, как и у нас дома, не очень.

Пожилой мужик на обочине дороги. Просит милостыню, на русском. Стоило ли ради этого ехать за тридевять земель, тем более что подают, кажется, негусто...

Бывших наших тут вообще ни с кем не спутаешь. Вот уже немолодая чета явно бесцельно бредёт по тротуару. Только подумал: "Вроде наши", — как они меня уже вычислили:

— Постой, не спеши, поговори с земляками!

Я притормозил.

— Откуда вы?

— Из Кызыл-Орды, — сказал мужчина.

— Наверное, недавно? — спросил я. — Вон ещё загар не сошёл...

— Уже два года.

— Ну и как вам тут живётся?

— Ничего, жить можно...

— Посobie получаем, — добавила женщина.

Говорить, в сущности, было не о чем. Но я чувствовал: им не хочется, чтобы я уходил. Так мы и стояли какое-то время, вяло перебрасываясь фразами. Даже по тому, как заученно они хвалили своё здешнее житьё-бытьё, мне было ясно, что живётся им не слишком здорово, а главное — одиноко... Узнал потом: я был не единственный из группы, кого они "поймали" в тот день "на Брайтоне". Просто людям хотелось отвести душу — повидаться с земляками, пусть и незнакомыми.

Обедали мы в тот день тоже "на Брайтоне", в русском ресторане "Украина". Хотя, впрочем, русским его называют по инерции (для американцев все выходцы из бывшего Советского Союза — русские), на самом деле рестораном владеет бывший боксёр из Киева. Обед был обильный, хлебосольный — с привычными для нас холодными закусками (даже селедочкой с луком попотчевали), чёрным хлебом (по нему мы успели соскучиться), борщом, картошкой с мясом и жареными цыплятами.

Правда, традиционная американская "Кока-кола" со льдом была тоже. Кое-кто и к рюмке приложился, но уже без всяких иллюзий насчет "халявы".

Все как-то отмякли, подобрали — вроде дома побывали... И хозяин был, похоже, растроган не меньше нашего: во-первых, так сказать, оптовый посетитель (нас было человек двести), во-вторых, сколько теперь будет разговоров "на Брайтоне" о том, как он угощал земляков. А это хорошая реклама ресторану, который по нашим меркам и рестораном назвать трудно. В самом деле: не очень просторное, более чем скромное помещение, минимум всякого дизайна, зато максимальное использование пространства. Если есть нужда, как это было в случае с нами, используется и недлинный коридор, и небольшой вестибюль — всё заставлено столиками. При желании некоторым из посетителей достаточно, встав прямо из-за стола, сделать несколько шагов — и ты уже на улице. В самом прямом смысле слова: ещё два-три шага — и вот она, проезжая часть.

Хотя справедливости ради надо сказать, что предприимчивостью по этой части отличаются не только наши бывшие соотечественники. В Вашингтоне мы были на экскурсии в здании бывшей железнодорожной станции, превращённой в музей. Так вот там нам был заказан обед в ресторане "Америка". А представлял он собой квадрат общего зала музея, отгороженный канатами. За ними и стояли вприпрыжку переносные пластиковые столики с такими же стульями. А на обед были сэндвичи (по-нашему — бутерброды с мясом и сыром), правда, солидных размеров. Мы их жевали, запивая всё той же ледяной "Кока-колой", а вокруг клубился народ...

Мы совсем мало побыли в Нью-Йорке — чуть больше суток. Что можно увидеть за это время? Оказывается, не так уж мало: здание ООН, знакомое по телевизионным экранам; "башни-близнецы" международного торгового центра — строгие и изящные, ночной Бродвей, залитый неоновыми огнями, который, как

оказалось, проходил в нескольких кварталах от нашего отеля, магазины и магазинчики рядом с ним с надписями “говорим по-русски”. Мы успели посмотреть кладбище “по-американски”: ровные ряды скромных одинаковых надгробий на зелёном фоне, знаменитый Бруклинский мост (жаль — только издали), краешек океана и статую Свободы (её опять-таки издали). И много-много ещё... В том числе огромный, тяжёлый, с виду неуклюжий (отсюда и одно из его неофициальных названий — “утиуг”), небоскрёб Эмпайрстейн-билдинг, со смотровой площадки которого мы любовались “городом городов”. И, может, самая яркое впечатление, во всяком случае, на меня, произвели с высоты птичьего полёта городские такси — этикие жёлтые жучки, снующие по улицам и хорошо различимые в потоке других машин.

Во время этой недолгой экскурсии я чуть было не потерялся. Сам не знаю как отбился от нашей группы и, спустившись в огромный вестибюль на лифте, оказался в гордом одиночестве. То есть народу тут, конечно, было немало, но “наших” — никого. Помимо прочего, я вышел не с той стороны небоскрёба, с которой мы заходили, и испытал чувство, близкое к паническому, не обнаружив нашего автобуса. Задрал голову вверх, где терялась в небесах вершина здания, будто оттуда кто-то мог мне подать знак, и решил обойти его по периметру — где-то же должны отыскаться “наши” или хотя бы автобус? Но, оказалось, что подножие небоскрёба занимает едва ли не целый квартал и, чтобы его обойти, потребуется минут 30-40, тогда как мы должны уехать отсюда уже через 15 минут. И тут меня окликнули... Моим спасителем стал Лёня Резников, который сразу похвалился удачной покупкой — зонтиком (точная копия моего!), купленным всего за три доллара. Но я был так рад тому, что “нашёл”, что последнее обстоятельство (пять зонтиков я мог купить на свои 16 долларов, отданных прошлой ночью) меня нисколько не расстроило. Автобус нас ждал за углом, в трёх минутах ходьбы.

В Вашингтоне мы были недолго, чуть больше суток. Строгость и некоторая чопорность столицы здесь (как, впрочем, и везде в Америке) соседствует с простотой нравов: буквально в нескольких сотнях метров от здания Капитолия привольно разлёгся на газоне пожилой негр — прямо скажем, не в смокинге, с многодневной щетиной на щеках и, похоже, давно не мывшийся. Чувствовал он себя вполне комфортно и, кажется, совсем не оскорблял своим видом патристических чувств проходивших мимо соотечественников.

В самом здании Капитолия (конгресса США) нос к носу столкнулся с туристом Лёшей из Шымкента. Он был возбуждён.

— Слушай, я тут только что в туалет сходил!

— Поздравляю, — сдержанно сказал я.

— Да нет, ты, наверное, не понял — здесь, в Капитолии!

— И что, там что-нибудь особое?

— Да нет, ну не поверят же, когда дома рассказывать буду, — не унимался он, — а может, там сфотографироваться надо было?

— Конечно, — сказал я, — и это ещё не поздно...

... По прохладным коридорам конгресса текла в разные стороны разномастная, разношёрстная публика — в джинсах, шортах, кроссовках, легкомысленных маечках... Как-то не очень привычно было видеть среди этой пёстрой праздной толпы элегантных солидных мужчин в строгих пиджаках и галстуках. Наверное, среди них могли быть и конгрессмены. И никто из них почему-то не раздражался, не жаловался на то, что празднующиеся туристы со всего мира болтаются у них под ногами, мешают работать. А может, они уже привыкли к такому соседству и в тиши им будет попросту скучновато заниматься законотворчеством?

Вечером нам устроили прогулку на теплоходе по Потوماку — реке, на которой расположилась столица США. Здесь и ужинали. В нижнем зале было тесно, шумно. За соседним столом земляки-южане праздновали очередной день рождения. Они непременно хотели водку в бутылках, а официантка пыталась объяснить им, что это невозможно.

— Что за порядки — бутылку на стол нельзя поставить! — возмущался “именинник”. — А порциями, говоришь, хоть сколько? Так, нас пятеро... Неси пятнадцать порций... Ну давай-давай, родная, трубы горят...

Скоро в зале стало весело, начались танцы. А я поднялся на верхнюю палубу, где было почти пусто. В тёмном небе кружили самолёты — рядом на берегу был международный аэропорт. Другой берег зеленел зарослями, травами — было похоже на нашу пойму. А где же тогда комары? Один всё же залетел, но какой-то вялый, неубедительный... Куда ему до нашего “фирменного” с Иртышской поймы!

— Всё, больше не расслабляться, — сказал я сам себе где-то в середине нашего путешествия, — пора браться за покупки.

Теоретически это было сделать нетрудно: и в Вашингтоне, и в Атланте, и в Орланде нас специально вывозили в магазины. Это называлось шопинг. Обычно мы приезжали в какой-нибудь супермаркет, как правило, огромный — с десятками, если не сотнями отделов — и разбредались по нему, как по небольшому городу.

Памятуя о первом печальном опыте приобретения зонтика, я дал себе зарок больше не попадать впросак. Но на практике это получалось плохо. Первое время я вообще старался не ходить по супермаркетам в одиночку, боясь заблудиться. А когда чуть освоился и всё же выбрал, как мне было велено, кроссовки “Адидас” для сына и “Рибок” для жены, то оказалось, что они не американского, а китайского производства. Китайскими же оказались тапочки-сланцы, которые я присмотрел для другого сына... Женские модельные туфли... Фирменные полиэтиленовые пакеты... Кепки-бейсболки... Фотоаппарат известной японской фирмы “Олимпик”, который я купил меньше чем за сто долларов, чтобы запечатлеть для истории своё путешествие, тоже был китайского производства... И стоявшие в супермаркете телевизоры-видеомагнитофоны-видеокамеры фирм “Панасоник” и “Сони”... И всё это в Вашингтоне — можно сказать, в самом сердце Америки.

Сначала все мы были в шоке: над нами издеваются, что ли — у нас у самих китайского одноразового барахла пруд пруди. Но, как объяснили знающие люди, оснований для паники нет: да, всё это китайского производства, но отменного качества. Можно, конечно, поискать и найти американские кроссовки и японскую телевизионную аппаратуру, но нет смысла: стоит это будет много дороже, а качество примерно одинаковое.

Вот так трудолюбивые китайцы без рекламы и шума завоёвывают Америку. И не только по линии так называемого ширпотреба. Почти никогда не пустуют здесь китайские рестораны, которые есть повсюду, и где можно поесть по самым умеренным ценам. Мы как-то заехали в один такой ресторанчик в окрестностях Атланты. Нас было человек десять, никто нас специально не ждал. В небольшом, на несколько десятков человек зале, управлялась одна-единственная китаянка. Мы довольно плотно подзаправились, заплатив каждый всего около семи долларов.

... Так что, хотел я этого или нет, а большинство привезённых мною домой вещей (и сувениров, кстати, тоже) оказалось китайского производства.

История человечества знает немало примеров того, что величайшие достижения рождались не благодаря чему-то, а вопреки. Вопреки всему — любым обстоятельствам. Сам по себе каждый такой случай — вроде бы исключение, а выстраиваешь их в ряд — получается своего рода правило.

Так и Атланта. Глубокая провинция, практически нет полезных ископаемых. Жара летом ужасающая — до 50 градусов по Цельсию. Казалось, людям здесь вообще заказано жить. Наиболее знаменитая страница здешней истории — некогда процветавшая работорговля...

И вот — город с четырёхсоттысячным населением — один из самых успешных развивающихся в благополучной Америке. Откуда, как, почему? Если о городе говорить как о человеке, можно сказать так: он вытащил себя к этой жизни буквально за волосы. Основатели его — как всегда не только романтики, но и авантюристы, прочий люд с крепкими мускулами и челюстями — буквально боролись за существование. Первые капиталы наживали потом и кровью — как своей, так и чужой, не щадя ни себя, ни других... А потом умные и предприимчивые люди из местной элиты стали заманивать других умных и предприимчивых людей, обещая тем всё, что угодно — от личной поддержки и самых выгодных налогов до самой дешёвой рабочей силы... Теперь это называется режимом наибольшего благоприятствования пришлому капиталу.

И вот Атланта имеет то, что имеет: представительства крупнейших, известнейших в мире фирм — от “Кока-колы” до аэрокосмического “Локхид”, авиакомпании “Дельта”, автомобильной компании “Шевроле” и множество прочих. Сегодняшняя Атланта — столица самых современных технологий.

Но Олимпиада-то ей зачем, спросит иной наш соотечественник-обыватель: это ж такие хлопоты, расходы? И в корне будет неправ. Хлопоты — да, чего-чего, а их хватает. А вот что касается расходов... Дотошные американцы прикинули и оказалось: “олимпийский взнос” в местную экономику (за вычетом всех затрат, разумеется) может вылиться в десять миллиардов долларов. Может быть, конечно, они и подзагнули. Но то, что внакладе не останутся, — это точно. Львиную долю прибыли принесут болельщики со всего мира, “население” Атланты в дни Олимпиады увеличится примерно вчетверо. На туристах сделает свой бизнес индустрия питания, развлечений, сувениров. Олимпийский город будет привлекать туристов и после того, как Игры закончатся. Так Атланта сделает ещё один прорыв — уже в 21 век, подтвердив репутацию “дерзкого” города, знающего себе цену и ни при каких обстоятельствах не упускающего своей выгоды. И нашим городам, если они хотят “выйти в люди”, всему этому надо учиться, учиться и учиться...

После Олимпиады американцев критиковали в московской прессе за то, что олимпийские объекты были слишком разбросаны вокруг Атланты, до них бывало трудно добраться; на дорогах возникали пробки, места стоянок транспорта были далеко от мест самих состязаний... Я американцам не адвокат — наверное, были у них накладки. Но мне кажется, всем нам, бывшим советским, не грех поучиться у них умению удовлетворять потребности людей на массовых мероприятиях подобного рода. На финальном футбольном матче Олимпиады, проходившем не в Атланте, а в одном из соседних с ней городов, 80-тысячный стадион был заполнен почти до отказа. Но не было никакой давки и толчеи. Не составляло никакой сложности найти своё место. Не было проблем ни с туалетами, ни с прохладительными напитками. Последние в перерыве можно было свободно купить в многочисленных киосках, устроенных в верхней части чаши стадиона, а в ходе самой игры чистую холодную воду (просто воду, она здесь чрезвычайно популярна), “Кока-колу”, лимонад, пиво, а также мороженое разносили прямо по рядам. Поглощалось всё это в гигантских, просто немыслимых количествах, но почему-то никогда и нигде (на других соревнованиях тоже) не кончалось.

Правда, цены кусаются. Когда наш турист заказал было на всё том же футбольном матче поллитровую пластиковую бутылку обыкновенной воды (жара

была за тридцать) и услышал цену — четыре с половиной доллара, то гордо отказался: “Ну нет, пусть я лучше умру от жажды!”.

Мы жили не в самой Атланте, а километрах в ста от города, в отеле курортного типа. Нам, можно сказать, повезло: столица Олимпиады была в эти дни перенаселена, напоминала собой гигантский разворошенный муравейник, а тут, в лесу — тишь, благодать, нарушаемая разве что нашими приездами-отъездами.

Всё во имя человека, всё для блага человека! Люди постарше помнят этот лозунг, коим якобы руководствовались некогда наши родные партия и правительство в своих неустанных заботах обо всём остальном народонаселении. В Америке, насколько мне известно, ничего подобного не провозглашалось, но именно здесь, как это ни странно, воплощён с наибольшей полнотой наш звучный коммунистический лозунг.

Собственно, просто отелем то место, где мы обитали, назвать нельзя. Когда-то тут был девственный лес, его частично вырубili, оставшиеся массивы основательно почистили, превратив их в полулес-полупарк. Устроили несколько озёр, разбили газоны. Гости селятся в трёхэтажных корпусах или на уединённых виллах в лесу.

При этом везде — максимум удобств, включая бассейны с джакузи и кондиционированный воздух. Последнее — отнюдь не мелочь, если иметь в виду жару в 40 градусов.

Едва поселившись, мы с Лёней Резниковым взялись считать белые махровые полотенца. Вышло по семь штук на брата, размером от половины простыни до большого носового платка.

— Это, наверное, банное, после душа, — рассуждал сосед, — это для рук, это для ног, это — для лица... А остальные зачем?

Так мы с ним до конца и не разобрались. Потом он заглянул в туалет и присвистнул:

— Да тут жить можно!

При отеле был бассейн, работавший круглые сутки. Был тренажёрный зал, где каждое утро разминалась пожилая американская чета — оба сухие, подтянутые. Пока мы усердно набивали животы, он упорно крутил педали велотренажёра, не отрываясь при этом от газеты, а она занималась гимнастикой, попутно смотря по телевизору утреннюю программу новостей. Нас, казахстанских туристов, было в отеле человек 300, в тренажёрный зал не зашёл ни один.

Иногда мы наблюдали, как уважаемые отдыхающие играют в гольф (рядом с отелем, прямо в лесу, было разбито несколько специальных лужаек). К мячу после удара играющие не шли и не бежали, а ехали на специальной машинке — вроде мини-трактора.

— Ну ты посмотри что вытворяют — двадцать метров пройти не могут, — выражал свои чувства Лёша из Шымкента, и было непонятно, восхищается он или возмущается.

Есть анекдот о том, как отдыхает миллионер. Сначала на место предполагаемого отдыха выезжает его личный представитель. Осматривает уединённый уголок песчаного океанского пляжа и попутно даёт поручения: “То, что никого нет, это хорошо — шеф любит отдыхать один... А вот песочек на пляже вам придётся заменить — мой любит, чтобы песочек был покрупнее и жёлтый-жёлтый... Да, и позаботьтесь о том, чтобы волна была покруче — шеф недолюбливает штиль... И облака никуда не годятся — мой любит, чтобы не густые и не тёмные, а пышные, белые, как сугробы...”. Его заверяют, что всё будет сделано. И вот приезжает сам миллионер, выходит на пустынный берег океана. Ни одного человека — красота, песок на берегу крупный, жёлтый, на воде крутая волна, и

даже облака — как по заказу — пышные, белые как сугробы. Чуть не заплакал от умиления миллионер и подумал: “Вот оно всё, о чём мечтал, вот оно — счастье... И не надо мне никаких денег...”

Я вспомнил этот анекдот, когда нас как-то вывезли на пару свободных часов на одно из озёр, также принадлежащих отелю. Было часов девять утра, отдыхающих немного, и песок на берегу оставался девственно чистым — на нём не только не было мусора, но и вообще каких бы то ни было следов. И лишь приглядевшись, я понял, что это “домашняя заготовка”: всё сделано с помощью специальных граблей — для того, чтобы вчерашние следы на песке (следы ног — и ничего более) не раздражали взор тех, кто придёт сегодня...

Хочешь — купайся, хочешь — загорай, хочешь — уди рыбу (рыболовными принадлежностями тебя снабдят в отеле), хочешь — катайся на водных лыжах. А ещё можно взять велосипед напрокат и одному или всей семьёй обследовать окрестные леса и озёра... Или поехать на экскурсию в сад цветов. Мы там побывали тоже.

Если на земле есть рай, то, наверное, он выглядит именно так. Влажный горячий воздух напоён ароматами цветущих кустарников и деревьев. Порхают яркокрылые бабочки размером с небольшого воробья и тут же птицы-колибри, которые меньше бабочек... Но меня лично dokonало не это: здесь, среди всех этих магнолий и азалий, я увидел нашу степную полынь, которую холят и лелеют как экзотическое растение. И она даже пахла — почти как у нас дома...

В Америке мы почти непрерывно перемещались, переезжая из города в город на автобусе. Мы пересекли вдоль Атлантического побережья территорию одиннадцати штатов и, наверное, провели в дороге в общей сложности что-то около двух суток. И эти перемещения не были утомительными. Во-первых, в Штатах отменные дороги, а во-вторых, автобус оказался очень комфортабельным — с обязательным кондиционером и даже туалетом. Чтобы закончить тему кондиционеров, замечу: к тому известному факту, что Америка — страна небоскрёбов и автомобилей, я бы сделал добавление: это ещё и страна кондиционеров. Они есть всюду: в отелях, жилищах, магазинах, ресторанах, туалетах, автомобилях. И никакая это не роскошь — в Америке летом жарко, а американцы любят комфорт.

И ещё все эти дни с нами в дороге был один-единственный водитель. Даже на перегоне Вашингтон — Атланта, занявшем около 14 часов, он обошёлся без сменщика. Его звали Сальвадор, или сокращённо Сал. Это был разбитной, нахальный латиноамериканец, попортивший нам немало нервов. Но речь сейчас не о его отвратительном характере, а о том, что нагрузку он в иные дни нёс колоссальную. Без напарников вели свои машины и водители других туристических автобусов. Как же так, недоумевали мы, ведь есть же у них профсоюз, должны быть ведомственные инструкции, устанавливающие границы нагрузок... У нас за 400-600 километров из Павлодара в Омск и в Усть-Каменогорск пассажирские автобусы обязательно идут при двух водителях, а тут расстояние — вдвое больше. Наверное, мне могут возразить, что там и качество техники, и состояние дорог — не чета нашим. Всё так. Но их американскому профсоюзу, оказывается, наплевать, сколько часов в день крутит баранку член их юниона (союза), это его личное дело. Но когда мы, возмущившись очередной выходкой Сала, потребовали заменить водителя, нам вежливо дали понять: это невозможно, его права защищает профсоюз. Так мы и мучились с Салом до конца нашего путешествия.

В Америке довольно много полных и даже очень толстых людей. Лёня Резников на второй или третий день нашего путешествия заявил:

— Посмотрите, как много тут негров, какие они упитанные! Ни за что теперь не поверю, что их в Америке угнетают.

А отличаются американские толстяки и толстушки от наших, пожалуй, тем, что абсолютно не испытывают комплекса неполноценности по поводу необъятности своих телес: они энергичны и жизнерадостны, не стесняются носить шорты и маечки.

В основной своей массе американцы прекрасно выглядят, и у мужчин, а тем более у женщин, загорелые, ухоженные лица, у очень многих — этакая младенческая розовощёкость, будто с рекламного проспекта сошли.

Ещё они беспрерывно улыбаются. Хотя мне трудно избавиться от ощущения, что иные делают это настолько автоматически и без каких бы то ни было чувств, что раздвинутые в улыбке губы напоминают открываемые двери метро или лифта. Но ведь всё равно улыбаются! Поневоле и сам начинаешь улыбаться, встретившись с кем-нибудь взглядом...

Ещё они беспрерывно извиняются, даже если не за что. На каждом шагу только и слышишь: "Сори! Экскьюзми..."

Но, наверное, самое распространённое здесь выражение "О'кей!". Оно имеет огромное количество значений и может означать всё, что угодно. Во всяком случае, у нашего водителя Сала это мог быть и вопрос, и ответ, и радостное восклицание, и ещё много чего, хотя элементарный перевод этого слова на русский звучит как "всё хорошо, всё в порядке..."

Американцы, конечно, не столь задавлены жизнью, как мы: они живут, а не выживают. Может, ещё и потому чаще нашего улыбаются.

Изобретательность американцев по части организации своего быта, отдыха, развлечений поистине беспредельна. Здесь создана даже не индустрия, а настоящая империя развлечений. И распад ей, между прочим, пока не грозит. Скорее, наоборот. О Диснейленде, например, нельзя рассказать — это надо видеть. Просто поразительно, сколько ума, фантазии и труда вложено в создание этих сказочных городков. У истоков большинства диснейлендовских аттракционов — оригинальнейшие изобретения, высочайшие технологии.

И ещё: побывав тут, начинаешь понимать, что фантазии человека в его стремлении к комфорту и роскоши вряд ли имеют границы. У нас была прогулка на теплоходе по каналам Майами, составленная организаторами с таким расчётом, чтобы показать нам виллы, расположенные по их берегам, и яхты небедных американцев. Хозяин одной виллы устроил на ней раздвижную крышу, чтобы иметь возможность в хорошую погоду любоваться звёздным небом. Вилла другого — точная копия (слегка уменьшенная) Белого дома. На яхтах можно совершать многомесячные путешествия по океану. Стоимость таких жилищ и средств передвижения от пяти миллионов долларов и выше. Но есть, оказывается, здесь же, в Майами, "Остров звёзд", где и виллы, и яхты покруче тех, что мы видели. Но экскурсии туда для простых смертных, вроде нас, конечно, не проводят.

В Атланте с нашей группой работала координатор Ирина — энергичная, напористая женщина неопределённого возраста и лишённая каких бы то ни было комплексов.

— Я американка, — гордо заявила она нам с первых минут знакомства и подчёркивала это впоследствии много раз без всякого повода.

Она наша бывшая соотечественница, выпускница престижного Ленинградского Герценовского пединститута, лет двадцать назад эмигрировала в Израиль, откуда потом переехала в Соединённые Штаты. В каждой стране имела по мужу, нынешний, третий, американец. Она учитель иностранного языка, преподаёт детям эмигрантов-латиноамериканцев испанский и английский.

Перипетии судьбы, бесспорно, наложили свой отпечаток как на характер, так и на внешний облик Ирины. В споре она могла противостоять доброму десятку своих бывших соотечественников, которые, как известно, тоже за словом в карман не лезут.

Мы её звали между собой “потрясающая Ирина” — из-за неумеренного употребления ею этого эпитета (“Вы будете жить в потрясающем отеле! Здесь потрясающая кухня! Мы поедem в сад цветов — это что-то потрясающее!”). Другим любимым её выражением было: “Вы в свободной стране и можете делать всё, что захотите!”.

Иногда её, скажем так, раскованность граничила с развязностью. Вот едем в магазин, и по автобусу разносится усиленный микрофоном её голос:

— Мужчины, хотите, чтобы ваши жены пахли, как я, подходите — нюхайте... Я скажу вам, какая это косметика.

Всегда с пренебрежением говорила о водителях наших автобусов:

— Что вы хотите — они же все отмороженные (т. е. помешавшиеся на деньгах), — и неизменно добавляла с брезгливостью: “Лезут все в Америку”.

У Ирины квартира на Гудзоне (в Нью-Йорке), вилла в Калифорнии, две автомашины. Всё это ей дала её преподавательская деятельность.

— Больше всего на свете я люблю говорить, — не раз признавалась она через микрофон всему автобусу. Но очень часто, едва начав рассказ о чём-то, тут же вскрикивала: — О, моё горло, я боюсь потерять голос. А мой голос — это мои деньги!

Ирина не раз (даже, казалось, с некоторой обидой) говорила нам, что она волонтер, то есть работает с нами, не получая денег.

— Если бы мой муж-американец узнал, что я работаю здесь бесплатно, он точно бы упрятал меня в сумасшедший дом, — жаловалась она. И, конечно же, лукавила. У неё очень большой отпуск, и часть его она по собственной воле решила провести здесь, обслуживая группы туристов из Казахстана. Работа, в общем, непыльная, фирма обеспечивает ей полный пансион (питание и проживание в отеле), к тому же Ирина имеет возможность посетить многие состязания Олимпийских игр (опять же за счёт фирмы).

По правде говоря, “потрясающая Ирина” за несколько дней так утомила нас своей словоохотливостью, раскрепощённостью на грани приличия, что, расставаясь, мы вздохнули с облегчением. Её одной на нас всех было слишком много.

К счастью, другая американка, с которой нам пришлось иметь дело, — координатор Люба, оказалась полной противоположностью Ирины. Общаясь с ней, мы просто отдыхали. Люба — тоже из бывших советских. Приехала в США вместе с мужем и своими родителями. Мне показались любопытными и существенными некоторые её суждения. Дети, как она считает, быстрее и легче всего приспосабливаются к жизни в новой стране. Вот и её 14-летний сын — чистый американец, её тревожит, что кроме телевизора и компьютера сына мало что интересует.

Родители, наоборот, будто никуда не переезжали. Как не знали ни слова по-английски — так и не знают, и учить не собираются. Ругают всё здешнее, покупают газеты на русском языке, смотрят по кабельному телевидению российские телепередачи.

Люба с мужем — не бедные люди. Зачем ей эти хлопоты с казахстанскими туристами?

— Устала от дежурной здешней действительности, — просто сказала она, — захотелось пообщаться с бывшими соотечественниками.

Внешне Люба — вовсе не красавица, но сколько же в ней было чувства меры и такта, женского обаяния... Наверное, судьба послала её нам в качестве компенсации за общение с “потрясающей Ириной”.

Пожалуй, пора что-то сказать и о том, что собой представляет наша группа из сорока с лишним человек, приехавших из шести-семи областей Казахстана. Условно я бы разделил её на три неравные по численности подгруппы, которые, можно сказать, существовали автономно, мало соприкасаясь с остальными — даже когда летели в самолёте, ехали в одном автобусе, ели в одном ресторане.

Одну часть нашей группы, притом достаточно колоритную, составляли туристы от номенклатуры, представлявшие местную исполнительную власть и её ветви. Держались они особняком, никого в свой круг не допускали, а вели себя зачастую так, будто находились в своих собственных кабинетах, на подвластных им территориях. Их главным занятием в самолёте, автобусе, отеле был преферанс. Ему они отдавали большую часть наших перелётов и переездов, дни и ночи. Как-то утром надо было выезжать на соревнования очень рано. Бегу в начале шестого утра к автобусу, вижу в приоткрытую дверь номера — ещё не ложились, играют...

Вторую, не очень многочисленную часть группы составляли те, кого я условно назвал бы “крутыми” — “новые русские” и “новые казахи” (бизнесмены, банкиры и т. д.). Этих трудно было чем-то удивить, они хорошо знали, чего хотели, иные уже успели побывать за границей, и не по одному разу, и потому держались тоже особняком, с уверенностью, подчас переходившей в самоуверенность. У одного из “крутых”, путешествующего с женой и ребёнком, на каждом втором пальце было по золотому кольцу или перстню. В первом же супермаркете он купил широкополую ковбойскую шляпу, зонт в виде трости и уже не расставался с ними до отъезда.

У “ковбоя”, как я его про себя окрестил, жёсткий взгляд и вызывающие манеры хозяина жизни. Жена всюду следует за ним, как за своим господином. У неё надменное лицо, холёные руки. На людях они между собой никогда не разговаривают.

Пока мы “пилили” из Вашингтона в Атланту на автобусе, “ковбой” с семьёй и ещё несколькими туристами своего круга проделали этот путь на самолёте, а из аэропорта до отеля — за сто километров — на такси. И обошлось им это удовольствие “всего” по три с половиной сотни долларов на брата.

Когда в очередном супермаркете жаждущие дешёвых покупок туристы устремлялись в отделы, где торгуют бросовыми однодолларовыми товарами, эти приобретали супермодные чемоданы и престижные видеокамеры. Если их не устраивал вид соревнований, на которые мы должны были ехать по программе (и куда были оплачены билеты), они шли туда, куда хотели, выкладывая за раз от сотни долларов и выше из своего кармана.

Когда большая часть группы отправилась в скромную 17-долларовую экскурсию по каналам Майами, они уплыли в открытый океан ловить акул, хотя это удовольствие стоило в десятки раз дороже. На ужине в китайском ресторане они не морщились и не отворачивались при виде устриц и креветок, а поглощали их в огромных количествах.

И, наконец, третью, самую многочисленную часть группы составляли все остальные. Это была пёстрая, весьма разнородная публика: представители власти, не вошедшие в элитный круг, не успевшие заматереть бизнесмены, любимые жёны мужей, состоящих у власти или руководящих солидными предприятиями, по каким-то причинам не поехавших сами, но зато сумевших оплатить поездку своих дражайших половин. Тут были счастливчики, вроде меня, которым просто повезло с этой поездкой, чьи-то непонятные протезы и разного рода индивидуалы. Невестка как затесался в группу семидесятилетний старикан, экономивший везде и на всём.

Несмотря на всю свою разнородность, несопоставимость социального и имущественного положения, все люди третьей группы составляли некую устойчивую общность. Роднила неуверенность в себе, боязнь отстать от группы (мы

всюду стайкой ходили за координатором, как цыплята за квочкой). В магазинах также боялись потеряться и не знали что выбрать, а самая дорогая покупка, на которую всё же отважились, был фотоаппарат-автомат, именуемый за несложность в эксплуатации “мыльницей”, стоимостью в сто долларов. Представители этой группы отдыхали только по программе и, кажется, заскучали по дому, ещё не перелетев за океан... Это были, пожалуй, самые дисциплинированные, самые благодарные туристы, но чаще всего до них никому не было дела. С ними обращались как с бедными родственниками.

Конечно же, среди нас сразу возникли свои “западники” и свои “патриоты”. Первые реагировали на американскую действительность бурными восторгам: “Посмотрите — какая роскошная машина!” (отель, магазин, небоскрёб, ресторан и т. д. и т. п.).

“Патриоты” в противовес “западникам” заведомо снижали планку оценок: майамские пальмы казались им слишком низкими, а нью-йоркские небоскрёбы слишком высокими, здешние огурцы с помидорами пришлись им явно не по вкусу, холодный фруктовый чай со льдом вызвал возмущение, а обычай obsługi выдавливать чаевые и вовсе расценивали как дикость...

Вообще говоря, отправка столь разнородных и столь разнонацеленных людей едиными группами, притом по сорок с лишним человек, затея явно неудачная. Как тут можно совместить интересы, когда один требует каждый день шопинг, другие хотят в музей бабочек, третьи настаивают на выполнении программы (в которой, кстати, никому не интересная гребля на байдарках и каное), четвёртые стремятся на бокс, а пятые — на экскурсию по городу. Базар возникал всюду, где бы мы ни появлялись, поэтому в отелях нас даже кормить предпочитали отдельно от всей остальной публики. Впрочем, не только поэтому. Все, кто хоть раз выезжал за границу, имеют представление о том, что такое “шведский стол”. Это самообслуживание и принцип разумной достаточности: подходишь к раздаче и сам берёшь, что хочешь. Можешь подойти второй, третий раз... Иные из наших туристов набирали сразу столько, что не могли осилить. Прихватывали впрок фрукты и одноразовый чай в бумажных пакетиках. Запасались после ужина самодельными бутербродами из булочек, бифштексов и сосисок. За всем этим бесстрастно наблюдала в Атланте бригада негров-официантов. Ничто не отражалось на их тёмных лицах, но их глаза, мне кажется, глядели на нас с сожалением.

Если же нам доводилось ужинать в ресторане вне отеля, где были и другие посетители, они старались отойти в сторону, когда мы толпой устремлялись к раздаче блюд. И подходили лишь тогда, когда мы со своими тарелками рассаживались за столами.

Нас вообще ни с кем нельзя было спутать ни в ресторане, ни в отеле, ни на улице. Уже на второй день после приезда все, а особенно мужчины, выглядели как близнецы-братья: белые кроссовки, белые носки, шорты, кепки-бейсболки. Это была своего рода униформа. На общем фоне бледновато, если не сказать вызывающе, смотрелись несколько человек, упорно не желающих менять свои непрезентабельные штiblеты на “адидасы”.

Да, нас нигде и ни с кем нельзя было спутать. Мы вносили сумятицу и смуту в размеренную жизнь отелей, магазинов, ресторанов. В Майами нас уже через день безошибочно узнавали продавцы окрестных магазинчиков (а ведь туда заходили не только мы) и приветливо восклицали: “О, Казахстан! Салиам Алейкум!”. В международном аэропорту Майами, откуда отправляются самолёты в десятки стран мира, именно мы устроили толчею с очередью у машинки для упаковки багажа. Никто кроме нас не боялся почему-то за сохранность своих вещей. Упаковщик не успевал нас обслуживать. Своему товарищу, прибежавшему на шум, он сказал единственное слово “Аэрофлот”, и тот понимающе улыбнулся.

Что ж, мы такие, какие есть, и, наверное, ещё долго не будем другими.

Деньги в Америке делают буквально на всём. Нас повезли на экскурсию, на смотровую площадку, устроенную на 86 этаже 102-этажного небоскрёба. Красотами Нью-Йорка с высоты птичьего полёта мы любовались от силы пятнадцать минут. Остальные 45 у нас заняли сувениры: значки, майки, авторучки, открытки и масса всего прочего с обязательным изображением небоскрёба. Энергичный негр не успевал штамповать памятные брелоки из одноцентовых монеток: он нажимал какой-то рычаг, и монетка приобретала очертание небоскрёба. Две-три секунды у него уходило на каждое изделие, продавал он их по доллару. Я прикинул: на одной нашей группе он заработал за полчаса долларов сто. А ведь тут и кроме нас было порядочно народу.

Сувениры сопровождают вас в Америке всюду: в аэропортах, отелях, во всех магазинах, на заправочных станциях — буквально везде. У нас же почему-то, несмотря на то что мы вроде семейными шагами идём к рынку, индустрия сувениров по-прежнему в зачаточном состоянии.

По-своему зарабатывал водитель нашего автобуса. Когда мы, запыхавшись, прибегали с футбольного матча, после трёхчасового путешествия по Диснейленду или ещё откуда-то, у него всегда было наготове корыто со льдом, полное банок пива и “Кока-колы”. Банка — два доллара. Редко кто отказывался, многие брали парутройку банок. А покупал всё это он в окрестных магазинах в два-три раза дешевле.

Водители из отеля под Атлантой зарабатывали на нас тем, что выдавливали чаевые. В окрестностях много экзотических мест, езды до них от силы пять-десять минут... Вот мы собрались, сели, а автобус не трогается, водитель делает вид, что чем-то страшно занят. А не едет он, оказывается, потому, что ждёт чаевых. Или по этой же причине “забудет” включить кондиционер, и машина тут же раскаляется как консервная банка на огне. Приходилось платить, хотя эти услуги отелем по идее предоставляются бесплатно.

В Майами нас возили на экзотический остров, где растут диковинные деревья, сидят в клетках яркие тропические птицы, продаются индейские сувениры. А немолодой индеец здесь забавляет публику тем, что заходит в клетку с крокодилами, подтаскивает одного из них к себе за хвост, садится верхом и, заворачивая ему назад голову, как барану, раскрывает своими руками его пасть. Зрелище, в общем, не для слабонервных: крокодил весит не меньше центнера, зубы в пасти никакие не бутафорские... Индеец для публики смельчак, герой. Но вот трёх-пятиминутное представление окончено. Индеец берёт пластмассовое ведёрко и по кругу обходит туристов, которые бросают ему смятые доллары. И перед нами уже никакой не герой, а просто усталый пожилой человек, который таким способом зарабатывает себе на хлеб.

В Орландо нас повезли на ужин в небольшой китайский ресторан. Всё было как всегда: “шведский” стол, много зелени, куриные крылышки и баранина в сладком соусе и даже креветки, которых большинство из нас отродясь не видело и потому не знало, что с ними делать. А на десерт, кроме фруктов, йогуртов, было ещё мороженое — сортов десять. Оно мне так понравилось, что я решил взять ещё. Пока ходил — это заняло минуты две-три — с моего стола уже убрали. Не знаю уж, почему так вышло — может быть, я должен был кого-то предупредить, оставить какой-то знак, что я вернусь... Словом, стол чист, заново сервирован, и к нему уже пристраиваются трое посетителей. Поскольку я в английском не силен, говорю им по-русски: “Я здесь сидел!” и показываю жестами: мол, ужинал здесь, отошёл за мороженым. Они явно не понимают: стол-то уже убран, им наверняка на него указали как на свободный.

— Понимаете, я здесь сидел, ещё не закончил, куда мне идти? — снова пытаюсь объяснить.

Вижу — вроде обижаются. Тогда показываю им жестом: садитесь, мол, я вам не помешаю, съем быстро своё мороженое и уйду. Не садятся. А я сел. Они стоят. Думаю: ну вот, только скандала ещё не хватало — международного...

К счастью, этого не произошло. Появившийся откуда-то расторопный китаец быстро увёл всю компанию. А я стал в гордом одиночестве доедать своё мороженое, которое уже не казалось мне таким вкусным.

Самый фешенебельный отель, в котором мы жили, четырёхзвёздный. То есть достаточно высокого класса, но не самый дорогой. Мы жили в очень удобных, уютных двухместных номерах. И хотя на улице было очень жарко, влажно, часто мы этого не ощущали, а спали под тёплыми одеялами — так здесь работают кондиционеры. В нашем номере (и в других тоже) был бар-тумбочка со спиртными напитками, "марсами-сникерсами" и прочей снедью. Но всё это находилось под замком. Чтобы воспользоваться баром, надо было предварительно заплатить депозит (что-то вроде залога) в размере 250 долларов. Кажется, такой возможностью не воспользовался ни один из нас. Но мне интересно другое: это правило — оставлять залог и только потом пользоваться — распространяется на всех постояльцев отеля или только на нас? Мне почему-то кажется — только на нас. То же и с телефонами. Мы жили в пяти отелях. Из любого можно было позвонить домой, но также лишь предварительно внеся залог. Везде он был почему-то разным, а самым дешёвым в Орlando — всего 20 долларов. Из наших отелей нельзя было бесплатно позвонить даже в город — для этого существовали специальные автоматы внизу, где за каждый звонок надо было платить отдельно.

У подножия отеля ворочался, вздыхал, поудобнее устраиваясь на ночь, Атлантический океан. В это было трудно поверить, но это было — бесконечный майамский пляж, силуэты кораблей на горизонте и океан, который можно потрогать...

Уже не раз поплавав в океане днём, решил это сделать и ночью, благо был он совсем рядом с отелем... Было, наверное, часов десять или одиннадцать вечера, ночь тёплая, влажная. И вода тоже тёплая. Я зашёл в неё и поплыл, но ощущение оказалось не из приятных: подо мной не тёмная даже, а почему-то почти чёрная вода, непроглядная темень впереди и надо мной — тоже темень — ни луны, ни единой звезды. Жутковатое состояние — всё время хотелось повернуть голову назад, где переливался огнями ночной Майами.

Обычно я доплывал до буйков, до которых было, наверное, метров триста от берега, а тут очень скоро повернул назад и с каким-то облегчением, запыхавшись, выбрался на тёплый прибрежный песок.

Последний заплыв сделал в день отъезда, перед обедом. Надвигалась гроза, и где-то слева, над океаном, клубились, сгущаясь, тучи и приобретали зловещий оттенок — насыщенно-тёмный, с фиолетовым отливом. Погромыхивал гром, пляж был пуст, поднимался ветер...

Я всё же доплыл до буйков, хотел ещё покачаться на океанской волне возле них, но услышал чем-то усиленный голос с ближайшей наблюдательной вышки на берегу. Я понял, что это кричат мне, и поплыл обратно. В отель бежал, уже настаигаемый ливнем, и промок до нитки.

Накануне после экскурсии по каналам Майами точно такой же ливень, да ещё с сильнейшим шквалистым ветром, застал нас на улице. И молодая хрупкая женщина-экскурсовод, чтобы её не унесло, уцепилась обеими руками за пальму.

А ветер трепал её из стороны в сторону вместе с пальмой. Благо, и дождь, и ветер быстро кончились. Потом экскурсовод нам пояснила: наступает сезон дождей — и ливни с грозами приходят каждый день, в одно и то же время, как по графику.

После почти одиннадцатичасового перелёта из Майами в аэропорту Шереметьево нас загнали в тесноватое неудобное помещение для паспортного контроля. Сразу возникло несколько внушительных очередей. Мужики ломанулись в туалет. Из двух имеющихся в наличии писсуаров функционировал лишь один. Мужики стали привычно выстраиваться в затылок друг другу. И кто-то из задних не сказал даже, а выдохнул:

— Ну всё, теперь точно дома.

Из Москвы в Алматы возвращались тоже с приключениями. Уже в Шереметьево узнали, что “Аэрофлот” уступил наш рейс “Трансаэро”. А эта компания объединила свой рейс с нашим, отдав, само собой, предпочтение своим пассажирам. При посадке возникла дикая давка, многие просто теряли человеческий облик в непременном желании улететь. Я был в последних рядах тех, кому это удалось сделать...

Так заканчивалось это самое длинное в моей жизни путешествие по маршруту Павлодар — Алматы — Москва — Нью-Йорк — Вашингтон — Атланта — Орlando — Майами — Москва — Алматы, откуда мне предстояло лететь ещё до Павлодара.

Блокнот стал моим спасительным кругом в Америке: чуть что — сразу хватался за него, и иногда это помогало сохранить душевное равновесие, привести себя в норму.

Первое время после возвращения просыпался в пять часов утра и уже не мог заснуть. Поэтому почти сразу стал писать заметки об Америке. Выходит около 60 страниц на машинке. Вещь, конечно, неглубокая, но иной она и быть не могла — это всего-навсего беглый взгляд туриста.

Продолжаю раздаривать заокеанские сувениры. Ольге с Димкой привёз кроссовки — по “тамошним” понятиям совсем недорогие (примерно по 40 долларов), Даньке — карманные часы (20 долларов), Пашке — радиоуправляемую машину (15 долларов). Всем остальным — родне и друзьям, кому что: бейсболки, футболки, авторучки. А самая дорогая покупка — фотоаппарат “мыльница” — обошёлся мне в 83 доллара. Наснимал несколько плёнок и уже отпечатал фотографии. Качество печати — отличное, хотя на снимках зачастую явно чувствуется рука непрофессионала.

Окунулся в редакционные дела. Хорошо уже то, что за время моего отсутствия не произошло ничего экстраординарного. Надо объявлять подписку, а мы никак с ценами не определимся. “Подпирает” очередной “Иртышский меридиан”, а денег опять не хватает и где их взять — неизвестно...

Опять “загулял” М. — жена приходила, жаловалась: примите меры. А я уж с ним каких только бесед не проводил! Ну объявим ещё один выговор, премии лишим, а дальше? Он человек сам по себе хороший, и если бы дома у него было нормально, может, и не пил бы, или, во всяком случае, не так пил...

Сессия областного маслихата обсуждала проблемы сельского хозяйства. Прошлый год был с общим убытком в 572 миллиона тенге. Большинство хозяйств устойчиво убыточны, и что с ними делать, никто не знает. Потому что

все реформы последних лет только ухудшали положение села. В главных зерносеющих районах — Иртышском, Качирском, Железинском — становится всё больше брошенных земель (в общей сложности больше 400 тысяч гектаров), и теперь их пытаются закрепить за хозяйствами южных районов, где земли не столь плодородны.

Директор госплемзавода «Песчанский» А. А. Шрейдер говорил о кражах скота, сравнимых со стихийным бедствием: только у них похищено 400 голов скота, в милицию и прокуратуру направлены десятки заявлений, но ни одного скотокрада не поймали. Вся же область с начала года лишилась в результате хищений 4,5 тысячи голов крупного рогатого скота, около десяти тысяч овец, около семи тысяч лошадей. И это не считая скота, украденного с личных подворий сельчан.

Механизаторам и животноводам платят либо мизерную зарплату, либо не платят вообще. Процветают все мыслимые и немыслимые формы бартера. Сельское хозяйство, как организованное производство, стремительно катится под откос, и если оно не развалилось пока окончательно, то лишь благодаря личному подворью жителей села, которое по объёмам производства большинства видов продукции уже сравнялось с реформированным госсектором или превзошло его. И, конечно же, никаких судьбоносных для села решений сессия принять не могла.

В Австралии готовятся отметить 150-летие Миклухо-Маклая: его именем решено назвать улицу и парк в Сиднее. Нынешние дети понятия не имеют, кто это такой. А в пору моего детства был невероятно популярен фильм об этом легендарном путешественнике, открывшем неизвестные племена аборигенов и довольно долгое время жившем с ними в первобытных условиях. Похоже, в Австралии о Миклухо-Маклае знают сегодня куда больше, чем в России. А ведь он русский путешественник и учёный.

Кульпаш Конырова раскопала в кожно-венерологическом диспансере интересную информацию: самому юному носителю сифилиса в Павлодаре 12 лет, а самому пожилому — 78. Первого «наградила» болезнью подруга матери — решила «просто» развлечься, а второго «облагодетельствовала» восемнадцатилетняя особа, убиравшая по найму его квартиру. А также заразила и трёх других пожилых вдовцов, которым, заодно с домашними, оказала услуги иного рода...

В Грозном опять воюют. Сразу десять групп боевиков с трёх направлений атакуют столицу Чечни. Десятки убитых и сотни раненых с обеих сторон. Грозный боевики не взяли. Люди в массовом порядке бегут из города.

Незатейливо-искренние воспоминания Е. Н. Печерицы о том, как он мальчишкой жил «под немцами», во время оккупации. По большому счёту, никто из современных писателей не открыл эту тему в литературе: каково было простым людям (не партизанам, но и не предателям) на оккупированной территории.

Е. Н. Печерица удивляет меня разносторонностью своих интересов: он знаток автомобильной техники, заядлый грибник и рыбак, много читает, ему всё интересно. И мне с ним интересно тоже, хотя в нашей конторе его почему-то недолюбливают.

Опять учительские письма о задержке зарплаты из Ефремовки, Сосновки... Во втором случае жена — воспитатель, муж — подсобный рабочий в той же

школе. У них семеро детей, в том числе четверо школьников. Родители не знают, как собрать их в школу, зарплаты нет три месяца, отпускных тоже.

Ещё пишут преподаватели расформированного Павлодарского сельхозтехникума (не нужны теперь зоотехники, ветеринары и прочие специалисты среднего звена в животноводстве). Учащихся и часть преподавателей переведут в Красноармейский сельхозтехникум. И тем, и другим техникум задолжал: одним — стипендию, другим — зарплату за несколько месяцев. В Красноармейке, само собой, этих долгов не признают, совхоз-техникум, где они до того учились и работали (вернее, техникум при нём), скорее мёртв, чем жив. Своих денег эти люди вряд ли дождутся, хоть мы и печатаем их письмо.

Вот какие фильмы могли посмотреть павлодарцы в рамках кинофестиваля “Искусство” с 1 по 7 апреля 1966 года: “Майя Плисецкая”, “Царская невеста”, “Пиковая дама”, “Аида”, “Иоланта”, “Евгений Онегин”, “Гамлет”.

Это из подборки “Что писала наша газета”.

Кажется, писал уже... В области проходят показательные аукционы, на которых распродаётся имущество должников по налогам. В Иртышке выставлены на продажу около 30 автомашин разных марок, полтора десятка автомобильных прицепов, трактор К-700, легковая иномарка, офисная мебель... Всё это — имущество должников: автотранспортного предприятия, райбыткомбината, “Сельхозхимии”, мебельной фабрики и даже государственной аптеки. Принцип продажи — кто больше даст. Вырученные деньги пойдут на уплату налогов.

В Павлодаре закрылись или будут закрыты пять из семи кинотеатров. Остаются работающими два — “Колос” и “Космос”. Остальные себя не окупают, а в бюджете нет денег, чтобы их поддержать.

Кстати, и сам я уже не помню, когда ходил в кино.

Из статистического отчёта: за последние пять лет производство мяса в так называемом общественном секторе сократилось почти в три раза, молока — более чем в два раза, яиц — в 2,6 раза, шерсти — в 3,3 раза.

Резко уменьшилось число скота в хозяйствах, а также его продуктивность. Производство животноводческой продукции всё больше перемещается на личные подворья.

Одна из республиканских газет опубликовала заметку о том, что правительство Казахстана, компания “Уайтсвен лтд”, управляющая нашим алюминиевым заводом, и объединение “Транс Уолр групп” подписали четыре протокола, которые предусматривают создание производства по выпуску чистого алюминия в Павлодаре. Газета уверяет, что это будет один из самых грандиозных проектов нашего времени.

Российские власти не успевают принимать и размещать беженцев из Грозного. Сколько их точно, никто не знает, потому что не все обращаются за помощью. Но речь идёт о десятках тысяч людей.

Полномочным представителем президента России в Чечне назначен генерал А. Лебедь, который намерен остановить здесь войну.

В Болгарии умерла ясновидящая Ванга, точно предсказавшая день и час своей кончины. В разные годы к ней обращались за предсказаниями — что их ждёт — главы государств и мировые знаменитости, а также тысячи простых людей. Говорят, что к ней приезжал и Л. И. Брежнев.

Авторитет Ванги в Болгарии был абсолютно непререкаемым, часто она не церемонилась с посетителями, распознавая в них людей лукавых и неискренних.

А. Селивёрстов пишет в нашей газете об уникальной галерее древних гравиюр на камне — рисунков, найденных неподалёку от Карасора. Селивёрстов усматривает связь между ними и Олентинскими петроглифами и “писанками” грота Драверта в Баянауле. Всего обнаружено свыше 70 самостоятельных фигур и композиций — это словно каменная книга с изображением животных, фигур людей, бытовых сцен из жизни кочевников-скотоводов.

Хорошо бы посмотреть всё это самому.

Пенсионер из Германии М. Юргенс и предприниматель из США Д. Хоуп спорят о том, кому из них принадлежит Луна. Первый уверяет, что его предок получил её в дар от прусского короля Фридриха Великого ещё 15 июля 1756 года за благословение, которое занимавшийся целительством крестьянин дал монарху, одерживавшему после этого в войнах победу за победой. А второй упирает на то, что он зарегистрирован в качестве “официального владельца Луны” властями Сан-Франциско в 1980 году. И с тех пор он уже умудрился продать желающим 1700 участков Луны — по 16 долларов за 700 гектаров поверхности.

Впрочем, до международного суда дело пока не дошло.

(Из подборки “Со всех континентов”).

Ездил в Железинку. На дороге жители Моисеевки, Пятерыжска предлагают ежевику по совсем смешным ценам: пятилитровое ведро — 250-300 тенге, десятилитровое — 450-500. Ягода отборная — глаз радуется. И какой-никакой денежный приварок сельским жителям, которые превращают сбор этой пойменной ягоды в “семейный бизнес”.

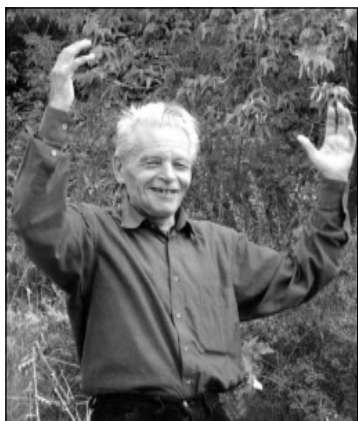
А. Лебедь обнародовал цифру военных потерь в Чечне: только с 6 по 15 августа 241 военнослужащий погиб, 1020 ранено, 142 пропали без вести. Число убитых и раненых боевиков не называется, как и число погибших и лишившихся крова местных жителей.

Главным виновником случившегося за последнее время в Чечне Лебедь назвал министра внутренних дел А.Куликова, потребовав его отставки.

Ещё Лебедь заявил, что если не урегулировать конфликт в Чечне мирным путём, Россию “в перспективе ожидает большая кавказская война”.

Пресс-секретарь Б. Н. Ельцина Ястржембский туманно опроверг информацию американского журнала “Тайм” о плачевном состоянии здоровья Б.Н., но ничего внятного не сказал. Кроме того, что тот проходит обследование перед отпуском и не планирует выезд за границу. Хотя все, кто видел по ТВ инаугурацию Ельцина, не могли не заметить, как плохо он выглядел.

Продолжение в следующем номере.

Александр ЕГОРОВ

“Есть в горах своё очарованье...”

Стихи
из новой книги “Красота”

Деревня родная

Всё село, как заброшенность вдовья...
Кто забыл тут родные края?
Даже аист вернётся в гнездовье,
Где его окрылила семья.

Но другие законы людские
По деревне прошли здесь с косою.
Приседают избушки седые,
Взгляд окон их тревожно-немой.

Здесь листвяжный наш дом-пятистенник
Как былинная крепь процветал.
А теперь старый столб, словно пленник,
Весь в бурьяне уходит в провал.

Но осталось в памяти детство —
Волшебства золотая вуаль.
Ах, сорваться бы в дерзкое бегство,
В это диво, в ушедшую даль!..

Шёпот листьев в берёзовом буйстве,
Земляники рубин по траве.
Ранним утром в таинственной грусти
Тает белый туман в синеве...

Всё равно будет свет незакатный
Литься в душу от отчих камней.
Этот свет негасимый и властный
Нас спасает от ложных огней.

Дорога мне деревня глухая
У серебряной прорвы реки.
У чернеющих гребней Алтая,
У дорог, где горят васильки.

Пусть моё оскудело становье —
Я село навещаю любя.
Ведь и аистам снится гнездовье,
Где их небу взрастила семья.

Судьба моя

Устал я рыбу удить в речке,
Присел на берег, под кусты.
Вверху пороги в белой сечке
Ревут, спадая с высоты.

У ног моих — смиренность плёса
И вздохи волн, как сладость грёз.
А солнце льётся в омут косо,
Взрываясь косяками звёзд.

Вода уходит и уходит,
Но будут реки течь всегда.
И лишь судьба твоя исходит,
Как эта быстрая вода.

Нет, нет, не плёсом жил я кротким,
Кипел в бурунах серебром,
Не слыл податливым и робким, —
Решал дела свои ребром.

Меня терзали лиходеи,
Пытаясь напрочь растереть.
Однажды чуть совсем не съели,
Но бури смог я одолеть.

Жалею ли теперь об этом?
Возможно, сжѐг себя я зря?
Всё время был под пистолетом,
Не трясся в норах пескаря.

И всё ж от громов водопадов
Не убегу я никуда.
Ведь если б не было каскадов —
Затухла б в мире вся вода.

Солнце отчего дома

Солнце милого отчего дома
Греет нас и в простом шалаше.
Злые смерчи любого погрома
Не убьют этот светоч в душе.

Пусть и связки какие-то рвутся
В смуте дьявольских пагубных сил —
В нашем сердце всегда остаются
Вековые святыни могил.

Подвиг пращуров в нас неизбывен.
Он горит путеводной звездой.
Время в новом счастливом порыве
К нам прольётся живою водой.

Подмосковные вспомните бури
И стальную панфиловцев крепь,
И гагаринский клич в Байконуре —
Клич, на веки вписавшийся в степь!

Отчий дом, отчий край — всё едино,
Всё в огромной народной суме.
Радость льют в нас родные картины;
Храм у речки, ветряк на холме.

Отодвинем печальные тризны,
Соберёмся, попашем в поту.
Только свет, только солнце отчизны
Нас, сплочённых, взнесут в высоту.

Шаги по земле

Я бреду по тропе с рюкзаком,
Травы дышат медовым настоем,
Опоён лес пихтовым покоем,
И несёт от земли холодком.

Ритм размерен уставших шагов...
Мне борщёвник в лицо сыплет белым.
Лето вызрело яблоком спелым.
Вся округа горит от цветов.

Полыхает кипреем угор.
И в росе, в этом солнечном звоне,
Что дрожит на зелёной ладони,
Отражён весь вселенский простор.

Пью, как чудо, лесов благодать!
Что же надо ещё человеку?
Неужели надменному веку
Надо что-то иное искать?

Ведь раскованно, в радость живут
Добряки, чудаки непоседы.
Ну прорвите, Земли короеды,
Свой угарный, бетонный уют!

И на мир поглядите взahlёб!
Не мощною, а жизнью упейтесь,
Сердцем в небо восторженно взвейтесь!
Не поймёт нас ухватистый жмот.

Так слепцом прозябает и вол,
Сыт — и глазки закрыты в блаженстве.
Всё идёт к красоте, к совершенству:
Звёзды, лес, зеленеющий дол...

Счастье — птицы высокий полёт.
Пусть в душе, как в прозрачной росинке,
Как в хрустальной горошине-льдинке,
Общий мир наш зеркально живёт.

Без зорь, без любви

Как хочется соколом взвиться,
Собою всё небо пронзить!
На суетность мерзко молиться,
Грешно повелителям льстить.

Вокруг леденящие души,
Облипшие пеплом слова.
И люди к восторгам всё глуше.
Как будто не люди — трава.

Борьба за большую поживу,
Продажность, разборки и кровь.
Заброшена совесть в крапиву,
Растерзана в клочья любовь.

А небо горит, не стора,
И цветом, как вешней водой,
Взрывает цветение мая
И страсти природы живой.

Но ты же, венец мирозданья,
Насупясь, в корыто глядишь,
Своё богоносное званье
По мелочным сварам соришь.

Тока куролесят от птицы,
Танцуя, поют глухари.
Цветы запрокинули лица,
Вином упиваясь зари.

Без зорь, без любви жизнь никчёмна.
Весна без цветов — не весна.
Душа человечья огромна,
Но спит без огня и она.

В тиши лесов

Давно не ходил по лесам в тишине,
В урёмах суровых, объятых покоем,
Охваченных снежным серебряным зноем,
Горящих в алмазах, в текучем огне.

В смятенье душевном, смотрю я вокруг.
Откуда же в сердце проникла тревога?
Давно ведь желанной была мне дорога
В угожья, где не был ещё лесоруб.

Вот заяц оставил в пороше следы —
Звериного царства чеканные меты.
Под елью краснеют от шишек монеты —
Остатки от беличьей сытной еды.

Несметная прорва веков позади.
Проникнуть бы в донные тайны природы,
В её угасанья и новые роды!
Минувшее знаем, а что впереди?

Где генные крепи? В чём жизни секрет?
В чём сила нетронутых дебрей таёжных?
В них всё устоялось, всё в рамках надёжных.
Здесь в силе один на бессилье запрет.

Вон, вижу, как сгорбилась ёлка дугой.
Утратила волю и смысла процветанья,
Иссохла в безверье своём, в прозябанье.
И давит её угасанье ногой.

А рядом — иной молодой хоровод:
Зелёные пихточки слаженным строем,
Мохнатые, статные, с дружным настроем,
Как будто летят, как в мечту, в небосвод.

Безверье, угасшие смыслы, нитьё —
Не это ль причины глобальных крушений,
Негаданных смут и нравов падений?
Война ли, террор ли — повязано всё.

Не меряны лесу людские долги.
Всё схвачено в нём для житья рычагами.
Бегут по снегам голубыми ручьями
Звериные тропы, как сказы тайги.

Шагаю обратно я, к морю огней,
А сердце в тоске и щемящей печали.
Идеи свои мы в пути растеряли.
Найдём ли другие в сумятице дней?

Берег синей высоты

Есть в горах своё очарованье:
Ты вверху, над мелкой суетой
И в немом, счастливом упоенье
Пребываешь в жизни неземной.

Все обиды, горечи забыты,
Словно не было никчёмных свар.
В поднебесье — звёздные орбиты,
Здесь совсем иной и свет, и жар.

А внизу смешалось всё в раздорах,
В ураганах бестолковых драм.
Будто в тюрьмах мы в своих конторах.
Походите, люди, по горам!

Небывалые вокруг виденья,
Я на куполе Развильских лбов.
Стынут грандиозные скопления
Тёмных, сизых, голубых хребтов.

Музыкой божественных посланий
Сердце переполнено сполна.
Этим чувствам нет ещё названий,
Обжигает душу новизна.

Тайны мира всё прозрачней, ближе,
Глубже смысла и сила красоты.
— Вот твой берег, — льётся голос свыше,
Горный берег синей высоты.

г. Усть-Каменогорск.

Редакция "Нивы" сердечно поздравляет своего давнего автора, ветерана Великой Отечественной войны, писателя и журналиста Александра Ивановича Егорова с замечательным 85-летним юбилеем и желает ему дальнейшего активного долголетия, здоровья, бодрости духа, благополучия и счастья, новых творческих достижений!

Алексей КРАТЕРОВ

Феномен Александра Егорова

Участник Великой Отечественной войны, журналист и писатель Александр Иванович Егоров всегда, сколько я его знаю, казался мне некой загадкой. Родился в глухой таёжной деревеньке Кутихе Зырянского района. До войны не успел отучиться в девятом классе, как довелось оставить учёбу. Вместе с отцом, Иваном Куприяновичем, судьба забросила его в отдалённые пасеки, обустроенные двумя колхозами в урочище Развилы. Дороги туда не было. Пчёл завозили по зимнему льду. Здесь-то с осени 1941 года, когда уже шла война, пятнадцатилетний подросток остаётся на всю зиму в трёх пасеках разных колхозов, отрезанный от всего мира, как затворник. Сразу заметим: все опаснейшие приключения этой уникальной алтайской робинзонады, жизнь в экстремальных условиях лягут потом в основу романа «Таёжный затворник».

А осенью 1943 года Александра призывают в армию. Участие в боях и на Западе, и на Востоке — с японскими милитаристами. Затем потянулись пять лет мирной армейской службы в танко-самоходном полку.

И вот — демобилизация. Первый непредсказуемый ход бывшего вояки. По пути домой доехал на поезде до Барнаула. Вышел из вагона, походил туда-сюда возле вокзала и вдруг взмахнул рукой: «Э, была не была — останусь здесь!». Вспомнил детство Есенина. Дядя Саша брал Серёжу в лодку, раздевал, отъезжал от берега и, как щенка, бросал в воду. «Выплывет, — значит будет жить». Сергей выплывал. А потом стал великим поэтом. «Вот и я брошу себя, как «щенка», в незнакомый город. Выживу, найду своё дело, — значит стану человеком». Эти слова из воспоминаний писателя.

Так и остался он в Барнауле. И вот тут-то и начинаются все эти загадочные неожиданные жизненные ходы Александра Егорова. В армии успел закончить в вечерней школе лишь девятый класс. Полного среднего образования нет, а работать надо. Устроился на квартиру. В чемодане — масляные краски, кисти. Где-то через месяц стал художником-оформителем города. То есть выплыл из первого «речного омута». Одновременно год посещал режиссёрские курсы при краевом драмтеатре. Получил диплом, и крайком комсомола направил его художественным руководителем в Дом культуры. Преодолеl ещё один «омут». Как режиссёр народного театра ставил спектакли по пьесам Гоголя, Островского, Чехова. И сам играл. Часто впрягал себя в главные роли.

Наряду с этим был завсегдатаем читального зала краевой библиотеки, участвовал в литературных диспутах, анализировал как критик произведения местных авторов. В школьные годы запоем читал русскую и зарубежную классику. Всё это и помогло ему «быть на плаву» в литературном клубе.

Однажды подошёл к нему поэт Разливинский и предложил:

— Егоров, пойдёшь работать в нашу городскую газету? Есть вакансия.

— Так я же художник, артист.

— Ничего. Ты в литературе плаваешь, как дельфины в воде. Решай. Работа интересная.

И он решился ещё на один прыжок в «омут незнакомой реки». Выплыл и на этот раз. Закрепился в журналистике. Через два месяца написал свой первый рассказ «Лесной человек» и послал его на конкурс, объявленный краевым отделением Союза писателей СССР. Занял первое место, получил денежную премию. Так он неожиданно стал и писателем.

Укажем ещё на несколько фактов из его биографии. Среднюю школу всё-таки закончил. Получил и диплом о высшем журналистском образовании. Работал старшим редактором в Усть-Каменогорской телестудии, выдал в эфир по своим сценариям шесть телеспектаклей. Около трёх лет трудился собкором южных районов области от редакции газеты “Рудный Алтай”. А затем ему улыбнулась Алма-Ата. Почти четыре года с величайшим удовольствием и несказанной радостью, как он сам признаётся, работал заведующим отделом охраны природы “Казахстанской правды”. И последняя должность перед выходом на пенсию — главный редактор по русской литературе издательства “Жазушы” (“Писатель”). С семидесятых годов стали выходить в свет его книги. В изданном багаже писателя сотни очерков, новелл, рассказов, четыре повести, четыре романа, поэтический сборник. На различных конкурсах завоевал семь первых литературных премий.

Вот как оценивает творчество нашего земляка известный литературовед Пётр Поминов: “С двадцатых годов XX века на литературную арену впервые в мировом искусстве стали выходить такие представители глубинной народной матрицы, как Шолохов, Белов, Шукшин, Астафьев... Они творили в среде этой матрицы, в полном слиянии с ней. И отразили они народную жизнь как бы изнутри, в её сокровенной конкретике, в корневой земной основе... Вот к поколению этих писателей нового направления, мастеров слова от земной основы (“почвенников”) и относится с полным правом наш земляк, известный в Казахстане писатель Александр Егоров”.

В свою очередь Кенек Ногайбаев рассматривает стиль, художественную манеру, изобразительные средства А. И. Егорова вот с такой оценкой: “Во многих произведениях писателя с сыновней любовью к отчему краю выпестована каждая строка... Слова, словно мягкие акварельные краски, в полной гармонии ложатся на белые листы бумаги. Они приковывают внимание, не дают оторваться от них... Точно и умело подмечает автор мельчайшие детали натуры, умело оперирует словами кержацкого диалекта, бисером рассеивает по тексту никогда не слышанные нами сравнения, метафоры; и вместе всё это создаёт живые картины, которые так и стоят перед глазами”.

Впервые я воочию увидел Александра Ивановича лет шесть назад, на бардовском концерте музыкального училища. Зал был переполнен любителями искусства, работниками, деятелями этой духовной сферы. На сцене творил своё действо, демонстрировал мастерство весь цвет “Зелёной кареты”. Зрители тепло аплодировали певцам. От сугубо писательской братии музыкально-певческие номера разбавлял стихами лишь один человек. Им как раз и оказался Егоров. Для начала Александр Иванович выдал одну вещь Павла Васильева — “Стихи в честь Натальи”, затем выплеснул свои творения. Но как выплеснул! С каким артистизмом, с каким энергетическим и чувственным накалом! В общем-то, Егоров неказистый на вид — небольшой росток, щупленький. Однако мне он казался тогда мощным гигантом, богатырём. Голос его звучал то тихо, с приглушённой страстью, а то вдруг взрывался громopodobным раскатом. Зал гремел овацией, покрываемой криками “Браво! Бис!”. Ни одного барда так не встречали. А ведь многие из них — лауреаты и казахстанских, и российских конкурсов.

Ведущий программы концерта Евгений Зинин, выйдя на сцену, крикнул своим собратям и сподвижникам, стоявшим за кулисами:

— Вот, барды, учитесь у поэтов, как надо выступать!

Я тогда, признаться, не знал, что Егоров вдруг на 73-м году жизни бросится и на поэтическую стезю. Оказывается, у прозаика таился и этот дар. И вот вырвался наружу. Ужасно захотелось встретиться со своим земляком. Как же —

артист, живописец, прозаик, поэт! Да ещё с настоящей русской душой — доброй, вдохновенной, страстной, отзывчивой...

И вот наконец-то мы наедине с ним. В зале его квартиры. На стенах фотографии, картины. Выделяется пейзаж с алтайской горной природой. Это Развилы, любимое урочище хозяина. Написана вещь маслом на полотне. Роскошный вид! Гордое создание хозяина.

Разговорились. Меня интересует своё. Темперамент писателя, его энергетика. Откуда они у него?

Я сижу на мягком диване, хозяин — в кресле. Сухонький, собранный такой. Но животворящая энергетика так и бьёт из него, как жар горячего самовара.

— Откуда энергетика? — Александр Иванович развёл руками. — А шут её знает. Немного, видимо, в генах перепало от заводного отца. Но в основном, пожалуй, от жизненного опыта. В нашей большой деревенской семье все с детства варились, закалялись в труде. Да и в спорте. Вокруг Кутихинской школы был большой спортивный городок. То же самое имелось и на колхозной пасеке, где трудились родители и я. Старшие братья соорудили и брусья, и турник, и лесенку, и шест для подъёма. Да и в армии я занимался спортом. И бегал, и прыгал. Играл в баскетбол, в волейбол. Имел разряд по спортивной гимнастике. Накаченные мышцы, здоровый дух дают тебе и жизнелюбие, и лихость, и смелость. И эту самую энергетику. В жизни, в экстремальных ситуациях это помогает. Помню, однажды мы с одним другом, Валеркой Карповым, пошли вдвоём пешком через весь Алтай. Без палатки, ружья и топора. Как эксперимент. На Катунь разошлись. Валерий отправился к высокогорному мараловедческому участку по просёлку, через перевал, а я пошёл по старой охотничьей тропе — прямо отвесным берегом реки. Это ущелье — одно из самых страшных в мире. Тропка то виляла по крутым скалам, то терялась... а перед речкой Уймонкой и вовсе пропала на срезе утёса. Внизу — песок. Сбросил на него рюкзак. И сам спрыгнул. Ноги не сломал. Оказался на каменном треугольнике. Ни бревна, ни палки. А из-за утёса белым каскадом вырывается Уймонка и — водопадом в Катунь. Что делать? Пропадать? Нет, нет! Забрался на высокий валун, похожий на трамплин. Прикинул: если разбежаться и — стрелой в белую бурю воды, то секунд за восемь можно уткнуться в берег и ухватиться за ветви ив. Разделся. Связал все вещи в несколько узлов и перекинул их на другой берег. Выпрямился, набрал в себя воздуха...

— И не страшно было?

— Я об этом и хотел сказать. Ничуть. Чувствовал какое-то упоение красотой жуткого и сумасшедшего поступка. Этот взлёт духа и помог мне перелететь через белую трубу речки...

— Это всё в личной жизни, — констатирую я. — А как это отразилось в вашей прозе?

— В моих рассказах, повестях, романах всё это и отражено. Роман "Таёжный затворник" — это живой кусок жизни первой военной зимы. Ни малейшей выдумки. Как я остался в плену Катунь и Уймонки, так и мой Сенька Желаев оказался пленником трёх пасек и лютой таёжной зимы. Ему тоже надо было преодолеть эту преграду, выдержать, победить. Чувство долга, ответственности, этот всеильный дух, помогли и подростку взлететь к упоительной победе. За три последних месяца без куса хлеба он спас себя и три пасеки. А где-то шла война...

— Да, это весомо, — соглашаюсь я. — Ну это один роман. А как все остальные?

— У меня вся проза построена на реальных событиях с реальными героями. Даже имена и фамилии их действительные.

— Так что же происходит в литературе — возвращение к натурализму?

— Нет-нет. Это новое направление. Его предвидели ещё классики. Гоголь говорил об этом примерно так: “Задача художника — извлечь из обыкновенного необыкновенное, но так, чтоб оно было истинной правдой”. Он как будто предвидел новую прозу. Ещё дальше Гоголя пошёл Лев Толстой. Вот его слова: “...писатели, если они будут, перестанут выдумывать и станут просто рассказывать о том, что им встретилось интересного в жизни”. В XIX и XX веках литература и шла к этому. Были и прорывы к такому методу. Это “Записки охотника” Тургенева, “Севастопольские рассказы” самого Толстого. И всё же за последние два века литераторы создавали в основном собирательные образы с придуманными сюжетами.

— Российский прозаик Юрий Петухов назвал свой метод сверхреализмом. Но у него много выдумки, фантазий.

— Думаю, это ошибочное утверждение, — хозяин поднялся с кресла и, заломив руки за спину, заходил по цветастому паласу. — Как понять этот сверхреализм? Это что же — сверхнатурализм? Нет и нет. Новый метод скорее можно назвать аналитическим реализмом. Свои вещи я отношу именно к этому методу. В повестях и романах я анализирую действительные события, характеры реальных людей с философских и нравственных позиций, с обобщающими выводами. Возьмём роман о коллективе УМЗ “На стрежне века”. В Советском Союзе было около полутора тысяч предприятий, связанных с атомным производством. И вдруг УМЗ выходит на первое место. Многие технологические прорывы вваливал на свои плечи именно этот славный коллектив, возглавляемый Потаниным. По договору я должен был описать историю завода. И всё. Мне же этого было мало. Я стал искать истоки побед предприятия. И нашёл их. Коллектив завода не представлял собой слоёный пирог: сверху — оторванная элита, внизу — простые работяги. С помощью Потанина коллектив был сплочён в единую семью. Каждый работник здесь знал, что он получит по зарплате не только за то, что он сделает сам, но и за то, что сотворили люди смены, бригады, цеха, завода в целом. Всеохватная материальная заинтересованность, всеобщая духовная спайка. Это и есть формула новой мировой гармонии, о которой мечтал Достоевский. Вот так я её сформулировал: “Совладение всех общей собственностью, соучастие всех в общем деле”. По такой формуле должен и работать, и жить любой коллектив, любое общество. Да и всё человечество. Вот к какому открытию привела меня аналитическая проза. Натурализмом здесь и не пахнет.

Характерен в этом плане мой новый роман “Разрушенная деревня”. Через гибель одной деревни, через разор одной реальной усадьбы я высвечиваю и крушение советской державы, и тупиковую ситуацию всей современной человеческой цивилизации. Ничего себе — натурализм!

— И всё-таки некоторые литературоведы утверждают: реализм в литературе терпит крах.

Егоров живо, с горячностью возразил:

— Нет-нет! Реализм вечен. Он только будет видоизменяться, всё более наполняясь соками самой жизни.

Вот на такой ноте завершилась наша беседа. На этой ноте поставлю и я точку в очерке о русском писателе А. И. Егорове. Его феномен — в утверждении нового, документального, аналитического реализма.

г. Усть-Каменогорск.

Точка зрения

Галим КУДАЙБЕРГЕНОВ

Наш адрес: НИ ДОМ И НИ УЛИЦА...

Часть I

Джунгарское ханство

Название повествования — строка из некогда популярной песни прошлого столетия. Как мне представляется, в ней отражена география и топонимика некогда существовавшей и неожиданно исчезнувшей страны...

Топонимика, видоизменение смыслов, терминов, которые они претерпевают с течением времени в различных местностях, дают немало сведений и указаний на ход политики, перемещение народных масс и взаимное влияние на этот процесс соседних народов.

В абсолютном большинстве с детских лет мы любим путешествовать. Кто как сможет или кому как повезёт. С возрастом, по мере накопленных знаний, жизненной мудрости в результате путешествий возникает масса вопросов: “Что, как и почему?”.

Начав поиски ответов на них, открываешь новые интересные факты. А это новый повод для новых путешествий! Воистину: “География — служанка истории!”, а история — вечный двигатель познания. А что было раньше?!

Многое происходит на наших глазах. Меняется Власть. Политика. Под неё переделывается, переписывается История. Так было во все времена! Но начинается всё почему-то с топонимики. Меняют названия улиц, площадей, сёл, городов. Может быть, вся причина в том, что их менять просто и легко. На переименованиях некоторые продвинутые люди, пребывая в соответствующих комиссиях, самоутверждаются в процессе увековечения имён, среди которых нередко значатся родичи отдельных “переименователей”...

Когда я работал в Монголии, много ездил по стране, не переставал удивляться многим названиям местностей, гор, рек, озёр, а произнося их по-монгольски, чувствовал неповторимый аромат моего родного языка — казахского.

Оно и понятно. Монголия — пуповина Азии. Здесь возникали многие великие кочевья. Монголия — родина тюрков. Свидетельство тому каменные изваяния, с застывшей в них изумительной музыкой древнего языка. По мнению

филологов — хранителем тюркского языка, в наиболее сохранившемся виде, является казахский. Что ж, специалистам виднее.

Тем не менее современный казахский, по моему мнению, слишком модернизировался, особенно за последние десятилетия. Появились новые слова, термины, которых ранее не было и в помине. Особенно много сложных образований, где ведущее место принадлежит слову “хана” от персидского “хона” — “дом”.

“Дари-хана” — аптека, “саук-хана” — казино, “зерт-хана” — лаборатория. И пошло-поехало “ханить”.

Кто остановит подобный новояз? Кому это нужно или выгодно? В то время как во всём мире идёт интеграция терминов, мы движемся в другую сторону. А как быть в банковской деятельности? Почему бы банк в таком случае не переименовать в “Тенге-хана”? Или реформаторы боятся олигархов-финансистов, что им может не понравиться подобный термин? А как быть с компьютерной технологией? С общепринятыми в мировой практике терминами в бизнесе, политике? Мы по населению маленькая страна — нас всего 16 миллионов.

Конечно, у реформаторов есть сильные доводы. Например, израильский талантливый лингвист Элизере Бен Иегуда создал современный словарь иврита. Но когда он приступил к осуществлению своего замысла, на иврите не было даже слова “словарь”. На иврите читали только Тору в синагогах.

Или Турция. Великий отец турок Мустафа Кемаль выбросил из турецкого лексикона, в отместку, арабские слова, а арабский алфавит, который был в Турции государственным в эпоху Османской империи, заменил латиницей.

Но это Израиль, Турция!

А не проще ли нам издать “Словарь иностранных слов”? Как в России. Подобным словарём, включающим 20000 слов, пятым изданием которого, выпущенным ещё в 1955 году, я постоянно пользуюсь.

Может быть, имеет смысл призадуматься над синонимами для таких труднопроизносимых, но столь необходимых и важных слов, как, например, “кукык” — “права”. От подобных рациональных действий филологов выиграет всё общество в целом!

Вернувшись домой, я вновь столкнулся с топонимикой, на которую раньше не обращал внимания. Но она, к моему удивлению, нередко была монгольской! Откуда всё это? Однажды возникнув, вопрос этот не давал мне покоя. Эту тему я впервые осторожно поднял в своей книге “Монголия — глазами кочевника”.

Теперь заново пришлось перелопатить сотни книг, в которых одни авторы напрочь отвергали мнение других. Впрочем, так бывает всегда. Итак, начнём с топонимики.

Разложив на столе карту Казахстана, двигаемся по ней с запада на восток. Тут не обойти часть территории России.

Элиста — столица Калмыкии, в переводе с монгольского “песок”. Как откровенно, в шутилой форме делился мой друг — пожилой учёный монгол: “Монголы-кочевники двигались до тех пор, пока не дошли до своих любимых песков. Тогда и успокоились: совсем наша земля!”.

На крайнем западе Казахстана посёлок Сайхин, в переводе “красавица”. Как поясняют некоторые источники, Чаган, на месте слияния которого с Уралом стоит город Уральск, происходит от монгольского “цаган” — “белый”.

Река Хобда в Актюбинской области. В Монголии на западе страны расположен красивый город Ховд — центр одноимённого аймака (области).

В Акмолинской области — знаменитый Кургальджинский заповедник с сетью озёр, где обитает самая северная в мире колония розовых фламинго, ныне взятый под эгиду ЮНЕСКО. Название происходит от монгольского “корган дюржин”. Местные охотники и рыбаки показывают туристам остатки арыков, прорытых руками. По их словам, на прекрасных пастбищах останавливались конники хана Батия, спрятали здесь клад, который многие любители приключений ищут до сих пор!

Название жемчужины Казахстана “Зеренда” происходит от “дзерен” — а это синоним “джейрана” — многотысячные стада этих грациозных животных некогда проносились здесь. Они и сейчас пересекают дорогу в степях Монголии, когда едешь в овечный легендами Халкин-Гол.

Джунгарский Алатау, Джунгарские ворота. Это только незначительная часть топонимических названий — наследие Джунгарского ханства. Вечного врага казахов. Кто они? Где они сейчас? Испарились! Исчезли! Оставив в памяти народной негативные воспоминания. Постоянно подогреваемые идеологами — национал-патриотами, для которых поиск вечного врага и превознесение собственного имени — своеобразная реклама, теперь уже политическая.

XVI век, первая половина XVII столетия — особое место в истории Западной Монголии.

Занимая в то время северную часть современной китайской провинции Синьцзян (Новая граница), джунгары без особого кровопролития заняли огромную территорию в Азии. От Алтая на востоке до Каспийского моря на западе. На юге до пределов Индии. Как бы частично восстановив империю Чингисхана.

Пройдя через горный проход в Алтае, который впоследствии был назван “Джунгарскими воротами”, они начали кочевать по обширным степным пастбищам Западной Сибири, левобережью Иртыша, от озера Зайсан до линии современной Транссибирской магистрали (Петропавловск — Новосибирск), пока не очутились в низовьях Волги, где образовали Калмыцкое ханство, подвластное русскому царю.

Движение на северо-запад было единственно свободным направлением, освоение которого шло по современной линии Семипалатинск, Павлодар, Акмолинск, далее на запад. Только этот регион был мало заселён и освоен. Оно и понятно. Маловодная сухая степь!

Движение джунгар на север и восток было закрыто Алтан-ханом — их соплеменником, лидером восточных монголов — халхов. На запад путь преграждали казахи, которые стремились полностью вытеснить их из Семиречья и прилегающих к нему областей.

До этого периода взаимоотношения кочевников в течение столетия были мирными и добрососедскими. Толерантные народы. Широкая душа. Добра всем хватает!

Натиск казахов объясняется просто и обыденно: они тоже испытывали, как и соседи, острый дефицит пастбищ. Обстановка в этот период благоприятствовала казахам. Объединённые под властью Тевеккея, они добились значительных успехов в борьбе против своих главных противников — ханов Могулистана (название тюрок Жагатайского улуса, одних из предков современных казахов Старшего жуза) и Бухары. Упрочили позиции в

долине Сырдарьи, овладели Ташкентом. Подчинили себе некоторые ойратские княжества.

В этих условиях изгнание джунгар из долины Иртыша было первоочередной задачей. Борьба с переменным успехом длилась почти два века до развала и распада Джунгарии, положение которой в это время из-за внутренних противоречий было крайне тяжёлое. В мрачных красках рисовалось будущее. Отдельные племена покорятся мусульманам, другие — Китаю и Тибету, третьи — России.

Едиственным органом, имевшим возможность хоть как-то регулировать внутренние разногласия и сглаживать конфликт князей, был Чулган.

Чулган — традиционная форма феодальной демократии. Некоторые авторы приписывают Чулган наследию Чингисхана “Ясе”. Так назывался свод законов, игравший заметную роль в общественно-политической жизни Монголии.

История взаимоотношений между кочевыми народами того периода нашла отражение в литературе. Особой популярностью среди казахского народа пользовался эпос “Козы-Корпеш и Баян-Слу”, имеющий пятнадцать или шестнадцать вариантов изложения.

История любви проходит по местам многочисленных кочёвок, которые говорят сами за себя: Семей, Коканд, Ташкент, Аягуз, Кульджа, Чирчик, Сырдарья, Лепсе, Урджар, Жетысу, Бетпак-Дала, Кар-Каралы.

Любовь молодых усилена и драматизирована наличием третьего “лишнего” Кодара, который был торгоутом, то есть чужаком — ойратом.

Спустя столетия, в конце XX века к теме взаимоотношений кочевых народов в новой политико-идеологизированной форме “манкуртизм” вернулся в одном из своих прекрасных романов “И дольше века длится день” писатель Чингиз Айтматов.

Отмечу, что под различными названиями в художественной и исторической литературе — ойраты, джунгары, калмыки — значится один и тот же народ — монголы.

Как и почему произошло подобное разделение? Попытаюсь объяснить. Версия эта не претендует на истину в последней инстанции.

Ойраты. Здесь необходимо сделать отступление во времени.

В 1227 году умер Чингисхан. Чувствуя приближение смерти и осознавая, что она создаст для его близких большие проблемы, видя раздоры между старшим сыном Джучи и вторым Джагатаем, он передал власть третьему сыну Угедэю — более миролюбивому, терпеливому и менее честолюбивому.

Согласно завещанию, его официально должны были провозгласить верховным ханом — каганом через три года. До этого периода обязанности кагана исполнял младший сын Тулуй, который жил и кочевал вместе со своей матерью, хранительницей семейного очага Бортэ, на территории современной Монголии по рекам Онон, Орхон, Керулен.

По одной из версий, Угедэй принимал пищу только после того, как её попробовал младший брат, — во время одной из подобных дегустаций Тулуй был отравлен...

Ещё при жизни Чингисхан свою империю разделил между сыновьями: Джучи досталось пространство от Алтая до Волги и Каспия, Джагатаю — Средняя и Малая Азия, Тулую — Монголия до Тибета. Угедэй должен был руководить всей империей.

Старший сын Чингисхана Джучи умер ещё при жизни отца. Власть была незамедлительно передана его второму сыну Батюю, впоследствии сопровождавшему нового верховного хана Угедэя в его китайском походе.

Власть в империи перешла к Угедэю, а после его смерти к его сыну Гуюку, которого впоследствии сместил сын Тулуя Мункэ с помощью Батия.

Это захватывающая интрига борьбы за власть! После удачного китайского похода, выполняя заветы Чингисхана, монголы двинулись на запад во главе с Батием. В его войсках наряду со старой гвардией — полководцами Джабе и Субутаем, были многочисленные внуки Потрясателя Вселенной. В этом походе Батый подружился с Мункэ. В то время как Гуюк, став верховным ханом, решил избавиться от них обоих. Он завидовал успехам Золотой Орды. Батый, зная это и несмотря на приглашение, не появлялся на курултае. А когда он решился на поездку, судьба Гуюка была решена.

Завершилась эпоха наследников Угедэя. Наступило время наследников Тулуя, с чем никак не могли смириться бывшие тронодержатели. В конце концов их выслали на запад страны. На то и Власть. Её не дают. Её завоёвывают!

По времени это совпадает с периодом распада правления монгольской, или юаньской династии в Китае.

Переместившись на запад, пассионарии смешались с проживавшими там ойратами, приняв при этом их название. Во времена Чингисхана ойраты, как союз племён, принимали активное участие в его завоевательных походах на самостоятельных правах, занимая левый фланг его войск. Отсюда впоследствии возникли антоним “дзунгар” (левый) и топоним “Джунгария”.

“Калмык” — название происходит от тюркского “хальмык”, что означает остаток. Возникло в мусульманской среде в XV веке для обозначения ойратов, не принявших ислам.

Русские приняли это название не ранее конца XVI века. В то время как сами калмыки приняли его гораздо позже. До этого периода они называли себя либо ойратами, либо прежними племенными именами: торгоутами, дорбетам, чоросами, хойтами.

В армии Чингисхана они составляли отдельные подразделения: торгоуты — дневная стража, охрана ставки; дорбеты — построенные в каре (строение пехоты в форме четырёхугольника для отражения кавалерийских атак); чоросы — отдельный отряд; хойты — арьергард войск.

В начале 80-х годов прошлого столетия, когда я работал в Монголии, абсолютное большинство в руководстве страны, включая генеральных секретарей ЦК, президентов Ю.Цэдэнбала и Ж.Батмунха — выходцы из Западной Монголии (Убсунурский аймак) — дорбеты.

В 1434 году ойраты напали на восточных монгол, в наказание за то, что те занимали прокитайскую позицию. Спустя десятилетие они разгромили китайские войска, но отказались от захвата Восточной Монголии, где к власти вернулись чингизиды. Таким образом, они стали как бы степной республикой, отказавшись от имперских амбиций.

В течение 1452-1455 годов ойраты совершили грандиозный набег на запад, после чего на карте Азии исчезла Белая Орда, на месте которой сформировались различные племенные союзы, заменившие ханскую власть советами князей.

Приблизительно на это время приходится рождение легенды о происхождении казахов и казахских жузов: у одного из ханов 32 тюркских

племён от пленницы родился сын, названный Ала (“пёстрый”). По наущению старшей жены хан решил избавиться от этого ребёнка и отвёз его за Сырдарью, где он был усыновлён каким-то бедняком.

Спустя годы юноша прославился своими подвигами. Ну чем не “Гадкий утёнок” Андерсена! Добрая молва о нём дошла до хана, и тот решил вернуть сына домой.

Советники хана Котан-бий и Майлы-бий посоветовали послать за ним сотню джигитов во главе с его старшим сыном Уйсун.

Прибыв на место и подружившись со своим братом, Уйсун отказался возвращаться домой.

На следующий год был послан второй сын, который тоже не возвратился. На третий год был направлен младший сын Алшын, но и тот тоже остался в тех краях.

Объединившись, братья принялись нападать на соседей, и их за дерзость стали называть казахами, то есть “свободными”, “вольными”, как отделившимися от своего рода-племени.

Брошенного ханом сына Ала братья, подняв на белой кошме, избрали своим ханом, дав ему имя Алаш.

Уйсуну выделили верхнее течение Сырдарьи, второму брату — среднее, Алшыну — нижнее. Примечательно, что имена сыновей хана Уйсун и Алшын совпадают с названиями крупных племён Старшего и Младшего жузов.

Легенды не возникают просто так, на пустом месте. Вспомним хотя бы легенду о Трое.

Таким образом, после распада Белой Орды племена вернулись к идиллии, утраченной в XIII веке, периоде формирования мировой империи — своеобразной глобализации, говоря современным языком, принялись за реставрацию дочингисовских социальных структур, при сохранении этнических норм в среде кочевников.

Теперь сил хватало лишь на междоусобицы и взаимные набеги, но не на завоевания, какими бы заманчивыми они ни были.

С позиции социальной истории эти изменения, произошедшие в Великой степи, следует рассматривать как регресс, поскольку восторжествовали традиции родоплеменного строя.

Пользыномадам от этого было мало. Межплеменные войны сопровождались постоянным угоном скота — нарушением экономики как у победителей, так и у побеждённых. Молодёжь занималась не созидательным трудом, а бессмысленным кровопролитием. В социально-экономическом аспекте кочевой мир сделал шаг назад!

Началом официальных русско-джунгарских отношений считается 1607 год, когда в г. Тару прибыла делегация, которая просила у русского правительства разрешения кочевать вверх по Иртышу и оберегать от набегов казахских ханов.

В ответ было заявлено: “Не приняв русского подданства, они не имеют права кочевать и должны эту территорию покинуть. Если же они присягнут на верность царю, это право им будет дано”. После падения Кучумского ханства, благодаря стараниям Ермака Тимофеевича, большая часть Западной Сибири принадлежала уже русскому царю.

К этому периоду положение джунгар стабилизировалось после их победы над восточными монголами и казахскими ханами.

К середине второго десятилетия XVI века все влиятельные князья Западной Монголии приняли ламаизм.

Но это никак не отразилось на политическом положении религии в светской жизни, где власть была сосредоточена в руках единодержавного хана. По этой причине в дальнейшем ни в Джунгарском, ни в Калмыкском ханствах не сложилось централизованной организации ламаистской церкви, подобно той, которая возникла на востоке Монголии.

Тем временем из-за внутренних распрей часть джунгарских князей всё больше и больше проявляла интерес к огромному и богатому пастбищам региону между Волгой и Аральским морем, именуемому Ногайской степью, которая тогда была малообитаемой. Летом и осенью она превращалась в арену взаимных набегов кочевников с целью угона скота друг у друга.

Её бескрайние просторы могли полностью удовлетворить потребности в пастбищах, обеспечив независимую и спокойную жизнь. Политическая обстановка не препятствовала их планам, тем более что в тот регион джунгары уже многократно хаживали, знали все пути-дороги.

К началу XVII века произошло окончательное разделение ойратского общества, часть которого численностью около четверти миллиона человек под руководством хана Хо-Урлюка начала откочёвку в район Поволжья.

Двигались номады медленно. Торопиться им было некуда. Люди не проявляли особого желания покидать родные края.

Даже в XXI веке трудно представить себе картину одновременного конно-пешего передвижения четверти миллиона человек по огромной бескрайней степи с юго-востока на запад Казахстана на расстоянии нескольких тысяч километров по тылу и фронту.

Помимо людей — это и несколько миллионов голов различных видов скота: овец, лошадей, верблюдов.

Всех их надо было охранять, оберегать, заботиться круглый год. Так что по времени кочевье длилось не меньше десятка лет, если не больше.

Постоянная боевая готовность, разведка, дозор. Тем не менее люди двигались. Какая идея владела ими?

Понятно, места эти были им хорошо знакомы. По пути ойраты спокойно переправились через несколько десятков мелких и средних рек, а также преодолели крупные водные преграды: Эмбу, Урал, Волгу. Они и раньше бывали в ногайских степях, но, отдохнув на джайляу, возвращались домой в Джунгарию.

Теперь, став калмыками, они двигались на запад, по всей вероятности, не сомневаясь, что покидают родные края навсегда.

Но у истории свои законы. Пройдёт полтора века, и большая часть из них вернётся на “землю обетованную” — в Джунгарию. Подобно евреям, бежавшим из египетского плена. Не ведая и не гадая, что на некогда исторической родине калмыки попадут под геноцид. Как, впрочем, зачастую бывает с возвращенцами.

Зная храбрость, отвагу и преданность калмыков, русская власть использовала их на службе в ратных делах на новых землях.

Для повышения статуса, карьерных интересов калмыков — традиционных кочевников — стали приучать к оседлости. В 1737 году с началом организации Астраханского казачьего войска был создан отдельный полк из числа крещёных калмыков.

Спустя почти два века из их потомков выйдет командарм 2-й Конной армии, кавалерист, военачальник, генерал-полковник, Герой Советского Союза Ока Иванович Городовиков.

Интенсивное освоение степных пространств и их заселение, в том числе немецкими колонистами (Визенталь, Сарепта) ещё до известного манифеста Екатерины II, привело к значительному сокращению пастбищ и изгнанию с них калмыков.

В борьбе за власть среди калмыцкой элиты усилились внутренние противоречия, подогреваемые коррупцией, произволом, взяточничеством и вседозволенностью русской администрации, что сыграло на руку “патриотам” Великой Джунгарии, откуда в своё время бежали калмыки.

В 1770 году 30 тысяч юрт под руководством хана Убаши двинулись из междуречья Урала и Волги к другой реке на востоке — Или.

Чтобы вернуть бежавших на прежние места жительства, губернатор Оренбургской губернии И.А. Рейнсдорп дал приказ хану Нуралы — лидеру Младшего жуза, принять все меры для возвращения калмыков — с правом сражаться и пользоваться награбленной добычей. Аналогичную команду получил хан Средней Орды Аблай.

Это было излишним. Поскольку каждый казах рвался в бой с калмыками и... грабить их. Впрочем, это аксиома всех войн! Победителей не судят!

Вся степь от реки Урал до китайской границы с нетерпением ждала возвращавшихся калмыков с их жёнами, детьми, стариками, имуществом, многочисленными стадами животных, а те пребывали в ожидании встречи с мифической родиной.

В помощь казахам были брошены регулярные войска из района Орской крепости под командованием капитана И.Рычкова. Погоня эта описана им в книге “Дневные записки путешествия по Киргиз-кайсацкой степи”.

Войсковая погоня не удалась. Измученные от голода и жажды солдаты начали опухать от болезней, лошади сбивали копыта, начали падать. Возле гор Улытау войска с большими потерями вынуждены были вернуться по современной линии Караганда — Кокшетау — Троицк в Россию.

А каково было бегущим калмыкам, которые во враждебном окружении день ото дня всё более удалялись от мест недавнего обитания? Невозможность остановить их становилась всё очевиднее.

Избавившись от казахов, калмыки оказались в руках киргизов...

В общем, калмыцкий хан Убаши вступил на землю “обетованную” не как её владелец, каковым он мечтал быть, оставляя Волгу и Урал, а в виде униженного подданного, спасающего собственную жизнь.

Число приведённых калмыков в Джунгарию — а теперь в Китай, составило меньше половины от первоначального откочевания. Таков печальный итог ностальгии по Родине!

За Волгой калмыков осталось всего 13 тысяч юрт. В октябре 1771 года было ликвидировано Калмыцкое ханство. Оставшихся передали в ведение Астраханского губернского правления. Крещёных калмыков, живших на Дону, зачислили в число донских казаков.

11 марта 1801 года указом императора Павла I по представлению губернатора Астраханской губернии К.Ф. Кнорринга земли, покинутые калмыками, были переданы внуку Абулхаир-хана султану Букею. Позже эту местность называли “Букеевской Ордой”.

Спустя полтора века декретом ЦИК и СНК была создана Калмыцкая автономия в составе РСФСР. В 1927 году её столицу из Астрахани перевели в Элисту. С декабря 1942 года по январь 1943 года Калмыкия находилась под гитлеровской оккупацией, за что жестоко пострадал народ, обвинённый в пособничестве врагу. (Хотя такие факты действительно имели место). Калмыков выслали в Казахстан, Среднюю Азию и Сибирь. А их автономия была упразднена и восстановлена лишь в 1957 году!

Вот такими иногда трагическими и жестокими бывают зигзаги истории, которые всегда надо помнить.

В результате распада одного ойратского образовались два ханства: Джунгарское на востоке и Калмыцкое на западе.

Теперь необходимо пояснить, что представляла собой Ногайская Орда, Ногайская степь, куда в начале XVIII века держали свой путь калмыки, — под именем ногай обитал тюркоязычный кочевой народ исламской веры.

Ногайская Орда — крупное государственное образование, возникшее на западе территории современного Казахстана, в ходе распада Золотой Орды оно состояло преимущественно из мангытов.

Во второй половине XIII века мангыты входили в состав владений временщика Золотой Орды Ногая, отсюда и название “Ногайская Орда”.

Основная её территория находилась в степях между Волгой и Уралом, центром которой был город Сарайчик в устье реки Урал. Спустя годы кирпичи Сарайчика были использованы купцом Михаилом Гурьевым при строительстве одноимённого каменного городка взамен деревянного острога. Ныне это город Атырау — нефтяная столица Казахстана.

Нанеся сокрушительное поражение хану Золотой Орды Тохтамышу в 1396 году, Хромой Тимур не сумел окончательно сломить Орду. Он оставил на её теле “занозу” в лице верному ему мангыта, мурзы Едигея, ставшего фактически “правителем дворца” и всего Джучиевого улуса и возводя на роль новых лидеров поочерёдно его правителей. Едигей — основатель Ногайской Орды.

Политическая и экономическая власть после его смерти находилась в руках мангытов — потомков Едигея, и наследовалась в порядке родового старшинства.

Существовала традиция, по которой без согласия потомков Едигея возведение ханом кого-либо из чингизидов на территории владения считалось недействительным.

Племена, населявшие Ногайскую Орду в процессе её распада, непосредственно участвовали в сложном этническом процессе формирования казахов Младшего жуза. В период правления Едигея ногайцы вышли из состава Золотой Орды, позже от неё отделились Крымское и Астраханское ханства.

Борясь за свою независимость, они были постоянными врагами Золотой Орды, её столица Сарай пала в 1480 году, в чём абсолютно не были заинтересованы русские князья. Это было делом рук ногайцев и крымцев.

Пассионарность к этому периоду окончательно и бесповоротно переместилась к Москве. Древняя Русь стремительно превращалась в Великую Россию, в то время как в Орде вооружённые до зубов воины различных племён в кровавой борьбе за власть вырезали друг друга. Простой люд, не желая кровопролития, хлынул в Русь, чтобы служить великим князьям за скромное жалованье.

Это означало необратимый конец Орде. Москва стала стремительно превращаться из княжества в царство. По всеобщему признанию, выходцы из Орды в XV веке были лучшими в мире специалистами по конному строю и манёврам. Эти рубаки и конные стрелки были для русских людей чужими, но они женились на русских женщинах, их дети и внуки становились россиянами.

Не прошло и века, как Иван Грозный в 1552 году начинает кампанию и завоёвывает Астраханское и Казанское ханства. Всё Поволжье до Каспия было присоединено к России. Мусульмане впервые становятся российскими подданными. Астрахань, более известная в хрониках того периода как Хаджи-Тархан, была взята без боя.

Ногайская Орда, снижая свои непомерные амбиции, постепенно устанавливает торгово-экономические и политические связи с Русским государством.

Для защиты Волжского торгового пути и распространения русского влияния на восток в 1586 году основана Самара, в 1589 — Царицын, в 1590 — Саратов. Одновременно со строительством городов-крепостей дальновидно и предусмотрительно следом наступала идеология с целью повсеместной христианизации края.

В 1586 году в Астрахань прибыл игумен Кирилл, основавший первый монастырь — Троицкий.

В 1596 году на Яике был основан Яицкий городок. Кочевавшие там ногайцы были приняты в русское подданство. Городок возник не на пустом месте, а на месте коша. Название говорит само за себя, кош с тюркского — “кочевье”.

Вот что написал об истории происхождения народа, который стал именовать себя яицкими казаками, посетивший Яицкий городок в 1778 году член-корреспондент Петербургской академии наук П. И. Рычков, отдавший много сил изучению этого края.

История эта привлекала А. С. Пушкина, когда он собирал материал о Пугачёвском восстании, и во время написания “Капитанской дочки”. П. И. Рычков слышал эту историю из уст войскового атамана Андрея Бородинна, тот от своего предшественника, а он от своей бабушки. В годы её молодости, когда ей было двадцать лет, знавала она престарелую женщину-татарку по прозвищу Гутниха, которую взял в жёны первый атаман края, донской казак Василий Гутня — вот от них и берут своё начало яицкие казаки.

Несомненно одно и самое главное: народ, живший в этих краях, является основой, от него произошли яицкие казаки.

Как мне представляется, в те далёкие годы практически невозможно было заполнить огромный степной край беглыми крестьянами из малообжитой центральной полосы России, тем более с её севера. Эта возможность появилась гораздо позже при грандиозных реформах и наличии технических средств (П. Столыпин, И. Сталин, Н. Хрущёв).

Тем более, всего лучше и проще прибегать к услугам местного народа, который к тому же не был фанатически религиозен. Православие давало ему огромный материальный и моральный шанс в улучшении жизни.

Медленно, шаг за шагом на службу стали призывать местный люд, который стал отходить от своего народа, превращаясь в государственных служащих. Их обязали принимать присягу, они получали денежное довольствие и другие льготы.

Главной движущей силой при этом было принятие православия. При этом после крещения давалось новое наименование “казак”, означавшее не степное сословие, а участник казачьего войска.

С Яицким городком, ныне Уральском, связаны имена грозных атаманов-казаков, которые, вначале служа империи, спустя некоторое время превращались в головную боль Власти. Так продолжалось в течение полутора веков. В местах своего пребывания атаманы наводили страх и ужас, занимаясь грабежом и насилием. Впрочем, это типичная черта для всех смут. Но об этом позже.

После откочёвки в низовья Волги ойратами, как уже упоминалось, было основано Калмыцкое ханство.

Москва разрешила им свободно кочевать, защищать новые земли от недругов. Шла навстречу в вопросах торговли, требуя в обмен принятия русского подданства и обязательства служить русскому царю — вечно и неотступно.

Тем более, с самого первого периода переселения калмыков в Поволжье они во главе со своим ханом Хо-Урлюхом неоднократно пытались овладеть Астраханью, а до этого на город ходили походом ногайцы.

Оставив в покое калмыков, обратим внимание на джунгар, которые занимали огромные степные пространства южной и западной Сибири, Восточного Туркестана, непосредственно соприкасаясь с границами набирающей силы и мощь молодой России и Китая.

1635 год считается годом образования Джунгарского ханства с лидером Эрдэни-Батур-хунтайжи. Годы его правления — стабильность, которая позволила ему в сентябре 1640 года (сентябрь — лучшее время года в этом регионе) провести в Тарбагатае всемонгольский съезд ханов и князей, куда съехались лидеры Восточной, Южной, Внутренней Монголии, Джунгарии, Калмыкии.

На съезде был принят ряд документов. Участники съезда торжественно поклялись выполнять принятые обязательства. Вот некоторые из них:

— обеспечение внутреннего мира. Невмешательство во внутренние дела друг друга;

— урегулирование старых споров, взаимных претензий, постоянно таивших в себе угрозу военных конфликтов и междоусобных войн;

— предусмотреть меры борьбы против внешнего врага, вплоть до применения смертной казни;

— к лицам, которые, узнав о неприятельском вторжении, не сделали всего необходимого для широкого оповещения о возникшей опасности (предательство);

— к лицам, не явившимся по вызову на место сбора для участия в походе (дезертирство), кто не оказал помощи в бою князю.

Съезд решил предать забвению взаимные претензии, возникшие до 1628 года — периода отделения калмыков от джунгар.

Был узаконен ламаизм как официальная государственная религия.

Второй всемонгольский съезд состоялся спустя почти полвека, на него ханы съехались от Джунгарских ворот до Большого Хингана, от Хэнтэйских гор до Гималаев, от Лхасы до Пекина. Прибыли и калмыки с Волги. Этот съезд старательно готовил и Тибет от имени Далай-ламы V, Пекин от имени императора Поднебесной Кан-си — с целью примирения монгольских ханов и признания их величия.

Каждый хан имел свою ставку с белой юртой в центре. По утрам и вечерам над юртами висел сытый мясной дух. Слуги бежали от телег к юртам своих повелителей, волоча тяжёлые бурдюки с кумысом. На ханских столах впервые появились экзотические напитки: китайская и русская водка. Несмотря на мирный тон съезда, где на устланных мягким войлоком и звериными шкурами кого-то с кем-то мирили-примиряли, возникла и первая заминка — кого, где и с кем рядом посадить. Тем не менее по завершении курултая все монгольские лидеры торжественно провозгласили: “Отныне клянёмся жить в вечном мире!”. Однако не пройдёт и года, как эти слова останутся “гласом вопиющего в пустыне”.

Таким образом, идея объединения — как воздух — витала в монгольской среде. Самое главное, под чьим и каким знаменем? Вот в чём суть проблемы!

Оставив монголов, вернёмся к взаимоотношениям джунгаров с казахами.

Локальные стычки между номадами всегда происходили за среду обитания, даже среди единоверцев. А тут появляются джунгары, и теперь это уже не только территориально-экономические, но и политические войны: разные религии — ислам и ламаизм.

Первая война казахов с джунгарами произошла в 1630-е годы, вторая — в 1643, третья — в 1651-1652 гг.

Если в конце XVI и начале XVII веков объединённым казахским племенам противостояли разрозненные малосильные ойратские княжества, которые постоянно терпели поражения, то с организацией единого Джунгарского ханства положение круто изменилось.

Казахи, разобщённые после смерти хана Тевеккеля, в борьбе за власть противостояли друг другу. А для победы над своим соперником стали прибегать к помощи ойратских князей, что было на руку джунгарам.

В третьей войне отличился 17-летний Галдама — племянник джунгарского хана Галдана, который в единоборстве победил казахского хана Джангира, что и решило исход сражения.

Спустя столетие правнук Джангира султан Аблай отомстит за своего предка, поставив окончательную точку в вековой борьбе... Но это произошло потом.

После этой битвы джунгары шаг за шагом теснили казахов, облагая побеждённых данью.

По завещанию Чингисхана, они не вмешивались в духовную жизнь подвластного им народа. Как это было раньше и на Руси.

Там, где у власти стояли духовные лидеры мусульман — хаджи (Туркестан, Средняя Азия), их не свергали. Установив вертикаль власти, джунгары оставляли своего наместника с отрядом войск.

Недолго продолжалось относительно мирное сосуществование между джунгарами и казахами. Война между ними в 1698 году положила начало новой полосе вооружённых столкновений, следовавших одно за другим.

Формальным поводом для начала этой войны, по мнению джунгарского хана Цэвен-Рабдана, стало вероломство казахского хана Тауке, который обратился к нему с просьбой помочь освободить его сына, взятого в плен его предшественником и отправленным к Далай-ламе в качестве подарка.

Добившись освобождения, Цэвен-Рабдан отправил ханского сына в сопровождении 500 воинов, которые по прибытии были ограблены, убиты, взяты в плен (повторение отарской истории, когда послы Чингисхана были перебиты Кадыр-ханом, наместником хорезм-шаха).

Затем люди Тауке-хана напали на караван, в котором везли в Джунгарию с берегов Волги невесту Цэвен-Рабдана, дочь калмыцкого хана Аюка. Ограбили купцов, возвращавшихся из России с товаром.

Браки между верхушками Джунгарии и Калмыкии служили средством для достижения более широкой цели — взаимной военной поддержки, возвращению калмыков с Волги в Джунгарию.

Россия внимательно следила за подобными связями, стремясь сохранить над ними контроль. Главное — не дать им объединиться.

Как отмечает знаток истории, географии и этнографии казахов, который, по мнению Ч. Валиханова, является “Геродотом казахского народа”, А. И. Левшин: “Если бы джунгары, уже давно покорившие Большую казачью орду и имевшие аманатов от всех знатнейших султанов Средней орды, соединились бы по родству и с Меньшею ордою, тогда всё население земель, начиная с нынешних западных владений Китайской империи до северной части Каспийского моря, двигалось бы по мановению одного повелителя, и граница наша от верхнего Иртыша до устья Урала могла бы на всём протяжении своём подвергнуться нападению в один и тот же день”.

В данном случае А. И. Левшин имеет в виду достоверный факт, когда хан Младшей орды Абулхаир тайно послал к джунгарскому хану Ламе-Дорже несколько доверенных лиц с предложением выдать за него замуж свою единственную дочь Зулейху. Однако этому не суждено было сбыться. Произошло убийство хана Абулхаира, Ламы-Доржи и юной красавицы.

За весь период существования Джунгарии ею правили восемь ханов. Если первые четыре правили государством в период её расцвета и могущества от 18 до 30 лет каждый, то последний квартет в пору её развала — не более четырёх лет каждый из них!

Период возникновения, расцвета и падения Джунгарского ханства был временем застоя ближайших её соседей из исламского мира (империи османов — Турция, империи моголов — Индия, империи сефидов — Персия) и времени подъёма России и Китая.

Джунгары хорошо это понимали. Их благополучие во многом зависело от состояния отношений с этими двумя государствами.

После ряда побед над турками Россия овладевает Азовским морем и Крымским полуостровом. Императрица Екатерина II, получив статус покровителя православных христиан, живущих в Османской империи, выселяет мусульман из Крыма.

Позднее Россия, конфликтуя с Персией, вступает в конфронтацию с мусульманами Кавказа. Имам Шамиль начинает 25-летнюю войну (джихаз), которая во многих отношениях повлияла на характер партизанских войн XIX–XX веков.

Но более грандиозными успехи России были на Востоке. Менее чем за полтора века после похода Ермака, вчерне завершив исследования в Азии, русские с поразительной настойчивостью перевалили в пределы Северной Америки.

Одним словом, Джунгария Россию интересовала постольку-поскольку! Слишком уж велика разница в “весовых категориях”. И всё же локальные конфликты между ними возникали. В частности, по поводу подданства племён и народов, обитавших в пограничной зоне: кто является их сюзереном, кто обладает правом собирать с них ясак? В результате возникла идея двоеданства и двоеподданства.

В начале XVII века новая волна русской колонизации устремилась в верховья Енисея, Тобола, Иртыша. В течение первых 15-20 лет вся прииртышская долина была присоединена к России. До этого времени крайним русским поселением на Иртыше была слобода Чернолуцкая, примерно в 60 км ниже впадения Оми в Иртыш.

Успехи русской колонизации неминуемо влекли за собой оттеснение джунгарских кочевий. Так возникли новые противоречия между Российским государством и Джунгарским ханством.

В начале XIX века в Европе появились сведения о якобы оставленном Петром I завещании потомкам и написанном им собственноручно, которое было обнаружено в личных архивах русских царей в 1812 году во время нашествия Наполеона в Россию.

В годы первой мировой войны персидские газеты, когда русские войска находились в этой стране, опубликовали свою версию завещания: “Ключом к Индии служит столица Туркестана. Продвигайтесь вперёд, насколько сможете, через киргизские степи, через Хиву, Бухару”.

Несмотря на свою занятость европейскими делами, требовавшими огромных затрат на содержание армии, Пётр I имел сведения о богатейших “золотых россыпях” в районе города Яркенда. С его одобрения и согласия в июне 1715 года туда была направлена экспедиция под командованием подполковника Ивана Бухгольца в составе трёх тысяч человек на 60 плотах вверх по Иртышу.

К 1 октября отряд достиг Ямышева-озера, известного своими запасами соли, где остановился на зимовку, заложив крепость. Зимой крепость осадил десяти тысячный отряд джунгарских войск, но захватить её не смог. Подкрепление, высланное И.Бухгольцу, было перехвачено. Посла, которого отправили к джунгарам на переговоры, задержали, и он пробыл в плену пять лет.

Весной 1717 года остатки Ямышевского гарнизона (около 700 человек), разрушив крепость, отплыли по Иртышу в Тобольск. В устье реки Омь zaloжили крепость и город Омск.

С момента своего образования Джунгария постоянно воевала с Поднебесной империей за создание единого монгольского государства под своим началом. После падения юаньской династии в Китае (1368 г.) китайцы начали постепенно вытеснять монголов из ранее завоёванных ими территорий, приняв их под своё подданство и обустроивая их под свой стиль и порядок.

Первой приняла правление южная Монголия, ныне Внутренняя Монголия в составе Китая. Второй — восточная Монголия — современная Монголия. Бурят-Монголия, ныне Бурятия — в составе России, оставалась более или менее независимой. И лишь западные монголы, не принимая данного предложения, совершали постоянные набеги на своих соотечественников, за которыми стоял Китай.

Борьба шла с переменным успехом, которая в конце концов завершилась полным и сокрушительным поражением Джунгарии. Она исчезла как государство, её народ растворился в среде своих соседей.

“Нет худа без добра!”. Длительные войны, к которым прибегали джунгары против китайцев, требовали значительных затрат в виде продовольствия, что вынуждало их, типичных кочевников, заниматься земледелием. Первым это понял Галдан Бошокту-хан (1644—1697 гг.). Конечно, там, где проживало оседлое население, было проще. Захватили, обложили данью. Что делать там, где их нет, скажем, в той же Монголии?

В 1685 году Галдан приказывает дорбетам Западной Монголии в районе Кобдо обосновать земледельческую колонию, чтобы они занимались хлебопашеством для снабжения армии провиантом. Возделывались пшеница, ячмень. Просо не успевало вызревать. Урожайность доходила до уровня сам-20... Посеял один центнер — собрал 20! Неплохо!

Именно в этот регион держали путь в 20-х годах XX века будущие академики, Герои труда, селекционеры, соратники Н. И. Вавилова В. Е. Писарев и В. П. Кузьмин. Этот маршрут я повторил в 1986 году, когда работал в Монголии. Такое не забывается!

Монголов, насильно превращённых из кочевников-скотоводов в оседлых хлебопашцев, стали презрительно называть “тарианч”. Земледелием в этой части современной Монголии до сих пор занимаются дорбеты, а также мусульмане, которых в те давние годы выселяли из Туркестана, в основном уйгуры. Китайцы в подобных действиях беспокойных кочевников поддерживали и поощряли.

В начале XVIII века император Кан-Си издал указ о создании земледельческой колонии в районе монастыря Эрдэни-Дзу. Для этого были подобраны пахотнопригодные земли, а сама отрасль велась при непосредственном участии китайцев. Были изданы уложения со специальными разделами “О сене”, “О потравах скотом”, “О продаже семян”, “О воде оросительных каналов” и т. д.

Некоторые из них я выписал из монографии ссыльного профессора В. Ф. Шубина, написанной им, когда он пребывал в Монголии в 40-х годах прошлого века.

В основном это административные меры.

Статья 1.

Категорически запрещается китайцам, проживающим за Великой китайской стеной, по приезду в Монголию заниматься здесь хлебопашеством.

Статья 2.

Наказания чиновникам, которые самовольно привлекали китайцев к хлебопашеству. С них удерживали жалование от 2 до 5 лет. Лишали чинов и прочее.

Статья 3.

Если чиновники, привлекая китайцев к занятию хлебопашеством, пользовались платой за землю, то виновные подвергались наказанию ударами бамбуковой палкой по пяткам, ношению колодок, принудительным работам за вымогательство и превышение власти.

Учитывая кочевой уклад жизни народа, исходя из природных условий окружающей среды, китайцам категорически запрещалось возведение деревянных построек, разрешалось пользоваться только юртами.

Несмотря на строгие запреты, количество китайцев, которые занимались земледелием, постоянно увеличивалось. В связи с этим монгольские власти, с разрешения китайского двора, вынуждены были применять периодическое выселение китайцев из Монголии.

При этом им давались строгие предписания: “В течение 6-12 месяцев ликвидировать свои дела (убрать урожай, собрать долги и т. д.)”. В случае неподчинения виновные подвергались строгим наказаниям.

Имущество китайцев, укравшихся на территории Монголии, конфисковывалось, жилище подвергалось огню. Выселяемым китайцам строгойше запрещалось заводить тяжбу и жаловаться начальству.

Жалобы по поводу конфискации имущества и сожжения построек являлись “дурным примером”, и это в корне пресекалось. Те, кто пытался это сделать, отправлялись на родину под конвоем.

Что касается местного населения, его обязывали ревностно и бдительно оберегать посевы от потравы. Ему предписывалось не допускать скот до границы посевов на расстояние, когда невооружённым глазом не отличишь чёрный цвет животного от белого.

Как уже отмечалось, с 1710 по 1725 год джунгары многократно побивали казахов, а 1723-1725 годы именуются “Годами великого бедствия”.

Беру академическое издание “История Казахской ССР”, т. 3, Алма-Ата, 1979 г.

“Крупное вторжение джунгарских войск в пределы Казахстана произошло в 1710-1711 гг. Насколько серьёзно оно было, можно судить по тому, что в 1710 году было созвано собрание представителей казахских жузов в Каракумах, на котором предводителем ополчения был избран батыр Бокенбай.

— В 1713 году джунгарские войска предприняли новые наступательные действия.

— 1717 год. Каип и Абулхаир с 30-тысячным отрядом совершили крупный поход против Джунгарского ханства. Но на реке Аягуз потерпели жестокое поражение.

Воспользовавшись политической раздробленностью казахских ханов и основательно подготовившись к предстоящей войне, джунгары в 1723 году двинули свои войска в пределы Казахстана. Этот год считается годом начала “великого бедствия”. Казахи были вынуждены отступать и бежать, бросая скот, кибитки, имущество.

Роды Старшего и Среднего жузов переправились через Сырдарью, откочевали к Ходженту, Самарканду. А роды Младшего жуза ушли к Хиве, Бухаре, потом были вынуждены кочевать на запад к реке Урал. В том же 1723 году джунгары, захватив Туркестан, отрезали казахские ханства от таких городских ремесленных центров и рынков, как Ташкент, Сайрам.

В этой чрезвычайно тяжёлой внешней и внутренней политической обстановке казахские ханы и султаны оказались неспособными организовать отпор захватчикам”.

Теперь беру одну из полных монографий “История Джунгарского ханства”. П. Я. Златкин. М. 1983. Издание второе.

По мнению автора, джунгарский хан Цэвен-Рабдан, который правил в период 1698-1727 годов, стал требовать возвращения территории, ранее принадлежавшей им, ныне захваченной Китаем у его предшественника. Территориальный вопрос приобрёл значение основного противодействия между Джунгарским ханством и Цинской империей, вызвавший новую войну между ними.

По всей вероятности, когда джунгарские войска уходили в боевой поход на китайцев, казахи воспользовались выгодной ситуацией, совершая набеги для восстановления своей территории. А когда джунгары возвращались, предметно наказывали своих данников, нарушавших принятые на себя обязательства. Это моя версия!

Постоянные набеги джунгар способствовали объединению казахов против захватчиков.

На народном собрании лидером военачальников ополчения у горы Орда-басы был избран хан Младшего жуза Абулхаир.

Весной 1730 года на местности Анкарай, на юго-востоке от озера Балхаш и вблизи озера Ит Ишпес, произошла битва объединённых сил казахов с джунгарами.

Победа не устранила угрозы нового нападения джунгар. Более того, внесла раскол в ряды казахов, что наглядно проявилось при избрании нового лидера. На место умершего хана Тауке претендовали от Среднего жуза Семеке, от Младшего — Абулхаир. Выбор большинства пал на Абдулмамбета, который сразу откочевал в резиденцию казахских ханов — Туркестан. Остальные двое, посчитав себя обойдёнными, покинули поле сражения, нанеся тем самым непоправимый ущерб общему делу.

Внешнеполитическая программа Джунгарского ханства не могла не встретить противодействий Российской и Цинской империй.

Не добившись возвращения пастбищных территорий в Восточной Монголии и Южной Сибири, джунгары с особым рвением обрушились на казахов, которые также пытались вернуть свои владения, захваченные джунгарами. Однако, будучи разобщёнными, они не сумели противостоять натиску более сильного своим единством противника. В первой половине XVIII века возникла реальная опасность, угрожавшая существованию независимости казахов.

После ряда сильных ударов джунгар по Среднему и Младшему жузам (1741-1742 гг.) и вторжения на территорию Старшего жуза (1743 г.), казахи были вытеснены из Семиречья и были вынуждены бросать насиженные места, откочёвывать к Аральскому морю, Уралу, Волге. Это в свою очередь вызывало новые конфликты между пришельцами и старыми обитателями приаральских, заволжских и приуральских степей.

Более того, в результате одержанных побед джунгары временно превратили правителей Среднего жуза в своих вассалов и данников, захватив в плен султана Аблая.

Спасение своего прадеда из джунгарского плена Чокан Валиханов считает чудом. Тем более что Аблай убил любимого сына джунгарского хана. При этом Валиханов не упоминает о майоре Карле Миллере, прекрасно владевшем казахским языком. Губернатор И. И. Неплюев отправил его на переговоры по освобождению пленника. Стараниями Миллера весной 1743 года султан Аблай был освобождён.

Я ещё вернусь к роли Аблая на завершающем этапе развала Джунгарского ханства.

С именами султана Аблая и хана Абулхаира напрямую связан сложный период присоединения возглавляемых ими жузов к Российской империи, хроника которого такова:

1731 год. Принятие присяги о российском подданстве ханом Младшего жуза Абулхаиром вместе с 27 виднейшими представителями региона.

Конец 1731 г. Присяга хана Среднего жуза Семеке о подданстве России.

1734 год. Указ Анны Иоанновны о принятии в состав России Старшего жуза, которое завершилось почти век спустя.

1735 год. Присяга хана Среднего жуза Кучука и султана Барака о российском подданстве.

1740 год, 19 августа — 1 сентября. Принятие российского подданства ханом Среднего жуза Абдулмамбетом и султаном Аблаем вместе с 400 виднейшими представителями.

В течение десяти лет, с 1731 по 1740 год, все казахские жузы были приняты в подданство России.

И вдруг с 1741 по 1743 год сокрушительные удары джунгар с катастрофическими последствиями для казахов.

К указанному времени Джунгария превратилась в государство с твёрдой центральной властью. Успешно развивала земледелие, ремесленничество. Стремясь обеспечить своё производство и превращение ханства в значительный фактор международной экономической политики, Джунгария ставила цель вернуть земли Восточной Монголии, находившиеся в составе Китая, равно как и территории, вошедшие в состав России. Итог — непомерные амбиции закончились гибелью самой Джунгарии.

В 1745 году умер последний, наиболее влиятельный и ненавистный для казахов джунгарский хан Галдан-Цэрэн, оставивший после себя троих сыновей и несколько дочерей. Старшему его незаконнорождённому сыну Лама-Доржи было 19 лет, второму — 13, младшему — 7 лет.

Галдан-Цэрэн завещал трон второму сыну, который принял его в 1746 году под именем Аджа-хан. В 1749 году в результате заговора он был свергнут. Ханом стал старший сын Лама-Доржи. Вскоре возник новый заговор, целью которого было возведение на ханский трон малолетнего сына. Заговор был раскрыт, участники сурово наказаны. Переход власти к Ламе-Доржи ещё более накалил обстановку в ханстве.

Но тут неожиданно появился новый претендент на власть — Давац, генеалогия которого происходила от самого первого хана Джунгарии, что давало ему право на престолонаследие. Его поддержал Амурсана, мать которого была дочерью умершего хана Галдан-Цэрена.

Однако в 1751 году они потерпели поражение и вынуждены были бежать к казахам Среднего жуза, найдя убежище у Аблая.

Джунгарский хан Лама-Доржи направил к султану Аблаю посла с требованием выдать заговорщиков. Однако тот отклонил его, сославшись на обычай, запрещающий выдавать даже бежавших от хозяев собак.

До этого Лама-Доржи получил сильную поддержку от хана Младшего жуза Абулхаира, который, как упоминалось выше, предложил ему в невесты свою дочь Зулейху.

А междоусобная война в стане джунгар стремительно разгоралась. Её всячески поощряли казахи Среднего жуза во главе с Аблаем, посылая военную помощь то одному, то другому претенденту. В самом начале 1753 года Лама-Доржи был убит. Власть в ханстве перешла к Давац, которого поддерживал Амурсана. Тем временем, подтверждая вечную истину: "От любви до ненависти один шаг!", возник конфликт между вчерашними союзниками Давац и Амурсаной. Казахи Среднего жуза поддерживали Амурсану, но он потерпел поражение от нового хана.

Тем временем правители Среднего жуза не раз вторгались в пределы слабеющего Джунгарского ханства, захватывая при этом богатую добычу: скот, пленных, ценности.

Одержав победу над Амурсаной, Давац направил в Пекин послов с предложением мира и дружбы. Однако цинское правительство не поддержало инициативы нового хана. Это не входило в его интересы. Для него главное — полное уничтожение джунгар.

И тут Амурсана, появившись в Пекине, заявил о своём желании служить цинской династии. Ему оказали всяческие почести. Император

пожаловал ему титул князя первой степени и обещал помощь в овладении джунгарским тронem. Пекин увидел в Амурсане удобное оружие в осуществлении заветной цели — уничтожении Джунгарского ханства.

К весне 1755 года цинская армия численностью от 90 до 200 тысяч человек была готова к походу. Она была разделена на две группы: северную и южную. Авангард северной группы возглавлял Амурсана. Даваца, увидев такой оборот, вновь обратился к Пекину. В знак своей искренности прислал боевое знамя джунгарского хана. Напрасно!

14 мая 1755 года авангард армии во главе с Амурсаной встретился с немногочисленными отрядами Даваца. Не приняв боя, хан бежал, бросив детей и жену. Он направился в сторону Кашгара, где его схватили мусульманские правители и передали в руки Амурсаны, который доставил пленника в ставку командующего армией.

Таким образом, Джунгарское ханство перестало существовать. Излишней оказалась и огромная армия. Народ, деморализованный бесконечными распрями своих лидеров, разорённый и измученный, не противился завоевателям.

Захватив Джунгарию, цинские власти коренным образом перестроили её управление, распространив на неё административную систему, введённую ими ранее в других частях Монголии. Власть хана была упразднена. Было уничтожено само ханство как единое государство.

Так положено с завоёванным государством или присоединившемся к новому государству, где существуют свои законы и порядки. Двоевластия не бывает!

К концу лета китайские власти приступили к выводу из Джунгарии своих войск и роспуску их по домам. Медлить с этим нельзя. Содержание огромной армии в отдалённом крае — удовольствие дорогое и разорительное. Это прекрасно понимали цинские власти. Тем более, впереди была зима.

Вся тяжесть пришлась на плечи простого люда, главное богатство которого состояло из юрты и нескольких голов скота: лошадь, верблюд, овцы, кое-где имелся крупный рогатый скот.

Народ содержал не только армию, но и огромное количество чиновников. Его постоянно привлекали к несению воинской повинности, люди должны были за свой счёт обзаводиться оружием, снаряжением. Их грабили и победители, и побеждённые. Бедствия войны настигали их всюду.

Раньше они могли спастись бегством, самостоятельно откочёвывая от одного степного князя к другому, в том числе от джунгар к казахам и наоборот. Из Джунгарии в Россию. Теперь этой возможности не стало. На территории бывшего Джунгарского ханства господствовала новая жёсткая администрация. Путь перебежчикам был закрыт.

Однако не успели в Пекине отпраздновать победу, как вновь обстановка коренным образом изменилась. Амурсана, который перешёл на сторону Цинской империи, рассчитывая стать всемонгольским ханом, понял, что его просто обманули... В это же время по иронии судьбы или по стечению обстоятельств он сопровождал под охраной в Пекин своего недавнего друга, теперь непримиримого врага — Даваца.

Амурсане ничего не оставалось, как поднять восстание. А как же без Власти!

Разбив отдельные китайские части, Амурсана направился в Джунгарию. Обосновался вначале в Тарбагатае, где было его родовое имение, затем перебрался на реку Или, призывая народ к восстанию против китайцев.

Под его знамёна собрались до 10 тысяч воинов.

17 февраля 1756 года сторонники Амурсаны провозгласили его ханом. Однако вскоре в его стане начались раздоры. По старой памяти он призвал на помощь Аблая, который с отрядом в 10 тысяч воинов и прибыл к нему. Но и это не изменило положения. Узнав о приближении огромной цинской армии, Амурсана оставил Джунгарию.

Тем временем власти Цинской империи сурово расправились с теми, кто, по их мнению, способствовал побегу Амурсаны.

Это был прекрасный повод для уничтожения джунгарской элиты. Одновременно началось формирование ещё более многочисленной армии, без малого в 400 тысяч человек. Главная цель — поймать Амурсану. А джунгар полностью привести к беспрекословному подчинению Поднебесной империи.

Пекин уже тогда пытался привлечь на свою сторону в борьбе с Амурсаной правителей Среднего жуза. Однако это было бесполезным занятием. Казахи и так почти не покидали джунгарских владений. Помогая то одному, то другому князю, уводя с собой каждый раз скот и пленных. При этом в грабежах участвовал не только Средний, но и Младший жуз.

В июне 1756 года китайский отряд в несколько тысяч человек, разыскивая Амурсану, вступил в пределы России.

Узнав, что Амурсана скрывается у султана Аблая, отряд направился в Средний жуз. В августе 1756 года произошло сражение между ополченцами Аблая и организованными войсками Цинской империи, закончившееся полным поражением казахов, которые стали отступать к русским укрепленным линиям.

Китайские войска вступили на земли их подданных. Россия оказалась в затруднительном положении. Располагая в этом районе небольшими воинскими силами, она столкнулась с прямой угрозой распространения цинской экспансии за пределы Джунгарии на территорию Восточного Туркестана, Казахстана, Средней Азии.

Амурсана в это время находился у султана Аблая, помещённый в одной из юрт под охраной его стражников. Вместе с Амурсаной находились 230 джунгар его личной гвардии, которые участвовали с казахами в войне против китайцев. Амурсане удалось передать русским властям, что он готов бежать к ним.

Тогда же во всей Джунгарии в ответ на бесчинства завоевателей стало нарастать стихийное народное сопротивление, которому нужен был лидер.

Амурсана после полугодового пребывания у султана Аблая вновь появился в Джунгарии. Волнения охватили уже всю Монголию. Они усилились после того как Богдо-Гегена, верховного главу ламаистской церкви страны, Пекин заставил присутствовать на казни своего брата, которому ставилось в вину, что он способствовал побегу Амурсаны.

Власти принимали чрезвычайные меры к спасению своих позиций в Монголии, истребляя элиту джунгар. Были применены традиционные, известные в таких случаях во все времена шантаж, провокации, шпионаж, подкуп, террор.

Тем временем Амурсана собирал новые силы, ведя интенсивные переговоры с Россией с целью перехода всей Джунгарии в её подданство.

Россия ответила, что выдвинутые им предложения неприемлемы, поскольку могут вызвать конфликт с Китаем. Россия же ни с кем воевать не желает, гарантируя только личную безопасность Амурсане.

Несмотря на героические действия, джунгары уже не могли противостоять многократно превышающей их численность цинской армии, терпели поражение. Всех попавших в плен каратели беспощадно уничтожали.

В середине лета 1757 года представители цинского командования появились в районе Семипалатинска. Зная, что Амурсане некуда бежать кроме России, они надеялись, что местные власти выдадут его.

Пекин официально известил Петербург, что джунгары уже приняты в подданство Цинской империи, что Амурсана — изменник, бежавший к казахам, к которым уже отправлены войска с требованием выдать его и сообщников.

Амурсана, потерпев ряд поражений, объявился в Семипалатинске, прося у русских убежище. Его доставили в Ямышево, где выяснилось, что он болен оспой, и срочно отправили в Тобольск.

Но по пути туда Амурсана подвергся неожиданному нападению отряда султана Аблая, действовавшего на этот раз в контакте с цинской армией. Теперь Амурсана лишился всего: скота, имущества. Его люди были перебиты, либо захвачены в плен казахами. Сам хан с восемью верными ему людьми всё же добрался до Тобольска. 15 сентября 1757 года он вновь заболел и умер через неделю.

Так закончил свою непродолжительную бурную жизнь последний джунгарский хан. Ему было всего 35 лет. Бывший вначале союзником и другом Даваца, затем ставший его смертельным врагом. Изменивший своему народу и перешедший на сторону Цинской империи. Потом в течение двух лет возглавлявший освободительную борьбу против завоевателей, ставший знаменем этой борьбы.

Между тем посланцы командования цинской армии неустанно искали Амурсану. Получив сведения, что он якобы утонул в Иртыше, они на плотках обшарили всё дно реки. Когда пришло официальное извещение, что Амурсана оказался у русских и умер от оспы, пекинское правительство потребовало выдачи трупа. Отклонив это требование, царское правительство 1 ноября 1757 года отправило труп на границу в Кяхту, куда пригласили представителей цинской администрации, чтобы они удостоверились в смерти Амурсаны.

Тем не менее тяжба продолжалась. Пекин настаивал на выдаче трупа, чтобы все монголы удостоверились в его гибели. Решительное отклонение этого требования дало толчок новому ухудшению российско-китайских отношений.

Джунгария и его последний хан канули в безвестность. От народа, численность которого в тот период составляла 600 тысяч человек, в живых осталось 30-40 тысяч.

Людей, равно как и скот, вырезали без остатка. Джунгар в плен не брали. Спаслись только те, кто смог убежать...

Продолжение в следующем номере.

Василий КОНОПЛЁВ

Эта публикация — продолжение исследований автором жизни и творчества Пушкина, а также результаты поиска памятников поэту. Начало опубликовано в №№ 7, 8 “Нивы” за 2009 год.

“О, сколько нам открытий чудных...”

Лёд и пламень

(Пушкин и Гоголь)

Александр Пушкин и Николай Гоголь — основоположники русской классической литературы. Две очень разные судьбы, и в то же время две удивительно взаимосвязанные истории жизни, творчества и бессмертия.

Пушкин был старше Гоголя на десять лет. К моменту их встречи Александр Сергеевич — всеми признанный первый поэт России. Николай Васильевич — мало кому пока известный автор. Темпераментный поэт-романтик и меланхолический малороссийский прозаик. Что могло их объединять? Одно — страсть к писательскому творчеству. Сколько было вечеров, проведённых в совместных беседах с их общим другом Василием Жуковским! Взаимная приязнь опытных мастеров пера и юного многообещающего таланта сроднила их навсегда. Чем больше они общались, тем яснее осознавали скрепляющую их силу искусства слова.

До встречи с Пушкиным молодой выпускник Нежинского лицея и не помышлял о писательской стезе. Скорее всего, именно душевные встречи и беседы повлияли на выбор Гоголя, не ставшего ни чиновником, ни профессором, ни юристом, как мечтал. Он с головой ушёл в мир художественных образов и увлекательных сюжетов. Именно из-под пера Пушкина появился первый положительный с оттенком восторженности критический отзыв на произведения Гоголя: “Сейчас прочёл “Вечера близ Деканьки”. Они изумили меня. Вот настоящая весёлость, искренняя, непринуждённая, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия! Какая чувствительность! Всё это так необыкновенно в нашей нынешней литературе...”. Это было благословение из уст всеми признанного сочинителя старшего поколения. Так было десять лет назад, когда Жуковский признал за юным Пушкиным первенство в поэзии и его благословил. Теперь преемником их славы становился принятый и оценённый ими Николай Гоголь. И что поразительно — никакой зависти к юному дарованию, никакого злопыхательства или непризнания. Только поддержка и помощь. Общеизвестный факт, что именно Пушкин поделился с Гоголем сюжетами и “Ревизора”, и “Мёртвых душ”.

Их личная привязанность и незримая зависимость была столь велика, что после гибели поэта Гоголь, находясь в Италии, писал: “Моя жизнь, моё высшее наслаждение умерло с ним. Мои светлые минуты моей жизни были минуты, в которые я творил. Когда я творил, я видел перед собою только Пушкина... Ничего не предпринимал, ничего не писал я без его совета. Всё, что есть у меня хорошего, всем этим я обязан ему... Что теперь жизнь моя?..”.

Как исполнение клятвы, данной своему наставнику, дописывал Гоголь “Мёртвые души”. И всё! Со смертью Пушкина Гоголь, несмотря на всю свою оригинальность, не нашёл уже своего прежнего вдохновения, потому что потерял в Пушкине вдохновителя, доброго гения и для литературы умер вместе с ним.

Удивительно много общего было в непохожести этих двух гениев. Каждый из них закончил лицей. Один в столице при Императорском Дворе, другой в украинской провинции. Кстати, если в Царскосельском лицее наказания розгами были запрещены, то в Нежинском их с полным воспитательным эффектом испытал на себе “Никоша” Гоголь-Яновский. Они оба прожили жизнь, не имея своего постоянного угла, кочуя с квартиры на квартиру. Страстный Александр, известный своими любовными похождениями, женившись, наконец, был счастлив в семье и с детьми. Гоголь избегал женского общества, так и не связав себя узами брака. Оба, любимцы читающей публики, ставшие первыми профессиональными писателями России, кому литературный труд был и мукой, и хлебом насущным, так и не стали от славы своей богатыми. Оба были первооткрывателями жанров: Пушкин написал роман в стихах — Гоголь поэму в прозе.

Когда в 1862 году создавался величественный памятник в честь Тысячелетия России, среди писателей — славы российской — были изображены в бронзе и Пушкин с Гоголем. И что удивительно, скульпторы-ваятели поставили этих двух писателей рядом, правда, Пушкина лицом к зрителям, а Гоголя спиной. Они были очень разными и в жизни, и в творчестве, как “стихи и проза, лёд и пламень”, неразрывно связанными даже причудами смерти. Они оба её искали: один постоянно вставая под пулю пистолета, другой заморив себя голодом.

В 1931 году пришлось переносить некоторые захоронения от Данилова монастыря на Новодевичье кладбище. Когда вскрыли гроб с прахом Гоголя, там не оказалось головы (черепа) писателя. Пятьдесят лет хранили в советском государстве эту мистическую тайну, как и другую: о том, что при реставрации пушкинского склепа рядом с гробом поэта были обнаружены череп и кости, до сих пор неизвестно кому принадлежащие.

Николай Гоголь на протяжении всей своей жизни имел непреодолимую веру в огонь как очищающую стихию. Он сжёг после публикации весь тираж своей первой поэмы. В огне сгорела рукопись его единственной трагедии. Пламя камина поглотило все его последние черновики вместе со вторым томом “Мёртвых душ”. На костре гибнет его героический Тарас Бульба.

Но “рукописи не горят” — эта фраза принадлежит Булгакову, удивительнейшим образом связанного посмертно с Гоголем. В 1952 году в связи со столетием со дня смерти на могиле Николая Васильевича был установлен мраморно-бронзовый памятник-бюст, взамен старого гранитного надгробного камня. Его-то (камень) и выкупила Елена Сергеевна, вдова Булгакова, и попросила установить на могиле мужа. Время стёрло высеченную когда-то на гоголевском надгробии надпись: “Горьким словом моим посмеюсь”.

Юмор, ирония, сатира, сарказм, наивный романтизм и непричёсанная правда действительности — всё есть в книгах Гоголя. И всё это в сочетании с удивительной авторской грустью. “Ни я сам, ни сотоварищи мои не думали, что мне придётся быть писателем комическим и сатирическим”.

Не всем, конечно, по нраву были “горькие слова” комедиографа. Незаслуженные укоры светской публики, видевшей намёки на себя в комедии Гоголя, больно ранили болезненное самолюбие автора. За злые эпиграммы не любили и Пушкина. Но дело в том, что Гоголь мог себе позволить развеять грусть поездкой за границу, а Пушкин был “невыездной”. Однако судьба и в этом связала собратьев по перу. В Риме, в одном из красивейших парков Вилла Боргезе, установлены бронзовые памятники двум русским писателям. Они удивительно похожи. Восседают на скамье. Один с пером в руках, другой с комической театральной маской. Опять они оказались вместе — великий наставник и гениальный ученик.

Неожиданный Пушкин

(И вновь о памяти и монументах)

За последние годы в России, на постсоветском пространстве, в странах дальнего зарубежья появилось много разнообразных скульптурных изображений Александра Пушкина. Обычно это традиционные бюсты или фигуры во весь рост. Но есть и абсолютно оригинальные, удивительные плоды фантазии современных художников.

Челябинск украшают четыре изваяния великого поэта. Но самой трогательной, необычайно лирической композицией является ансамбль в парке имени Пушкина. Напротив монументального поэта навечно застыла красавица Натали, окружённая тяжёлой колоннадой и чугунной оградой. Он — застывший на колонне в бронзовом бюсте. Она — на брусчатке, в шикарном платье, слегка опершись на скамью. А между ними всего лишь небольшая, в несколько шагов, но навсегда непреодолимая площадь.

В Михайловском, родном имении Пушкиных, а теперь в музее-заповеднике, на одной из аллей прямо среди цветов расположился юный Александр — лёжа. Скульптурных памятников, где поэт находится в горизонтальном положении, мне известно ещё несколько. В Москве, в одном из арбатских дворики, возлежащий в креслах; в Боровске и Болдине он, ещё ребёнок, прилёгший рядом с няней; в Приволжье — свободно раскинувшийся на скамье перед домом культуры и вальяжно устроившийся перед входом в библиотеку белорусского Новополоцка.

Из полутора сотен разнообразных бюстов наиболее неожиданный установлен в Лос-Анджелесе (о нём я рассказывал в главе “За океаном”). И ещё одно необычное изображение — прозрачный памятник — стоит в Москве, на улице Тухачевского. Постамент и знаменитый профильный автопортрет поэта сплетены из металлических полос.

Ежегодно с весны и до поздней осени в столице Мордовии, Саранске, посетителей городского парка отдыха встречает цветочный Пушкин, выложенный прямо на клумбе.

А есть памятники, где Пушкин второстепенное действующее лицо. Таков, к примеру, памятник в городе Сорочинске Оренбургской области, он посвящён повести “Капитанская дочка”. На набережной Невы в Петербурге лежит огромная мраморная книга с текстом из поэмы “Медный всадник” на развёрнутой странице.

Использовать имя Пушкина в коммерческих, политических и утилитарных целях стали ещё в 19-м веке. Накануне столетия со дня рождения поэта в России появились папиросы и табак “Пушкин”. А сегодняшние

предприниматели придумали пепельницу с изображением Александра Сергеевича. О разнообразной посуде с силуэтом поэта и напоминать не стоит. Медали, значки, брелоки, монеты, марки, конверты, открытки с портретами Пушкина давно уже стали предметом коллекционирования. Среди экзотического использования имени поэта, пожалуй, самое неожиданное применение нашла обувная промышленность, выпустив мужские ботинки “А ля Пушкин”.

То, что имя Пушкина спекулятивно используется в корпоративных интересах, далёких от искусства, давно не раздражает вкусы невзыскательной публики, и мы спокойно покупаем конфетки с портретом поэта или с образами из его произведений. Повседневная приятность, детская радость.

Но вернёмся к мыслям о скульптурах. В советскую эпоху наибольшее количество памятников великому поэту было установлено (вы не поверите!) в сталинскую эпоху. Конечно же, в большинстве своём они были гипсовые или бетонные, так называемые массовые модели. Но они были отражением той эпохи. Некоторые из памятников, к великому сожалению, разрушены, как не отвечающие вкусам современных эстетов-чиновников.

И вот что настораживает. Не постигнет ли уничтожающая судьба сегодняшние памятники поэту, которые спустя полвека вдруг перестанут отвечать вкусам кого-то из власть имущих? Мы знаем имена археологов, кто раскапывает сокрытое в недрах земли. А стоило бы устанавливать мемориальные доски и с другим напоминанием: здесь находилось то-то, а разрушено это тем-то.

“Ба! Знакомые всё лица!”

(Об энциклопедичности “Евгения Онегина”)

Перечитываю статьи В. Г. Белинского, посвящённые пушкинскому “Евгению Онегину”. Вдумываюсь в откровенный вывод великого разночинца: “Онегина” можно назвать энциклопедией русской жизни”. Берусь именно с этой точки зрения взглянуть на текст романа в стихах. В будущем будут мои размышления о времени, событиях, народности, о языке, а сейчас о множестве тех лиц, которых упоминает Пушкин в “Евгении Онегине”.

“Энциклопедия” в переводе с греческого — “круг знаний”. В отличие от научных энциклопедических изданий, где публикуются статьи очень многих авторов, в интересующем нас художественном произведении только один автор, так что проблема энциклопедичности “Евгения Онегина” — в большей степени связана с энциклопедичностью знаний Пушкина. Потому В. Г. Белинский в своих знаменитых статьях и говорит о нём: “... можно указать слишком на немногие творения, в которых личность поэта отразилась бы с такой полнотою, ... как отразилась в “Онегине” личность Пушкина”. “Здесь вся жизнь, вся душа, вся любовь его; здесь его чувства, понятия, идеалы”. И неслучайно среди знакомых и приятелей Онегина те, кто окружал самого Пушкина. Так было проще писателю рассказать о людях, их жизни, обычаях, традициях, мыслях, о времени,

в котором он жил, то есть о 20-х годах XIX столетия. Из повествования мы узнаём о реальных людях, современниках Пушкина. Это **П. КАВЕРИН**, **П. КАТЕНИН**, **Ф. ТОЛСТОЙ**, **Н. ЯЗЫКОВ**. Среди московских знакомых Татьяны и ближайший друг самого Пушкина: “К ней как-то **ВЯЗЕМСКИЙ** подсел”. А кабинет заглавного героя поэт наполнил книгами из своей библиотеки. Молодого Евгения Онегина Пушкин водил по залам тех же театров, где бывал сам, отправлял в гости к своим знакомым, описывал застолье, уставленное им же самим опробованными блюдами. Всё это — реалии времени, причём для современников поэта они были многоговорящие, узнаваемые, а вот для нас не всегда имеют отклик в памяти, не у всех вызывают длинный ряд ассоциаций. Но в том и гениальность автора “Евгения Онегина”, что он незаметно для читателя заполнил роман ароматом эпохи. Современное литературоведение способно даже спустя века открывать те детали, которые не понятны и не доступны сегодня без разъяснения. Прав Белинский: поэт сумел намекнуть о многом. Этот намёк в 10-й главе “Онегина” был столь прозрачен, что Пушкин не рискнул её ни опубликовать, ни передать потомкам в первоизданном виде, зашифровав строки особым способом.

Кстати, в первых изданиях романа поэт на месте имён современников ставил или многоточие, или начальную букву.

Но разве не понятны были современникам такие иносказательности поэта?

“Певец пиров и грусти томной...”

“Один под финским небосклоном...”

О ком это? О другом опальном поэте, вынужденном нести военную службу в Финляндии, о **Е. БАРАТЫНСКОМ**. Не было дозволено открыто говорить о нём. Но между строк Пушкин намекнул о нём, как и об **А. ГРИБОЕДОВЕ**: “Талия тихонько дремлет...”.

ТАЛИЯ — одна из муз, покровительница комедии. Этот жанр в двадцатые годы не процветал, а пьеса “Горе от ума” запрещалась в печати и постановке. Дремала **ТАЛИЯ** вплоть до “Ревизора”, сюжет которого, кстати отметить, Гоголю подсказал Пушкин. Вот так одна строка вызвала у меня ряд ассоциаций.

Читая роман в стихах, не раз сталкиваешься с именами мифологических богов. В чём здесь энциклопедичность Пушкина и его произведения?

Чтобы понять образность мыслей и намёки, которыми насыщен роман, нам необходимо обратиться к справочникам, узнать, что означают греческие или латинские имена, названия. Александр Сергеевич невольно заставляет нас обогащаться знаниями, расширять свой кругозор. А для просвещённых соотечественников поэта эти знания были нормой. С одной стороны, увлечение литературой древних Афин и Рима было данью классицизму, с другой, в лицее, где учился Пушкин, да и в других учебных заведениях преподавались латынь и древнегреческий. Ещё не закончен был “Евгений Онегин”, в свет вышла “**ИЛИАДА**”, изложенная на русском языке **Н. ГНЕДИЧЕМ**, “**ОДИССЕЯ**” в переводе **ЖУКОВСКОГО** появилась несколько позже. Однако эти прославленные труды **ГОМЕРА** в первоисточнике и на немецком в России читались издревле.

Роман Пушкина усыпан именами из мифологии: **ТЕРПСИХОРА**, **ЗЕВС**, **ФЛОРА**, **ФОРТУНА**, **ИАНА**, **АПОЛЛОН** и т. д. Но это не просто имена — это образы. **ТЕРПСИХОРУ** — богиню танца — поэт упоминает в связи с балетом и прославленной Истоминой, сравнивая её движения с полётом пушинки, поднятой **ЗОЛОМ** — повелителем ветров.

Об обширных познаниях Пушкина в области Древней Греции и Латинского Рима можно говорить утвердительно, перечислив хотя бы упомянутых в “Евгении Онегине” поэтов древности: **ГОМЕР**, **ФЕОКРИТ**, **АПУЛЕЙ**, **ЮВЕНАЛ**, **ВЕРГИЛИЙ**, **ОВИДИЙ**; исторических лиц и философов: **РОМУЛ**, **РЕГУЛ**, **ГОРАЦИЙ**, **СЕНЕКА**, **ЦИЦЕРОН**; знаменитых итальянцев: **ПЕТРАРКА**, **ДАНТЕ**, **ТОРКВАТТО**, **ТАССО**; известных французов: **КОРНЕЛЬ**, **РАСИН**.

В связи с древними именами позволю себе один пример из “Путешествия Онегина”, в котором Пушкин завуалировал и шутку, и иронию. Поэт говорит об отдыхающих на водах: “Кто жертва чести боевой, / Кто **Почечуя**, кто **Киприды**...”. Как много рассказал поэт в двух строках о тех, кто приезжал на Кавказ лечиться, о сливках общества. О чём же мы узнаём? Жертвы чего торопятся “жизни нить в волнах чудесных укрепить”?

Ещё не зажили раны у героев 1812 года, “жертв чести боевой”. Тут всё понятно. А **ПОЧЕЧУЙ**, **КИПРИДА**? Давайте обогатим свои знания и подивимся таланту Пушкина, двумя словами развенчивающего современных ему чиновников и светских прелюбодеев. **ПОЧЕЧУЙ** — так назывался геморрой — божество канцелярского образа жизни. **КИПРИДОЙ** величали **АФРОДИТУ**, в Риме именуемую **ВЕНЕРОЙ**, — богиню любви. Так вот кто отдыхал на водах Кавказа, жертвы геморроя и венерических заболеваний. Об этом Лермонтов и в прозе не смог так откровенно сказать в своём “Герое нашего времени”.

Говорить о том, что Пушкин был атеистом, я не берусь. Это очень тонкая вещь — отношение поэта к религии. Женившись, он, как и положено, венчался в церкви, носил сам крестик и крестил своих детей. Однако никто из современников, как Пушкин, не осмелился вывести в герои литературной сказки жадного, глуповатого и недалёковидного попа. Кстати, сказка “О попе и его работнике Балде” так ни разу и не была издана при жизни автора. То, что поэт иронически относился к религиозности, доказывают некоторые строки из “Онегина”. Уже во второй строфе появляется фраза: “Всевышней волею Зевеса / Наследник всех своих родных”. Почему “**ЗЕВЕСА**”? Почему не “Бога”? Мелочь? Слово для рифмы “повеса”? Пожалуй, иное. Известно, что тогдашний московский митрополит **ФИЛАРЕТ** жаловался на поэта шефу жандармов **БЕНКЕНДОРФУ**. За что? А вот за эту строчку из романа: “И стаи галок на крестах”. Такое реалистическое описание церкви применил дерзкий Пушкин, рисуя патриархальную Москву. Непозволительная вольность вызвала неудовольствие в среде священнослужителей, увидевших в этих словах оскорбление святыни. Церковь давно преследовала сочинителя Пушкина, она не могла простить ему скандально известной поэмы “Тавриида”, основанной на новозаветном сюжете, но фривольно трактующей непорочное зачатие Девы Марии. Нет секрета, что одной из причин увольнения поэта со службы и ссылки в Михайловское было увлечение “афеизмом”, то есть атеизмом. Понятно, что в этих условиях для литератора Пушкина воля мифологического **ЗЕВСА** была ближе, нежели героев Ветхого или Нового завета.

Действительно, как об энциклопедии, начинаешь думать о романе, когда выписываешь из него имена и фамилии. Их так много, что удивляешься, как сумел поэт наполнить своё повествование таким количеством имён, упомянуть о стольких людях своего поколения и поколения отцов? Не могу сдержаться, чтобы не огласить, хотя бы и неполный список поэтов, писателей, публицистов, экономистов, политических деятелей. **ВАЛЬТЕР СКОТТ, АДАМ СМИТТ, РИЧАРДСОН, БАЙРОН, БЕНТАМ, ГИББОН, МАТЮРИН, РУССО, ШАТОБРИАН, ДЕ СТАЛЬ, МАРМОНТЕЛЬ, ПАРНИ, ЛЬЮИС, НОДЬЕ, ЛУВЕ-ДЕ-КУВРЕ, КОТТЕНЬ, МАЛЬФИЛАТР, НЕККЕР, СЭ, ПРАДТ, ШИЛЛЕР, КАНТ, ЛАФОНТЕН, МАНЗОНИ, ОЗЕРОВ, ДМИТРИЕВ, БОГДАНОВИЧ, ШАХОВСКОЙ, ШИШКОВ, ЛЕВШИН, ДЕЛЬВИГ.**

“Евгений Онегин” — роман о любви людей не выдающихся, это всего лишь история городского франта и сельской дворяночки. И тем удивительнее масштабность изображения, широкий общественный фон, количество действующих лиц. Если бы современный кинорежиссёр затеял полную экранизацию романа, он стал бы подсчитывать, сколько же ему понадобится актёров для изображения героев главных, второстепенных и массовки. При несложном арифметическом подсчёте окажется, что исполнителей на роли действующих лиц пришлось приглашать бы не менее восьмидесяти пяти, и помимо того организовать двадцать три массовых сцены с участием в них от пяти до полутысячи людей — это и балы, и театральная публика, и толпы на базарах, и прогуливающиеся по бульварам. И каждому из них (по Станиславскому) следует придумать соответствующую и времени, и месту действия свою биографию. Вот я перечислю хотя бы несколько безымянных героев романа: **кучер, лакей, швейцар, сосед в деревне, служанки на сборе ягод, жених Ольги, тётка-княжна, слуга-калмык, князь-муж Татьяны, посол испанский.** А сколько ещё и не придуманных, исторически реальных лиц: **балерина ИСТОМИНА, ресторатор ТАЛОН, балетмейстер ДИДЛО, актриса СЕМЁНОВА, друг поэта ЧААДАЕВ.** О каждом упомянутом в этой главе имени можно в действительности найти статьи в разнообразных энциклопедиях и справочниках. Но все они объединены в одном романе Александра Пушкина.

Собственно, что такое энциклопедия? Свод знаний, понятий, которыми мы постоянно обогащаемся, по которым мы ориентируемся в пространстве наук, ремёсел и искусств, имеем возможность сравнивать, сопоставлять. Как с энциклопедией мы сравниваем с “Евгением Онегиным” другие художественные произведения критического реализма. С романом в стихах пришёл в нашу литературу типичный герой, представитель и выразитель идей определённого сословия. До **ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА** мы не можем назвать такого типического героя, после — сколько угодно: **ПЕЧОРИН, ХЛЕСТАКОВ, ЧИЧИКОВ, РАХМЕТОВ, ОБЛОМОВ, БАЗАРОВ, КАРАМАЗОВЫ, ГОЛОВЛЁВЫ** и так далее. Все они, как и Онегин, вписаны в ряд большой галереи литературных образов и неразрывно связаны со своим временем, действуют в узнаваемых обстоятельствах русской реальности, говорят на чистом русском языке.

Двадцать первый Пушкин

(О памятниках Пушкину в Казахстане)

По моим подсчётам, в Республике Казахстан в 2010 году был установлен двадцать первый памятник Александру Сергеевичу Пушкину, из них девятнадцать сохранились до сих пор.

Впервые в Степном крае скульптура Пушкина появилась в 1937 году в Актюбинске. Это была массовая модель, какие в год столетия гибели поэта повсеместно устанавливали в Советском Союзе. И радостно, что спустя семьдесят два года скромный памятник — по-прежнему достопримечательность в городском парке этого областного центра.

Из всех монументов, установленных в советскую эпоху, только в Караганде и Петропавловске Александр Пушкин был изображён во весь рост, остальные памятники — это бюсты. Слово “были” относится к Петропавловску, где официально аким благословил разрушение скульптур русских писателей, среди которых и статуя Пушкина, выполненная по модели скульптора А. Мануйлова.

А вот администрация Караганды приняла решение заменить гипсобетонный памятник на подобный ему, но вылитый в бронзе. И теперь единственный в Казахстане Пушкин-лицеист находится в сквере на проспекте Мира шахтёрского города.

К двухсотлетию юбилею памятники поэту появились в старой и в новой столицах Казахстана. В Алматы был установлен поясной монумент. Гордиться нам или расстраиваться, что скульптор такие же точно изваяния подарил ещё двум столицам: Мехико (Мексика) и Сантьяго (Чили). Зато вдохновенно шагающий Пушкин как единственный и неповторимый вариант застыл на постаменте в Астане.

У памятников, как и у людей, есть своя судьба, своя история с приключениями и неожиданными поворотами. Вот одна из них. В 1999 году в тихом сквере юной Астаны на улице Пушкина был установлен необыкновенный монумент. С тростью в одной руке и шляпой-цилиндром в другой Александр Сергеевич Пушкин замер в момент стремительного шага. Опираясь всего лишь на одну ногу, он, казалось, парил в воздухе. Установленный невысоко, поэт, как и его творчество, был легко доступен окружающим. Этого-то и не предусмотрели инженеры и архитекторы. Молодые люди в пылкости чувств, а скорее всего от невоспитанности, часто забирались на свободно висящую ногу и раскачивались на распростёртых руках бронзового поэта. Что только не предпринимали специалисты: и усилили сваркой треснувшие швы, и подставили опору под ногу, и установили дополнительное освещение в ночное время — ничего не помогло. Памятник время от времени начинал падать, и в один из дней он совсем исчез. А через некоторое время был воздвигнут в другом месте, на набережной реки Акбулак в сквере перед университетом имени Л. Н. Гумилёва на более высоком постаменте.

Можно наблюдать определённую закономерность — памятники Пушкину в большинстве своём устанавливаются не на широких площадях, а в скверах, парках или на зелёных аллеях, будь то в столицах, или областных, районных центрах, или в небольших сёлах, таких как, например, в Мырзакенте Южно-Казахстанской области или в Волошинке на севере Казахстана.

В новом веке воздвигнуты пушкинские монументы в Таразе и Лисаковске, а совсем недавно ещё в Усть-Каменогорске и в Костанае. В Казахстане уже становится традицией одновременно открывать памятники двум поэтам, символам национальных литератур — Абаю и Пушкину. И положили тому начало в Петропавловске.

Двойные памятники — нередкое явление. Рядом с Пушкиным изображены, к примеру, Владимир Даль в Оренбурге, Крылов в Пушкино-Московской области, Наталья Гончарова в Красноярске и Белгороде, Ершов в Ишиме Тюменской области, бабушка поэта в подмосковном Захарове, няня в Пскове, есть и польский поэт Мицкевич в Москве и Варшаве. Но все они современники поэта, вознесённые с ним на один пьедестал. А вот великий Абай родился через восемь лет после гибели Пушкина. И тактичнее при всех условиях изображать казахстанского и российского поэтов врозь. Как это сделали в Усть-Каменогорске, в один день открыв памятники Абаю перед акиматом и Пушкину перед библиотекой. А вот в Петропавловске двух поэтов установили на один постамент. Но, в конечном счёте, скульптор — исполнитель заказа. Сказали вместе, значит, вместе. Только вот какое отношение к казаху и русскому имеет античная колоннада за их спиной? По-моему, никакого. Но главное недоразумение — расположение памятника по отношению к солнцу. В течение дня разглядеть лики поэтов невозможно, потому что дневное светило сверкает лучами им в затылок, а зрителю в глаза. В Усть-Каменогорске рассудили иначе и установили памятник Абаю лицом на юго-восток. И не важно, что спиной к областной администрации. В Петропавловске же поэты смотрят на окна акимата (или из окон любуются ими). Такова, наверное, была воля акима области Таира Мансурова, увековечившего себя в гравировке на мраморе рядом с именами скульптора и архитекторов как руководитель проекта.

Карело-финский Пушкин

(О памятниках в Карелии)

— Ну вот, опять притянута за уши тема, — может возмутиться серьёзный читатель, — никогда не бывал Александр Пушкин ни в Карелии, ни в Финляндии.

Да, это так. При жизни Александр Сергеевич севернее Петербурга не заезжал. Он и в Европе-то не был. Не разрешали ему власти выезд за границу. Хотя дворянское сословие в те времена свободно путешествовало по всему свету. Один из современников и близко знакомых поэта, Фёдор Толстой, даже прозвище имел Американец. Да и младшая дочь Пушкина, Наталья Александровна, выйдя замуж за одного из немецких принцев, навсегда осталась за рубежом, положив начало заграничной ветви потомков русского поэта.

“Невыездной” при жизни, Александр Сергеевич лишь в двадцатом веке стал путешествовать по странам и континентам, городам и весям в качестве бронзового или гранитного монумента.

Самый южный памятник Пушкину воздвигнут в Чили, в Сантьяго. А вот самым северным гордятся жители города Ухты Республики Коми. И это, действительно, было именно так долгое время. В 1937 году на территории тогда ещё не города, а посёлка Чибью силами отбывающих свой срок заключённых был установлен памятник Пушкину. В лагерях ведь

сидели не только уголовники, но и попавшие туда по злему навету, ни в чём не повинные люди. Они-то и решили таким образом (скульптурным монументом) почтить столетнюю годовщину со дня гибели великого поэта. Руководил группой энтузиастов человек удивительной, вдохновенной и трагической судьбы — Николай Александрович Бруни. В лагере его звали отец Николай, ему единственному, как священнику, разрешалось не брить бороду. А в действительности он был из семьи потомственных русских художников итальянского происхождения. Его прадед Фёдор Бруни стоял у гроба Пушкина и рисовал посмертный портрет поэта. В кратких справочниках о Николае Бруни упоминается, что это был талантливый музыкант, поэт, спортсмен, авиатор, конструктор, принявший сан священника в 1919 году, а в тридцатых годах он преподавал в знаменитом Московском авиационном институте. Жизнь этого необыкновенного человека оборвалась в 1938 году, однако стоит в Ухте воздвигнутый им монумент как памятник и великому Пушкину, и великим мученикам, сумевшим и в предчувствии смерти думать о прекрасном. Живы и проникновенные стихи Николая Бруни о судьбе сгинувших каторжан:

*... Пусть нам свободы не вернуть,
Пусть мы бессильны и бесправны,
Но наш далёкий, трудный путь
Постигнет прозорливый правнук...*

Но вернёмся в Карелию. В год 1959-й. Во дворе школы № 1 небольшого городка Кемь по случаю 150-летия со дня рождения Пушкина устанавливается памятник самому знаменитому русскому поэту. Почему именно здесь, на берегу Белого моря, неподалёку от Соловецких островов? Такова судьба советской разнарядки и предприимчивости местных чиновников. Бетонная фигура во весь рост, автором которой был молодой скульптор И. Д. Бродский, утверждена Худфондом Российской Федерации в качестве массовой модели для установки в городах по всей стране. Такие же памятники стоят в Брянске, Могилёве, Касимове Рязанской области, в селе Берёзовка Пермского края и в других населённых пунктах. Но самое неожиданное, что именно с этого времени памятник Пушкину в Кемии стал самым северным из всех пушкинских памятников. А в Ухте горожане не знают пока, что есть памятник Пушкину в карельском городе Кемь, а он стоит в ста восьмидесяти километрах от Северного полярного круга.

Так же неожиданно появился пушкинский монумент в другом карельском городке Ляскеле чуть севернее Ладожского озера. И эта садово-парковая скульптура из бетона, другого ваятеля А. А. Мануйлова, была тиражирована Союзом художников. Задумчивый Пушкин с сомкнутыми на груди руками стоит в парках и скверах десятков городов от Москвы до Артёма на Дальнем Востоке. Лишь в 1966 году появился в Карелии оригинальный памятник Пушкину, как теперь выражаются, эксклюзивный, воплощённый в бронзе известным скульптором Гавриилом Шульцем специально для Петрозаводска.

Вспомним же о сердитом читателе, а он, я думаю, возмущён, как и латышские лжеинтеллигенты, которые недовольны установкой памятника в Риге. В своём открытом письме к мэру Риги, президенту Латвии и общественности они искренне недоумевают: “Всё творчество Пушкина посвящено развитию русской культуры и связано с русским народом... Пушкин никогда не был ни в Риге, ни на территории Латвии”.

А я бы на месте возмущённых рижан призвал в политические сподвижники ещё и жителей Вашингтона, Гаваны, Дели, Парижа, Рима и ещё пяти десятков зарубежных городов, где установлены памятники никогда не бывавшему в них Пушкину, как и ещё в двухстах городах ближнего зарубежья, да в пятистах российских.

— Ан нет! — поддержит меня вдумчивый и добропорядочный читатель. — Памятники великому поэту и писателю ставятся не на бывшем месте его пребывания, а там, где люди ценят и уважают русский язык, любят и понимают русскую литературу и преклоняются перед гением одного из ярчайших выразителей духа русской культуры — Александра Сергеевича Пушкина.

*Он наше всё, он свет души России!
Да что России — всей планеты свет!
Меня где только судьбы не носили,
Везде известен Пушкин как поэт!*

*Народная тропа не зарастает!
Века и годы, дни и всякий час
Звук лиры Вашей в нас не умолкает,
Мы помним, Александр Сергеевич, Вас!*

А с Карелией наш поэт всё-таки связан. Своим творчеством. С юных лет. В первой своей поэме “Руслан и Людмила”, написанной в Петербурге после окончания лицея, Александр выбирает местом действия северные широты. Именно туда направляет главного героя седовласый старец, к которому забрёл покинувший Киев в поисках невесты влюблённый Руслан:

*Вперёд! Мечом и грудью смелой
Свой путь на полночь пробивай.*

Это я (В. К.) выделил курсивом “на полночь”. Современникам Пушкина было и так сразу понятно, о чём идёт речь. У Владимира Даля в Толковом словаре живого великорусского языка “полночь” и “север” — синонимы. И страшный Черномор в поэме — это “полнощных обладатель гор”. “Полнощных” — опять-таки северных. Что характерно, слова “на полночь” и “полнощный” Пушкин вкладывает в уста старого человека, сам же он, как автор чуть позже в повествовании применит общеупотребительное слово, описывая, как Наина направит Рогдая, желающего убить своего соперника, по следам Руслана:

*Она дорожною клюкой
Ему на север указала. (Выделено мной. — В. К.).*

Итак, “природный финн”, как сам назвал себя старик, давно покинул “угрюмый край отчизны дальней”, но там,

*Под кровом вечной тишины
Среди лесов, в глуши далёкой
Живут седые колдуны.*

Один из них — злой волшебник Черномор. Я вот сейчас процитирую, как описываются в поэме его владения, а вы вдумайтесь — может быть, вам это что-то напомним. “И кедров гордые вершины... / Зерцалом вод отражены. / Дробясь о мраморны преграды, / Жемчужной, огненной дугой

/ Валяются, плещут водопады; / И ручейки в тени лесной / Чуть выются сонною волной". И сам Черномор ищет Людмилу "вдоль озера, вокруг водопада". Ну, не правда ли, это точное описание Карелии, страны тысяч озёр и рек? Откуда такие познания и впечатления у девятнадцатилетнего молодого человека, прошедшего юность в стенах Царскосельского лицея, а в детстве гулявшего по паркам Москвы да по лужайкам подмосковного бабушкиного имения Захарово?

Да ведь на то он и гений. Ни при Годунове, ни при Петре I, ни при Пугачёве Пушкин тоже не жил, а описал события давних времён так, как будто принимал в них участие. Другое дело, что он подолгу копался в архивах, много читал, набирался впечатлений, а описывая времена Пугачёва, даже беседовал с живыми свидетелями. Вот! Свидетели и обладатели впечатлений о карельских красотах. Кто они? Были ли такие среди знакомых поэта? Были.

К примеру, Александр Полторацкий. Дед его, потомственный казак, обладавший уникальным голосом, пел при дворе Елизаветы. Молодая императрица Екатерина пожаловала деда в дворянское звание. Отец Полторацкого пятнадцать лет верой и правдой трудился на пушечнолитейном заводе Петрозаводска, дослужился до директорского звания. Потому-то детство и юность Александр Полторацкий провёл в Карелии, и впечатления о чудесных озёрных пейзажах, об удивительной заонежской природе закрепились в его памяти яркими картинками. Пройдя сквозь огонь Отечественной войны, он в кругу друзей чаще будет вспоминать о карельских сказочных красотах, нежели о военных походах. Нередко бывая в гостях у своей родной тётушки Елизаветы Марковны Олениной, он удивлял и пленял сердца светских львиц и юных прелестниц рассказами об очаровательных ландшафтах Карелии. А среди слушательниц была и его двоюродная сестра Анна Петровна Керн, в девичестве Полторацкая.

Дом Олениных притягивал к себе цвет петербургского просвещённого дворянства: художников, скульпторов, музыкантов, литераторов. Среди приглашённых там часто бывал удивляющий свет поэтическим дарованием, только что поступивший на службу в Коллегию иностранных дел Александр Пушкин. Он чутко впитывал в себя всё, что не мог, не успел познать, шесть лет закрытый в стенах Царскосельского лицея. Лев Пушкин так вспоминал о первых послелицейских годах брата: "Круг его знакомства и связей был чрезвычайно обширен и разнообразен". Слушая Александра Полторацкого, восхищённый поэт, конечно же, предлагал выразить тому свои чувства романтическими стихами. Но не смог понять светский лев Полторацкий, как это в "ямб" или "хорей" оформить мысли, да ещё и зарифмовать периодически слова.

Зато у светского франта в эполетах учился юный повеса невниманием, холодностью, задумчивым видом завораживать сердца неприступных дам. Всё это станет позже частью творческого переосмысления поэта: "Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей". Тогда-то у Олениных и состоится первая встреча поэта с "чудным мгновением", Анной Петровной Керн. Она, будучи урождённой Полторацкой, не обратит внимания на юного Пушкина, а будет полностью поглощена неприступностью своего двоюродного брата Александра Полторацкого, любившего повторять: "Мы люди с Онеги, холодны в чувствах, но неудержимы в страстях". О нём-то и думал позже Александр Пушкин, рисуя образ несравненного

Евгения Онегина, человека без прошлого и будущего. Как и Онегин, Полторацкий — лишний человек, ещё до декабрьских событий 25-го года, он станет изгоем в общественном мнении. В 1821 году Александр Полторацкий, уйдя в отставку, закроется в своём имении Тамбовской губернии. Об этом поэт узнает от младшего брата Полторацкого Михаила, с кем дружески будет общаться в Кишинёве.

— Ну хорошо! Быть может, всё так и было! — не унимается настойчивый читатель. — А причём же здесь Финляндия и Пушкин?

Да, конечно, с Финляндией более связан Евгений Баратынский — современник Пушкина, поэт, талант которого ошибочно недооценён Белинским. Пять лет прослужил Баратынский в унтер-офицерском звании в Нешлотском пехотном полку, расквартированном в Финляндии. Вы будете удивлены, но этим полком перед войной 1812-го года командовал полковник Константин Полторацкий, дядя известного нам уже Александра Полторацкого. В те времена дворянство жило тесным кругом, куда ни глянь — встретишь если не родственника, то знакомого. Кстати, Александр Полторацкий женился на своей другой двоюродной сестре, Екатерине Бакуниной, той самой, в которую в лицейские годы был влюблён Пушкин и посвятил ей не одно стихотворение. Ну, это так, к слову пришлось. Кстати, к другому слову. Тогда Великое княжество Финляндское было частью Российской империи, а на границе России со Швецией стояло военное укрепление Кюмень, в котором жил и служил Баратынский. Если открыть политическую карту мира на финском языке, то мы обнаружим, что Кемь в Карелии и Кюмень в Финляндии пишутся одинаково: *Kemi*.

Конечно же, два ссыльных поэта очень трепетно следили за творчеством друг друга, вели переписку, посвящали друг другу стихи. В 1827 году выходит в свет книга “Две повести”, под одной обложкой в которой были опубликованы поэмы “Бал” Евгения Баратынского и “Граф Нулин” Александра Пушкина.

— И всё же, давайте ближе к теме финского Пушкина, — напоминает настойчивый читатель.

Спасибо за напоминание. Да, есть памятник Пушкину в Финляндии. Вот уже двадцать три года стоит он на берегу озера, среди валунов и елей, в городском парке Куопио, в городе, известном как столица православной Финляндии. Древний русский Псков, являясь побратимом города Куопио, подарил ему в 1986 году бюст русского поэта. Провидчески Александр Пушкин знал, что душа его и спустя века в заветной лире будет неизменно рядом с нами и помнить о нём будут и славянин, и финн.

Неужели новгородцы не помнят Пушкина?

(Из путешествия по пушкинским местам)

На земле Новгородской я оказался волей случая, приехал в гости к своему давнему товарищу — журналисту Сергею Овчарову. Он вызвался сопроводить меня в Пушкинский заповедник Псковской области. Путешествие на его автомобиле получилось впечатляющим и по эмоциональной окраске, и по находкам, и по незабываемым встречам.

От Новгорода до Пушкиногорья не менее трёх сотен километров, путь, по правде говоря, не ближний. Одна из тем разговора во время долгой дороги — филологическая. О происхождении наименований населённых

пунктов. Вот, к примеру, деревня под известным названием Дубровка. Таких сёл в России не счесть, помните в “Бриллиантовой руке” фразу Папанова-Лёлика: “Кто заказывал такси на Дубровку?”. А вот псковские коренные жители говорят о своём селе — Дубровка. Это, в общем-то, ближе к исконному произношению и точнее. Сколько есть ещё населённых пунктов с однокоренным названием! Дубня, Поддубье, Дубовка. Все эти топонимы имеют прозрачную связь с деревом-долгожителем. А вот с чем связано происхождение наименования Хутынского монастыря? Над этим мы некоторое время поразмышляли, и наши ассоциации быстро привели к похожему словам. “Хутор” — уединённое жильё, отдалённое от людей. И “пустынь” — монашеская обитель. Вот и вся логика происхождения поселения Хутынь.

А заговорили мы о Варлаамо-Хутынском монастыре потому, что там, в Богословском приделе собора Преображения Господня, похоронен Державин, который, как считал сам Пушкин, его, юного стихотворца, “в гроб сходя, благословил”. Вот что гласит надгробная надпись над могилой: “Под сим камнем сокрыт прах действительного тайного советника многих орденов кавалера Гавриила Романовича Державина”.

Как странно устроена жизнь! Как часто мы заблуждаемся в её приоритетах! Это нам только кажется, что государственная служба, поиск чинов и славы на этом поприще и есть нечто главное, великое и почитаемое при жизни и после неё. Ну кому известно, что Гавриил Державин был выдающийся политический деятель, губернатор Олонецкий и Тамбовский, сенатор, президент коммерц-коллегии, личный секретарь императрицы, министр юстиции и что его мундир не вмещал всех орденов, которыми он был награждён?

Вот спросите любого из наших современников, мало-мальски знакомого с историей русской литературы, и всякий скажет: Державин — поэт. И всё! А так ли важно это было при его жизни? Среди дворянского окружения эта часть таланта считалась незначительной и недостойной. В связи с этим припоминается, что некто А. Волков (в свою бытность главный московский жандарм) в донесении А. Бенкендорфу сообщал: “Редкий студент Московского университета не имеет сейчас противных правительству стихов писаки Пушкина”. Так к писателям и поэтам, как к “писакам”, относилась власть всегда. И не нужно обольщаться, что в этом отношении что-то с тех пор изменилось.

Но, несмотря на придворное пренебрежение, через четверть века после смерти Державина на его родине, в Казани, усилием любителей словесности был установлен монумент не чиновнику Державину, а поэту. Изображён он был не в мундире, а в древней тоге с лирой в руке. Вы не поверите, но спустя много лет памятник вдруг помешал советским властям при строительстве оперного театра в столице Татарстана и с благословения бюрократических вандалов был разрушен. К чести казанцев монумент в 2003 году восстановили.

Ирония судьбы такова, что имя и скульптурное изображение Державина было увековечено не только там, где он родился, но и там, где похоронен, в Великом Новгороде, на памятнике Тысячелетию России. И там Державин, действительный тайный советник, изображён среди русских писателей не при регалиях, а с книгой в руках. Всего лишь шестнадцать исторических лиц были удостоены, по мнению тогдашней государственной

администрации, представлять на фундаментальном памятнике историю Российского государства. Сколько было споров и сомнений, кто должен изображаться в качестве явления культуры и литературы. И тогда, в середине девятнадцатого века, только одна личность не вызывала сомнения в своём величии, хотя для многих этот человек был ещё современником, — и это был Александр Пушкин. Вот мы и добрались до источника моего вдохновения. Всё, что связано с Пушкиным, точнее, с его скульптурно-монументальным изображением, и есть предмет моего исследования.

В общем, мы ехали-ехали с другом Сергеем и наконец приехали в потрясающие места — туда, где жил, творил и заряжался творчеством поэт, писатель, публицист, историк, журналист, издатель, драматург, талантливейший человек своей и всех последующих впереди эпох.

Проходя по тропинкам Михайловской усадьбы с фотоаппаратом, я понял вдруг, что ветер, дождь и осень, их сопровождающая, пытаются направить меня на размышления о вечных образах, присутствующих в творчестве поэта.

*Пора, пора! Душевных наших мук
Не стоит мир; оставим заблужденья!*

Удивительно, но это искренняя правда — красота девственной природы сохранилась в этих нетронутых урбанизированной цивилизацией местах до сих пор. Михайловское находится в отдалении от железной дороги. К нему нужно добираться, как и во времена поэта, сквозь прорезанные в лесах просеки.

Знакомые моего друга предоставили нам возможность переночевать в избе с бревенчатыми стенами, в отопленной русской печью светёлке. Это была деревня с поэтическим названием Зимари напротив пушкинской усадьбы через долину-пойму речки Сороть. Здесь нужно просто побывать, увидеть самому тот романтический пейзаж, прочувствовать ту атмосферу поэтического вдохновения, когда из-под пера вдруг потекут слова, и строки сложатся в признания:

*И сердце бьётся в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слёзы, и любовь.*

Есть коллекционеры значков, открыток, марок, спичечных этикеток. Придуманы названия их увлечениям. А я вот уже много лет собираю изображения памятников Пушкину со всего света. Встречаюсь и переписываюсь с такими же, как я, чудаками. Есть книги, альбомы, изданные на эту тему — памятники Пушкину. Но моя страсть связана с желанием увидеть воочию скульптурные изображения русскому поэту. Случилось так в моей судьбе, что памятники в дальнем зарубежье, не все пока, но некоторые, я посетил и снял их в естественном месторасположении. Из доступных мне со всего мира источников известно, что на планете установлено не менее 750 памятников Александру Пушкину. В тридцати государствах, где никогда, естественно, не бывал поэт, есть памятники русскому гению. В США их, к примеру, пять, в Германии около десятка, несколько — в Китае, в Михайловском, куда мы приехали, и в Пушкинских Горах есть памятники-бюсты, “Пушкин” сидя и лёжа. Мы обошли и поклонились истинно святым местам и в том числе могиле славного поэта.

Вообще в Псковской области, по моим данным, установлено не менее полутора десятков скульптурно-монументальных изображений Пушкина. Любят здесь поэта, как, впрочем, и в соседней Тверской, и в Вологодской, и конечно, в Ленинградской областях. Не повезло с памятью о поэте лишь в Новгородской губернии.

Уж, извините, дорогие новгородцы, но в отношении к поэту вы “позади планеты всей”. Сквозь Великий Новгород Александр Сергеевич проезжал многократно, останавливался и на ночлег. Губернию пересекал не счётно. И, как свидетель этого, лишь в Боровичах стоит невзрачный бюст тому, кого считают “солнцем русской поэзии”. Конечно, не количеством памятников определяется отношение живущего поколения к языку, культуре, истории. И всё же.

Уважением и гордостью за нашу историю и наш язык наполняется душа от инициативы российской и зарубежной писательских организаций. Памятники Пушкину как делегату и представителю нашей культуры они устанавливают в Америке (Панама), в Азии (Филиппины), в Африке (Эритрея). Нас это разве не объединяет? Быть может, надо попросить писателей: не обделите и русскую “глубинку” — Новгород Великий. А то вдруг потеряется связь с историей, корнями и судьбой.

Свет звезды

*Гении, как звёзды, — вестники миров,
Временем сокрытых и пространством;
Свет от удалённых в космосе костров,
Обогревших нас протуберанством.*

*Словом пламенеет гения тепло,
Согревает всех, к нему прильнувших,
Потому от чтенья Пушкина светло
Даже сотни лет спустя минувших.*

*Светит путеводно Пушкина звезда
Следом за поэзией идущим,
Было так доныне, будет так всегда —
Это свет для гениев грядущих!*

Памятник крепостной крестьянке

(О няне поэта)

Немногие современники Александра Сергеевича Пушкина осознавали что, если и вспомнят о них, то лишь потому, что довелось им жить в одно время с поэтом. Безвестными могли бы остаться сенаторы и министры, князья и бароны, все его гонители и завистники. Но нам-то теперь интересны все, кого упомянул он в своём творчестве или в письмах.

Кто бы мог подумать тогда, что благодаря светлым стихам А. С. Пушкина станет знакомо и дорого нам имя простой крепостной крестьянки Арины Родионовны. И неизвестно, как сложилось бы творчество поэта, не будь в его судьбе доброй няни и не одари она его богатством своей души.

Без сомнения, не были бы созданы Пушкиным прекрасные поэтические сказки, если бы не внимал он от доброй няни “преданья старины

глубокой” о богатырях и спящей красавице, о Черноморе и Гвидоне, о незадачливом попе и хитроумном его работнике. “Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!” — писал Александр из деревни брату.

А после смерти няни гонимый властями, бесприютный и бессемейный Александр Сергеевич вдруг понял, что “он стал без неё сиротой, потому что никто так его не любил, как она, этой — самой нужной и самой редкой в жизни — любовью, всё дающей и ничего не требующей, любовью, к которой можно прильнуть и отдохнуть”.

Так сложилось, что Пушкин был обделён материнской любовью, и потому всю свою сыновнюю теплоту и преданность он отдал Арине Родионовне, называя её “мамушкой”. Чувство родства и привязанности было у них взаимное. Арина Родионовна трепетно опекала и любила своего “милого ангела Александра”. За год до смерти она писала ему из Михайловского: “Любезный мой друг, Александр Сергеевич, я получила ваше письмо и деньги, которые вы мне прислали. За все ваши милости я вам всем благодарна — вы у меня беспрестанно в сердце и на уме...”.

А сколько стихов посвящено поэтом няне! И на века она останется, изображённой в литературных образах задушевной собеседницы Татьяны Лариной и преданной няньки Дубровского. Александр Сергеевич писал, казалось бы, интеллектуальную светскую литературу только для дворян, и всё-таки его поэзию называют народной. И народность эту он впитал с младенчества, вслушиваясь в напевные повествования своей няни. Потому и во многих скульптурных композициях поэт изображён не с привычными для нас бакенбардами, а совсем юным и рядом с няней.

Кто о чём, а я всё продолжаю рассказывать о памятниках Пушкину. В Болдине воплощённый в бронзу кудрявый малец прильнул к няне и замер, вслушиваясь в напевные сказания. Они уютно так устроились у прудика под яблонями: она, сидя на траве, и он, положив ей голову на колени. А вокруг — яблоки. И среди бронзовых обязательно появляется живое, румяное от поклонников поэта и посетителей музея.

Памятники Арине Родионовне (не многие знают, что фамилия у неё Яковлева) есть и в Калужской области, и в Пскове. Удивительно трогательный монумент установлен на родине любимой няни Пушкина в селе Воскресенское под Петербургом. Ещё не пожилая женщина нежно прикрывает отрока Сашеньку своей шалью. Неподалёку, в небольшом селце Кобринно, сохранилась избушка, в которой Арина Родионовна жила после своего замужества. Сейчас там создан музей. Когда я побывал в этих местах, то у сельчан прикупил местных яблочек, душистых, пурпурных, и тоже положил к подножию скульптурного дуэта одно из них.

г. Петропавловск.

Дополнительный урок

Светлана ИБРАЕВА,
преподаватель литературы Щучинского
технического колледжа

Истоки чести и отступничества

*Проблема нравственного выбора
в прозе В. Быкова ("Сотников"), Т. Ахтанова ("Буран")*

Основная задача литературы — формирование правильных взглядов, убеждений, воспитание морально-нравственных качеств.

При интегрированном обучении казахской и русской литературы я выделила тему: проблема нравственного выбора в произведениях Тахави Ахтанова ("Буран") и Василя Быкова ("Сотников"). Авторы прослеживают поведение героев в экстремальных ситуациях, когда они оказываются один на один со своей совестью, от того какой сделают выбор, зависит вся их дальнейшая судьба. Например, Сотников в одноимённой повести В. Быкова достойно принял смерть. Никакие жестокие пытки не могут сломить его дух. Это удивительная стойкость.

Другой герой этого же произведения Рыбак, в отличие от Сотникова, проявляет малодушие, становится на путь предательства.

Аналогична история Коспана и Касбулата в романе Т. Ахтанова "Буран". Два друга во время арталёта повели себя по-разному: Коспан, прозванный бойцами "Верзилой", пошёл под пулями в окопы вместо командира роты Касбулата, не сумевшего справиться со страхом. Однако после войны Касбулат возвратился героем, а Коспана подвергают допросам, унижению за то, что побывал в плену.

Таким образом авторы на примере своих героев исследуют психологическое состояние человека на войне, определяют истоки отступничества и стойкости.

По всей вероятности, ни Рыбак, ни Касбулат, имевшие в благополучных ситуациях авторитетную репутацию, не предполагали, что внутренне слабы, не подготовлены к испытаниям и в крайней экстренной ситуации не выдержали, отступили от совести и долга.

Почему В. Быков и Т. Ахтанов проводят своих героев через войну?

Война — это не только смерть, страдание, невосполнимые потери, но и экзамен на выносливость, стойкость, мужество. В благополучное время человек порою не знает своих внутренних возможностей, психологически не подготовлен к испытаниям, но, оказавшись в ситуации безысходности, он делает **ВЫБОР**, от которого будет зависеть вся его дальнейшая судьба. Вот почему уроки "кодекса человечности" героев столь значимы для воспитания характера читателя.

Как повели себя герои произведений в экстремальных ситуациях? Какую роль играет в поступках человека ВОСПИТАНИЕ?

Вот проблема, которую надо разрешить при интегрированном изучении романов Василя Быкова и Тахави Ахтанова.

Сотников воспитывался в семье военного. Отец был к нему строг, требователен. Неслучайно автор включает в воспоминания своего героя перед казнью эпизод из далёкого детства, когда он, взяв без разрешения именной отцовский револьвер, нажал на пусковой крючок... Вместо наказания он услышал слова: "Никогда, никогда, мой мальчик, обещаю не делать того, что не положено...", ставшие непреложными, составляющими сущность его натуры. Вот почему, идя

на допрос, Сотников решил “молчать до конца”, выдержал страшные пытки и достойно принял смерть.

Коспан из романа Т. Ахтанова “Буран” близок по духу Сотникову. Он получил трудовое воспитание. Чувства долга, совести, ответственности никогда не покидают простого чабана, бывшего солдата. В буран, зная что может погибнуть, отправляется Коспан в степь, преодолевая холод, голод, один в борьбе со стихией, спасает общественный скот.

Какая внутренняя сила помогла Коспану преодолеть не только буран в степи, а и буран в душе, судьбе?

Почему, вернувшись с войны, он не ожесточился, не разочаровался после несправедливых обвинений, когда ему пришлось испытать унижения, недоверие, ощущение “вины, в которой не был виноват”. Его, бывшего учителя, не принимали никуда на работу. Коспан вынужден был стать чабаном. Нет, не сломило это бывшего фронтовика Коспана, и в мирное время мужественно переносившего невзгоды и несправедливое отношение к себе. Коспан не привык роптать, он суров к себе, честно исполняет свой долг. Теперь, в мирное время, он трудится на родной земле, свободу которой отстоял на фронте.

Почему авторы наделяют своих героев неброскими, “незамеченными” внешне при благоприятных обстоятельствах характерами?

Сотников в отряде слыл замкнутым, неразговорчивым. Партизаны сторонились его, предпочитая общение с грубоватым, но весёлым и понятным им Рыбаком.

Коспан, оказавшись рядовым на фронте, воспринимается “неуклюжим”, “верзилой”, даже не умеющим держать правильно винтовку, в то время как Касбулат стал командиром роты. Но именно он во время артналёта испытал трусливое, жалкое ощущение страха, а “Верзила” вместо него пошёл под пули поднимать дух солдат.

Почему Рыбак, физически выносливый, любимец и душа отряда, испытал смятение, желание выжить во что бы то ни стало, когда попал к немцам? Это жгучее желание сохранить себя привело его к предательству.

Вероятно, слабость, внутренняя несостоятельность заложены в Рыбаке ещё с детства, в семье, родители не привили основы нравственности, чувства долга, ответственности. За внешней физической силой скрывалась неустойчивая, малодушная натура Рыбака, руководствующая лишь самосохранением. И в минуту безысходности он сделал свой выбор — выжить, во что бы то ни стало сохранить жизнь, которая потом стала ему постылой, ненужной. Рыбак никак не может осознать, что он теперь на другой стороне, “свой” среди полицаев, предатель; его постигает смятенное ощущение невозможности реабилитировать себя в собственных глазах. Он так и не мог понять: почему это произошло с ним, партизаном, верным Родине, честно воевавшим против фашистов. Не может дать объяснение случившемуся из-за отсутствия нравственности, недостаточного развития духовных и интеллектуальных качеств.

Теперь проследим за линией поведения Коспана. Он честный человек, мужественен, требователен и суров к себе, не привык, чтобы судьба его баловала. Труд стал смыслом его жизни. В смертельной ситуации на войне он обеспечил отход подразделения, выполнив приказ командира, а в плену поддерживал фронтового товарища. При побеге из концлагеря пытался отвлечь на себя внимание немцев и помочь Гусеву уйти. “Ты настоящий человек” — эти слова благодарного друга являются критерием оценки личности Коспана.

Но почему же в благополучное время, после войны он был унижен недоверием со стороны властей? Почему Родина так несправедливо отнеслась к самым верным и лучшим своим сынам? Объясняется ли это только тоталитарным

режимом? Почему не защищены в обществе люди совести, чести? Почему доброта обернулась несчастьем для Коспана?

Для понимания этого вопроса необходимо проследить взаимоотношения двух героев, Коспана и Касбулата. Жизнь их сталкивает в экстремальных ситуациях: когда-то на войне Коспан, рискуя собой, выполнил задание, возложенное на командира подразделения Касбулата, скрыв малодушие того, сохранил его честь, авторитет. Касбулат же, став после окончания войны ответственным руководителем, не только не помогает фронтовому товарищу устроиться на работу, но унижает его недоверием. Так разоблачается его ничтожная мелкая душа, проявившая слабость и трусость в первом бою.

Касбулат, заняв должность председателя колхоза, остаётся в сущности тем же слабым несостоятельным человеком, неспособным принять серьёзное решение, каким он показал себя впервые на фронте. Коспан же, напрягая духовные и физические силы, в одиночку спасает колхозный скот, не дождавшись помощи от Касбулата, как руководителя. В этой ситуации опять-таки каждый делает выбор: Коспан, проявив стойкость, мужество, спасает общественное добро, Касбулат уходит от решения проблемы, предаваясь бесплодным размышлениям...

Конец повести не оставляет сомнений в моральной победе Коспана, заслужившего уважение и любовь близких.

Неслучайно Сотников во время казни, когда петля уже натянута на шею, беспокойно окидывает глазами толпу людей, согнанную фашистами, и, наконец, останавливает взгляд на лице худенького подростка, широко распахнутыми, полными слёз глазами смотревшего на него. В его лице Сотников прощался со всем дорогим ему миром. Этот мальчик всю жизнь будет помнить не только страшную казнь, а мужество, нравственную силу, стойкость Сотникова, что определит его дальнейшее поведение в жизни. В сознании подростка навеки запечатлена стойкость, негибкая воля верного сына Родины Сотникова.

Нравственный выбор характеризует не только судьбу человека, но и определяет жизнь последующего поколения.

С идейной точки зрения писателя Тахави Ахтанова, человек несёт ответственность за свои поступки: придёт час расплаты за прошлое. Благополучного в мирное время Касбулата не покидают угрызения совести, ощущение пустоты, безысходности. Закончилась война, он вернулся героем, Родина вознаградила, партия доверила должность руководителя. Никто, кроме Коспана, не знает о его трусости, отступничестве в первом бою, когда он вместо себя отправил под пули ординарца, обеспечившего ему выполнение задания. В отличие от Рыбака, его не постигло разоблачение, как малодушного слабого человека. Кара судьбы, казалось, миновала.

Но почему так пусто на душе у Касбулата? Наверное, потому, что не сможет он найти оправдания своим поступкам, жива ещё совесть, не оставляющая его никогда. Сознание бессмысленности, ничтожности своей жизни стало причиной глубокого душевного кризиса. Неслучайно отчуждение Касбулата не только с фронтовым другом Коспаном, но и с семьёй, народом, он остаётся один, с тяжёлыми воспоминаниями, запоздалым раскаянием. Так автор с глубоким психологизмом раскрывает растление и опустошение души Касбулата.

Уроки нравственности преподают со страниц своих произведений "Сотников", "Буран" писатели Василь Быков и Тахави Ахтанов, заставляющие думать об ответственности человека за свои поступки в решающих ситуациях, где они должны сделать ВЫБОР, от которого будет, вероятно, зависеть вся его дальнейшая жизнь.

Степные напевы

Выставка “Мелодии Наурыза” Гульмиры Тельгозиевой прошла в столичном музее современного искусства. Были представлены 53 картины, созданные в разные годы и раскрывающие тематические приоритеты и особенности творчества живописца.

Гульмиру Тельгозиеву хорошо знают в Астане — её родном городе. Окончив Алма-Атинское художественное училище им. Н. В. Гоголя, она вернулась в Целиноград, где сразу стала активным участником культурной жизни будущей столицы. Памятны её декоративные и живописные работы начала 90-х, в 1996 году она принята в Союз художников Казахстана, в

2003-м становится государственным стипендиатом. На счету художницы — участие во множестве городских, республиканских, международных выставок, “Мелодии Наурыза” — 15-я персональная.

Г. Тельгозиева — одна из самых активных мастеров, заявивших о себе в начале 90-х, и сегодня она руководит молодёжным объединением Союза художников Астаны. На юбилейный вернисаж Гульмиру пришли поздравить коллеги и многочисленные поклонники её творчества.

Экспозиция знакомит с жанровой живописью, портретами, пейзажами, натюрмортами. Главная тема творчества Г. Тельгозиевой — обычаи, традиции и повседневная жизнь казахов, переданные в особой романтической трактовке.

Портреты и жанровые работы составляют особый семейный цикл, где представлены разные поколения — пожилой аксакал-охотник, бабушка-апашка, занимающаяся домашним хозяйством, красавицы-степнячки и джигиты, мальчишка, приехавший погостить в аул (“Гость из города летом на отдыхе”, “Степная мадонна”, “Любимый правнук”, “Степные тарланы”).

Сюжеты картин отсылают как к праздничным моментам, так и к непримечательным будням, где художница, тем не менее, находит интересные детали. Так, убранство юрт, текеметы, домашняя утварь и конская сбруя, элементы одежды и женские украшения становятся полноправными “участниками” повествования о степной жизни, традиции которой сохраняются и в наши дни. “В произведениях реализуется её понимание красоты и гармонии жизни, — отметил известный казахстанский искусствовед Валентин Пак. — Отсюда и стилистическая направленность формы, яркая декоративность колорита, пристальное внимание к фактуре холста, пастозная манера письма”.

Вернисаж Гульмиры Тельгозиевой украсило выступление третьеклассников школы-гимназии № 10, подготовивших замечательную инсценировку, посвящённую Наурызу. Детские голоса, их песни и танцы, смех изгнали тишину из музейных залов, напомнили о празднике и подарили всем мелодии весны, которые радостно и звонко звучали вокруг.

Наталья КУРПЯКОВА,

фото Игоря БУРГАНДИНОВА.

Елена ДАЙЛИДКО

Польская трагедия и судьба Альбертины

В апреле-мае 2011 года исполнилось 75 лет со времени депортации поляков, проживавших на территории Украины, в Казахстан. На протяжении многих десятилетий искажались исторические факты этой трагедии. Основная масса архивных документов, освещавших те события, была недоступна или вообще относилась к категории “особо секретных” документов.

Поляки стали одной из первых многочисленных групп населения СССР, которые были переселены исходя из национальной, а не классовой принадлежности. Они были в массовом порядке выселены из Украины и Белоруссии в отдалённые районы азиатской части СССР, в основном в Казахстан.

В 1936 г. было принято постановление СНК СССР “О переселенцах с Украины”, согласно которому поляки, проживавшие на Украине, были переселены в Казахстан. Социальный статус определялся как “политически неблагонадёжные элементы” пограничных зон. Контингент спецпереселенцев был следующий — поляки, немцы, в основном жители Житомирской, Киевской, Винницкой, Кировоградской областей.

Очередная волна депортации для поляков наступила в 1939-1941 гг., когда Западная Украина и Западная Белоруссия вошли в состав СССР. Все неугодные советскому режиму представители этих республик были выселены по отработанной уже схеме в Сибирь, Среднюю Азию и Казахстан. В 1940 году в Северо-Казахстанскую, Павлодарскую, Акмолинскую, Талды-Курганскую, Алма-Атинскую и Джамбульскую области были направлены многочисленные составы ссыльных — члены семей репрессированных участников повстанческих организаций, офицеров бывшей Польской армии, полицейских, тюремщиков, жандармов, помещиков, фабрикантов и чиновников бывшего польского государственного аппарата. Среди них появился новый контингент спецпереселенцев под названием “польские посадники и беженцы”. Посадники — это переселенцы из Польши, в основном бывшие военнослужащие польской армии, отличившиеся в польско-советской войне 1920 г., получившие земли в районах, заселённых украинцами и белорусами. Посадники в Польше выполняли определённые полицейские функции в отношении местного населения, и поэтому в СССР были объявлены “злейшими врагами трудового народа” и поголовно семьями выселены в глубь СССР. Следует отметить, что их национальный состав был неоднороден. Основная их часть была представлена поляками, но среди них было значительное количество евреев, украинцев, белорусов, немцев и представителей других национальностей.

Кроме того, в ссылке в Казахстане находилось около 66 тыс. членов семей репрессированных офицеров и других чинов Польши.

По данным государственного архива Карагандинской области, накануне Великой Отечественной войны на территорию Казахстана было выслано 104 тысячи поляков и членов их семей.

Так началась новая история поляков Казахстана. Они прибывали в степи без средств к существованию и с клеймом “враг народа”. В рубриках

учёта НКВД после июля 1941 года вместо “посадников”, “беженцев”, “семей репрессированных” появилось обозначение “бывшие польские граждане”.

После начала войны с Германией между Советским правительством и Польским правительством в эмиграции 30 июля 1941 года было подписано соглашение о восстановлении дипломатических отношений и о создании польской армии на территории СССР. Правительство Советского Союза признало советско-германские договоры 1939 г. утратившими силу. К советско-польскому соглашению был приложен протокол следующего содержания: “Советское правительство предоставляет амнистию всем польским гражданам, содержащимся ныне в заключении на советской территории в качестве или военнопленных, или на других достаточных основаниях со времени восстановления дипломатических отношений”, В соответствии с этим протоколом в августе 1941 года был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии “всех польских граждан”.

Советское правительство определяло гражданство по национальному признаку.

Многие десятилетия вопрос о попечительстве над польскими гражданами, проживающими на территории Казахстана, со стороны посольства Республики Польша в Куйбышеве в 1941-1943 гг. сознательно не упоминался. На основании решений, согласованных послом Республики Польша, в районах, населённых поляками, начался этап организации представительств, основной задачей которых была координация попечительских мероприятий и жизни административных польских граждан. Правительство Советского Союза было убеждено в том, что в представительстве занимаются враждебной по отношению к Советскому государству деятельностью, а это полностью исключало возобновление их работы. Именно с этого времени советское руководство всячески пыталось доказать, что доверенные лица могут работать и без помощи вышестоящего органа. Однако в конце 1942 года обстановка была пока ещё не из худших. В Казахстане работали свыше 200 различных попечительских организаций.

Положение решительно ухудшилось после напряжения отношений между правительством Польши в Лондоне и правительством Советского Союза. Действительно, деятельность посольства Республики Польша в Куйбышеве сыграла важную роль в сохранении жизней многим тысячам польских граждан. Поляков призывали в трудовую армию. Рабочие колонны формировались только из числа “неблагонадёжных” народов для работы в угольной, металлургической и других отраслях Казахстана.

Тяжёлое положение сложилось с продовольственным снабжением спецпереселенцев, отсутствовали овощи и другие необходимые продукты. Снабжение хлебом производилось с перебоями. Особенно неувязки в материальном снабжении наблюдались у семей военнослужащих Польской армии в СССР.

В связи с этим правительство Казахстана наметило ряд мероприятий по улучшению материально-бытового устройства семей этих военнослужащих. Постановление СНК Каз. ССР от 5 апреля 1944 года “Об оказании дополнительной материальной помощи бывшим польским гражданам, эвакуированным из западных областей Украины и Белоруссии в тыловые районы СССР” обязало Наркомторг республики выдать бывшим

польским гражданам, эвакуированным из западных областей Украины и Белоруссии в тыловые районы СССР, продовольственный паёк в следующем размере на одного человека: муки — по 2 кг., крупы — 1 кг., жиров — 500 гр., сахара и кондитерских изделий — по 500 гр., соли — 560 гр., мыла хозяйственного — по 1 куску. Семьям военнослужащих в трёхдневный срок были назначены пенсии, пособия и произведена выплата за прошлый период в том же порядке, как это установлено для семей военнослужащих Красной Армии, а также приняты меры к немедленному необходимому ремонту жилищ и по улучшению жилищных условий.

Специальный надзор над поляками был упразднён в 1956 году.

Были созданы комиссии на местах в составе председателей облисполкомов, зам.начальников УНКВД, УКГБ, разработаны указания по отправке поляков. Были составлены графики подачи железнодорожного состава для отправки спецпереселенцев в места прежнего проживания, инструкции начальникам эшелонов по сопровождению спецпереселенцев и обслуживанию их на пути следования.

Из Караганды был отправлен эшелон в составе десяти пассажирских и двух товарных вагонов с гражданами, изъявившими желание выехать в Польскую Народную Республику в количестве 437 человек, в том числе 50 детей до 16 лет.

Не обошла стороной трагедия и родственников Владимира Тимофеевича Байковского — полковника запаса, бывшего начальника городского военкомата г. Кокчетав. В ноябре 2010 года в кокшетауской газете было опубликовано стихотворение Владимира и Альбины Байковских “Житие Альбертины”, посвящённое 100-летию Альбертины Антоновны Байковской. Оно так глубоко запало мне в душу, что мне захотелось подробнее узнать о жизни этой стойкой женщины. Я встретила с В.Т. Байковским, и он мне поведал историю своей семьи и судьбы своей тёти Альбертины.

Семья Байковских издавна проживала в местечке Довбыш Польского автономного округа Украины. 1936 год стал годом страшной трагедии для поляков, проживающих на Украине — всех их депортировали в Казахстан.

Альбертина в то время была уже замужем, её муж был главным инженером Довбышанского фарфорового завода, и их семьи депортация не коснулась. Альбертина с тяжёлым сердцем проводила родных. Но в 1938 году страшная беда обрушилась и на неё — однажды ночью на “чёрном воронке” увезли её мужа. Добрые люди шепнули ей — беги! Долго не раздумывая, решила — к родным в Казахстан, другого выбора не было. Собрав кое-какие пожитки, с трёхлетним сыном на руках она отправилась в долгий путь. Пешком, иногда на подводе с добрыми людьми, постоянно боясь ареста, в течение двух лет она добиралась до своей родни. Её мать, братья, сёстры жили на поселении в селе им. Горького Келлеровского района в Казахстане под контролем НКВД, куда добровольно от безысходности прибыла и Альбертина.

Через некоторое время она узнала, что её мужа расстреляли, как “врага народа”. Горе не сломило её — надо жить ради сына, ради младших братьев и сестёр, она была единственной опорой матери. Молодая, красивая, она встретила хорошего парня, вышла замуж, родила дочь Гелю, но грянула война, муж ушёл на фронт и в 1944 году погиб в бою на белорусской земле.

Ещё не отошла от похоронки, как грянула новая беда — девятилетний сын Володя поранил ножку, началась гангрена, и он умер. А через несколько месяцев, за семь дней до окончания войны, когда все уже жили

ожиданием Победы, возвращения близких, у Альбертины произошла ещё одна трагедия — заживо сгорела в хате её маленькая дочурка Геля. Такое было время, матери оттемна дотемна работали в колхозе, дети оставались одни без присмотра, и так случилось — Геля открыла печь, огонь перекинулся на одежду ребёнка, и рядом никого не было, чтобы прийти на помощь. Это горе превратило Альбертину в старуху, пережить такое очень тяжело и не каждому под силу, но Альбертина Антоновна перенесла и это, но всю жизнь себя корила, что не смогла сберечь своих деточек.

После войны она ещё раз попыталась счастья — вышла замуж за брата своего погибшего мужа — Адама Роговского, но прожили они вместе недолго, Адам умер от ран, полученных на войне.

— Вот такая трагическая судьба у моей тёти Альбертины, — говорит Владимир Тимофеевич. — Когда я появился на свет, тётя назвала меня в честь своего сына Володей, стала моей крёстной матерью и всю свою материнскую любовь отдавала мне.

Владимир все каникулы проводил у тёти в с. Горьком, помогал по хозяйству, она держала его в строгости, приучала к порядку, учила польскому языку и молитвам, много рассказывала о прежней жизни на Украине.

— Я на всю жизнь запомнил слова тёти, — продолжает Байковский. — “Сыночек мой, где бы ты ни был в своей жизни, кем бы ни стал, всегда помни, что ты поляк, знай свой язык и обычаи своего народа”. А когда я приехал к ней представляться полковником, она с гордостью и улыбкой сказала: “Если бы я не строжила тебя, разве ты стал бы тем, кем есть, — и добавила: — Твои предки всегда честно и добросовестно служили государству, а в тяжёлую годину защищали его с оружием от врагов, как делал это твой отец Томаш, ты помни это, будь достойным сыном своего народа”. Эти слова своей крёстной я запомнил навсегда.

Вот так и прожила свою долгую жизнь Альбертина Антоновна в селе Горьком, трудилась не покладая рук, и несмотря на трагичность своей судьбы, была очень доброй, отзывчивой, помогала всем, отдавала последнее, если в этом кто-то нуждался. Она имела небольшой домик с приусадебным участком, постоянно выращивала картошку, капусту.

— А какие у тёти были морковь и чеснок — их только выставлять на сельхозвыставках, а в доме у неё всегда была чистота и пахло чем-то родным и вкусным, напоминающим детство, — с восхищением говорит Владимир Тимофеевич.

Большую благодарность семья Байковских выражает руководству крестьянского хозяйства села им. Горького, которое возглавлял Станислав Соболевский, за то, что в тяжёлые девяностые годы не забыли их родственницу, помогали ей материально, за Альбертиной Антоновной был закреплён социальный работник по уходу за ней и оказанию всяческой помощи по дому.

Чета Байковских неоднократно предлагала тёте Альбертине переехать к ним в Кокшетау, но она всегда категорически отказывалась, говорила при этом: “Спасибо, сыночек, за заботу, жизнь свою буду доживать здесь, в селе, ставшем за шестьдесят с лишним лет родным, рядом с могилами моих дорогих деточек”.

Умерла Альбертина Антоновна Байковская на девяносто третьем году жизни, похоронена в селе Горьком рядом со своими детьми, как она и просила...

г. Кокшетау.

Сергей БУДАРАГИН

Иероглиф

*На все вопросы рассмеюсь я тихо,
На все вопросы не будет ответа,
Моё имя — стёршийся иероглиф,
Мои одежды залатаны ветром...*
“Пикник”

*Памяти моего Учителя по айкидо
Владимира Николаевича Снегирёва*

Я познакомился с ним в “Эврике” — творческой школе, основанной супругами — неординарными людьми. Там проходили занятия по айкидо, и вёл их Владимир Николаевич Снегирёв. Я до этого занимался в различных секциях каратэ и ушу, но мне по нраву пришлось айкидо — мягкий стиль, который может быть и жёстким. Я начал заниматься под руководством моего Учителя. Айкидо подобно струящейся воде, обтекающей препятствия, которые встречаются ей на пути. И сила Божественного Воина, Воина айкидо сродни силе воды, ибо никто покуда не сумел разбить воду молотом или пронзить ножом. Самый могучий на свете меч не в силах оставить шрам на её поверхности. Воды реки применяются к возможностям и особенностям пути, но всегда при этом помнят о главной цели — о море. Слабый ручеек постепенно обретает силы от встречи с другими реками. И вот приходит миг, когда мощь воды становится необорима. Воин айкидо подобен скале, если он стоит на равнине, и всё вокруг исполнено Гармонии, он остаётся непоколебимым. Если же находящееся вокруг него будет лишено равновесия и уважения, вот тогда он явит свою мощь и ринется на врага, дерзающего нарушить мир. В такие минуты Воин айкидо губителен и смертоносен, и никто не в силах удержать его.

Мы работали с ним в паре, он показывал на мне приёмы, а потом мы с ним оттачивали эти удары и блоки, захваты из древней науки Цинна. Мой Учитель был высоконравственным, духовным, спокойным, невозмутимым человеком, чему научили его долгая служба в армии полковником ВВС и занятия ещё в армии боевыми искусствами, которым он посвятил свою дальнейшую жизнь.

В Каркаралинске, куда мы поехали на отдых и тренировки, я почувствовал себя частью коллектива. Нас было около 20 человек. Там я вставал рано утром с Учителем — и мы шли умываться к чистому ручью, на дне которого видны были камни. Этот ручей и природа дарили нам бодрость и свежесть утра. И прогулка дарила радость пробуждающегося леса и гор и ясность Духа. Учитель назначал дежурного по кухне, и палаточный городок приходил в движение. Каждый день мы купались в озере, и я представлял себе, что я — дельфин, когда погружался в воду и плыл, выныривая для набирания в лёгкие воздуха, снова окунаясь с головой в озеро. Ощущение себя дельфином мне очень помогало слиться со стихией воды.

Под гитару, которую я взял с собой, я играл и пел свои песни по вечерам у костра. Я сидел с гитарой и ощущал плечо товарищей, мне было

радостно общаться с ними и петь песни. Неподалёку от нас был дом отдыха “Шахтёр”, где я познакомился с одним бардом. Он устроил для меня мой авторский вечер. Моё выступление прошло “на ура”. Все зрители, а их было немало в том зале, аплодировали мне. Но жаль, Учителя между ними не было, он ушёл по своим делам.

Во время хождений по горам и занятий айкидо укреплялись ноги, становилось ровным дыхание. В Каркаралинске я ощутил себя намного здоровее и бодрее. Благодаря Учителю я чувствовал себя во время отдыха и тренировок раскованно и свободно.

Когда мы возвращались в Караганду в переполненном автобусе, меня не покидало чувство радости от того, что мы так хорошо провели время.

Через два года, во время отдыха в Боровом, во время занятий тайцзи-цюань возле озера, вместе с Учителем, вдруг все посторонние звуки вокруг перестали существовать. Я ощутил слияние с Природой, со Вселенной. Мне было так хорошо, когда я выполнял плавные движения этой гимнастики вслед за Учителем. Я ощутил своё единение с озером, с горами вокруг, с самой целебной атмосферой Борового. Были только мир, покой, гармония со Вселенной и с собой...

Его смерть пришла неожиданно, когда ему было 42 года. У него, как потом обнаружили, было больное сердце. Он тренировался, как всегда, утром, на природе, и вдруг ему стало плохо, он упал и через несколько минут умер. Нелепая смерть!

Позже я попрощался с его телом, перед самыми похоронами. И смерть — это тоже таинство, как и рождение человека в этот мир. Никто не знает, когда он взлетит на Небеса! Для меня его смерть была шоком и неожиданностью. При жизни Учителя я написал о нём две статьи. Пусть они станут моим скромным вкладом в память о Владимире Николаевиче Снегирёве — Воине Света, замечательном Человеке с большой буквы, офицере ВВС, настоящем друге и наставнике, моём Учителе! Память о нём останется у меня навсегда — как чистый ручей, как чистый воздух, как горы и просторы Каркаралинска и Борового!

г. Караганда.

Евгений БОРОВЕЦ

Так бывает иногда

Жила-была собака

Жила-была собака. Дневные заботы её расстраивали, и поэтому порой она срывалась на неосторожном прохожем. А иногда, спрятавшись за свою будку, поджидала засмотревшуюся курицу, чтобы в один миг напугать, да так сильно, что курочка больше никогда не ходила, а летала, как настоящий ястреб, которого собака и в глаза не видела. Но соседские собаки говорили, что ястреб — это такая большая-пребольшая летающая косточка.

За свою короткую жизнь никого не любила и ни с кем не дружила. Только вот была слабость у собаки — это луна. Как только погода оставляла небо без облачных причуд, луна появлялась, озаряя будку собаки. Собака выходила и негромко начинала выть. Так выла уже лет пять.

Однажды любопытная кошка очень близко подкралась, посмотрела на пса и от удивления замяукала:

— Слушай, собака, я не понимаю, зачем ты воешь на луну?

Собака молчала.

— Ты, наверное, думаешь, что это фонарик или ... или светящаяся в ночи большая вкусная косточка.

Ей стало жалко пса, и она принесла когда-то припрятанную настоящую косточку. Собака даже не дотронулась, а только продолжала смотреть и выть на луну.

“Это очень даже странно”, — подумала кошка. А потом с ещё большим возмущением заговорила:

— Собака, ты можешь мне, наконец, объяснить, почему ты воешь на луну?

Но собака молчала.

Когда луна зашла за долгую тучу, она, не обращая ни на кого внимания, не торопясь, побрела к себе в будку.

На следующую ночь кошка опять появилась, села рядом с собакой и всё размышляла: почему луна, и почему собака...

Через два дня кошка опять пришла. На этот раз собака оказалась поразговорчивее.

— Понимаешь, это такое, такое вот близкое и хорошее.

“Да, — подумала кошка, — не всё хорошее можно потрогать лапой”.

— А тогда вот почему... — было начала она задавать вопрос, и запнулась.

Так они просидели вдвоём до утра.

У собаки появился друг. Теперь без страха кошка могла подойти даже днём. Но ночь оказывалась самой подходящей для дружеской беседы. Впрочем, они мало говорили, в основном смотрели на луну.

— Понимаешь, это такое... — говорили они друг другу, — ну, такое... такое, — и, не закончив, замолкали на долгую ночь.

Про любовь

Собака пристально вглядывалась в даль. Там далеко-далеко должно было зайти солнце. Ей захотелось повить раньше времени. Но солнечные лучи ослепили это желание и вместо этого появились на глазах капельки.

На морозе капельки замёрзли. Через эти увеличительные шарики всё казалось очень уж огромным и разноцветным. Всё переливалось немыслимыми для собаки красками. Вначале она пригнулась, ошарашенная таким видением, ошетибилась и, наконец, завывла, да так громко, что напугала кошку, которая отдыхала после сытного обеда.

Кошка подошла к собаке совсем близко, намереваясь прекратить это безобразие:

“Ну не надо сейчас выть, помолчи, пусть солнце спокойно уйдёт к себе...”.

Собака посмотрела на гостью и ... Радужные глаза незнакомки неожиданно взволновали, затеребили сердце. Собака крепко закрыла лапой то, что так сильно билось в груди. Гостья явно напоминала кого-то. Но это было лучше.

— А вдруг ты влюбилась, — подсказало что-то внутри.

“А что это такое? — подумала собака, — это хорошо или плохо? Надо, наверное, что-то сказать, — пронеслось тут же в голове, и она пробурчала: “Ты кто?”.

Кошка чуть не упала от неожиданных слов, она явно ожидала других.

— Я не знаю, кто ты, но ты такая, такая, вот, ну... — произнесла задумчиво собака.

“Да ты не то говоришь и не так!” — закричало, точнее с новой силой заколотило внутри. Собака сильнее прижала **это** к груди, и чтобы **это** не выскочило, проговорила: “Ты такая, такая хорошая (она попыталась изобразить лапами, потом глазами) — и, наконец, закончила словами, — я тебя люблю”.

Кошка растерялась ещё больше: глаза её завертелись, рот широко открылся. Она всё пыталась объяснить своё непонимание.

Собака приняла это замешательство за знак доверия и особого расположения. Ей захотелось проявить свои нежные чувства, захотелось хоть как-то отблагодарить. Она кинулась в будку за косточкой. Но как только появилась в будке, капельки на глазах растаяли. Взяв косточку, долго искала незнакомку и, не найдя, повернулась в сторону кошки.

— Ты не видела здесь такую самую-самую...

Кошка хотела сказать, что кроме неё здесь никого не было, и что незнакомка — это она, и что именно с ней разговаривала собака.

Но слишком многое было ей непонятно в ту минуту. Она просто повернулась и пошла, чтобы не задавать вопросы и чтобы больше не беспокоить собаку.

А собака всё смотрела, смотрела в сторону захода солнца, туда, куда, по её мнению, исчезла таинственная незнакомка.

Вскоре появилась луна.

Про дальние страны

Высокая нежная летняя трава прятала все грустные мысли. Собака нырнула поглубже, намереваясь в этом океане трав найти своё прибежище. Ничто не могло поколебать тишину её мыслей — она засыпала, прижимаясь к солнечным лучам. Ей казалось, что она улыбается.

Вдруг перед глазами стали возникать косточки, они были жирные, пухлые от мяса, и чем больше собака улыбалась, тем больше их появлялось. Нос вытягивался, лапы ловили — безуспешно, и только лишь уши чувствовали жующий рот. Сладкие мысли потекли по всему организму.

Собака не выдержала, открыла глаза и увидела корову, которая жевала траву и говорила:

— ...Индия... да вот в Индии, там, конечно...

— Что в Индии? ..индии... индии... — полетело любопытное эхо. Влетело в одно ухо коровы, вылетело через другое. Она растерялась. Недоумевая, всё же продолжала почти шёпотом:

— Мне рассказывали, что там есть много разноцветной травы, по самые уши... нет, выше. Можно целый день ходить, где хочешь, есть всё, что понравится.

— А косточки там есть? — поинтересовалась собака.

Неожиданное вмешательство собаки заставило корову задуматься. Мысли кружились рядом, как мухи, и чтобы их нечаянно не проглотить, перестала даже жевать.

— Ну, если там есть трава, значит там есть всё, — ответила корова, будто решила трудную задачу.

— А где там...

— И это есть, и даже ромашки и васильки, — недовольно прервала собаку корова.

— Нет, я хотела спросить, а где там есть Индия, — настойчиво, с большим нетерпением допытывалась собака.

Взгляд коровы скользнул вдоль деревьев и уткнулся в большое озеро.

— Там, — пронеслось долгое мычание.

Доносящиеся оттуда звук волны был очень ласковым, казалось, что собаку кто-то гладит. Взгляд уносил её дальше, но и там были волны. Голубой горизонт туманил глаза, завораживал. Там, наверное, хорошо, думалось ей.

И кто-то кричал. А собака думала, что это ветер кричит волне, и деревья тоже разговаривали с облаками.

А на самом деле кричала кошка, потому что никто её не слышал, когда она говорила:

“И что там вы интересного нашли?”.

Собака очнулась и увидела корову, направляющуюся к озеру.

— Это она в Индию уплывает, — произнесла собака.

— Зачем? — спросила кошка.

Вопрос остался без ответа.

А в это время корова думала о нудных мухах. Ей хотелось убежать от их особого внимания. Вода была наилучшим способом избавиться от них. Она погружалась всё глубже и глубже, уходила от мыслей собаки дальше и дальше в бесконечное расстояние добрых надежд на скорое возвращение.

И кошка молчала.

Про дружбу

Собрав целую кошёлку грибов, ёжик брёл к своему другу медвежонку на чай. “Конечно, я подарю ему эти грибы, — размышлял ёжик, — а медвеженок мне скажет, как я рад тебя видеть, а я скажу ему, как хорошо, что есть на свете друзья, а он мне... а я ему...”.

Он так устал от своих мечтаний, что решил отдохнуть и подумать ещё более обстоятельно над подарком к чаю.

А вокруг него порхали бабочки, стрекозы, жужжали пчёлы. Вначале ёжик пытался считать их и мысленно дарить медвежонку, но потом сбился со счёта и лёг на тёплую летнюю траву, чтобы подытожить увиденное.

Однако вскоре ему это надоело, потому что высоко на небе проплывали облака, и почему-то формой они были похожи на его друзей. Он поздоровался с облаками. Самое красивое облако было похоже на зайца. Ёжик выбрал самый большой гриб и протянул облаку.

В это время заяц шёл с сумкой яблок к медвежонку и тоже размышлял о сегодняшнем чае.

Так шёл, шёл, пока не наткнулся на ёжика, который лежал и о чём-то бормотал.

Заяц подошёл совсем близко и услышал:

— Заяц, как у тебя там дела и как тебе летается?

Посмотрев на облака, заяц всё же ответил:

— У меня всё хорошо.

— Вот этот гриб я выбрал специально для тебя, — продолжал ёжик.

Заяц думал, что тот ему протянул подарок и уже приготовился взять. Но ёжик положил гриб обратно, сказав при этом, что найдёт сейчас зайца, и они пойдут на чай к медвежонку.

— Я здесь, ёжик, — недоуменно проговорил заяц.

— Облака не могут говорить.

— Я не облако, я заяц.

— Неужели обидел тебя? Конечно, конечно, ты заяц.

Заяц возмутился:

— Ты что, ёжик, грибов объелся?

Ёжик попытался успокоить нежными словами все проплывающие облака.

Неожиданно над ним появилось яблоко.

— У тебя и руки есть, облако, — удивлённо зашумел ёжик.

— У облаков нет рук и ног, — пробурчал заяц, — это я, заяц, дарю тебе яблоко.

— Нет, нет, нет, — возмутился ёжик, — заяц ждёт меня у медвежонка, и они наверняка готовят сейчас чай. Впрочем, что только во сне не приснится, — ёжик повернулся набок, — а впрочем, мне уже пора вставать. — Он попрощался с облаками и встал.

Перед ним стоял заяц, удивлённый всем происходящим.

А ёжик настолько был поражён появлением зайца, что долго протирал глаза и всё не мог поверить, что он разговаривал со своим другом.

— Так это был ты, а не облако, да?

Зайцу стало жалко ёжика, и он сказал:

— Нет, это было облако, а я только что подошёл.

И потом ещё долго за чашкой чая с малиновым вареньем и большими яблоками ёжик рассказывал своим друзьям о своей встрече с разговаривающими облаками. Но заяц не перебивал его, а с большим вниманием, в который раз, поддакивал ёжику.

Ведь главное — сделать кому-то приятное и вместе с ним радоваться происходящему.

Про берёзку и зайца

У маленькой берёзки была мечта — стать взрослой и достать до самого солнца. Ей казалось: солнце гладит своими лучами только её, а ведь так приятно чувствовать, что тебя любят. И хотелось быстрее дорасти до солнца, чтобы спросить о таинственном уходе ночью.

Берёзка этот вопрос уже задавала высоким деревьям, но они лишь качали своими большими ветками и так печально шумели, что становилось очень холодно.

Со временем ночи становились длиннее. Птицы куда-то заторопились. Деревья потихоньку стали скидывать с себя летнюю одежду. И лишь маленькая берёзка, не понимая ничего, стояла по-прежнему вся в зелёных листочках. «Я обязательно всё узнаю, вот только подрасту», — говорила берёзка окружающим её деревьям.

Вскоре первый снег укутал многие деревья. Но всех удивляла берёзка, которая так не хотела надевать зимнюю одежду. Старый дуб злобно на неё шипел, стараясь достать своими кривыми ветками, ёлка пыталась уколоть острыми иголками: «Только я зимой зелёная, а вот ты, если не поменяешь одежду, тогда я тебя...».

Даже мудрая сова недовольно смотрела на берёзку.

Приуныла берёзка, потихоньку начала скидывать листочки.

Однажды громкий голос зайца разбудил многих в лесу:

— Вот я надел беленькую зимнюю шубку и хочу сказать, — он посмотрел на деревья, которые от порыва ветра начали раскачиваться. — Правильно, понимаете.

И заяц шёл дальше.

— А вот почему? — вскрикивал заяц, и опять деревья, наклоняясь в разные стороны, шумели: «По-то-му, по-то-му...».

— Понимаете. Это замечательно.

Так он ходил, ходил по лесу, пока не наткнулся на берёзку. Непонимающе почесал уши, а потом с ещё большим непониманием спросил: «Ты почему такая зелёная?».

И, не дожидаясь ответа, заяц громко заговорил, так, чтобы его все в лесу услышали:

— Я ничего не пойму. Но мне хочется знать, сейчас у нас лето или зима?

— Зи-ма, зи-ма, — прошумели деревья.

— Ничего не понимаю, — замотал головой заяц, но на всякий случай спросил ещё раз: «Сейчас у нас лето или зима?».

— Зи-ма, зи-ма, — опять прошумели деревья.

— Нет, сейчас у нас сразу и зима, и весна, и лето, и осень.

Деревья даже не шелохнулись.

— Приятно, когда тебя понимают.

И уже после недолгой паузы заяц вдруг как-то тихо и совсем смущаясь, сказал, обращаясь к берёзке: «А ты красивая».

Берёзка молчала.

— Я хотел сказать, что ты такая вот, **очень...ого-го**.

Маленькая берёзка по-прежнему молчала.

Сев на пенёк, заяц задумался.

Неожиданно берёзка спросила:

— Это как вот, ну, **очень ого-го**?

Вначале заяц растерялся, потом пришёл в себя:

— Сейчас, — крикнул он ей и исчез.

Через некоторое время заяц появился в старой серой шубке.

— Теперь понятно.

Где-то невдалеке шлёпнулась сова от увиденного.

— Когда вырасту, я о тебе солнцу расскажу, — проговорила после долгого молчания берёзка.

— А зачем? — спросил заяц.

— Чтобы и тебя любили, — ответила ему берёзка.

— Тогда я буду тебя охранять, ну чтобы ты быстрее выросла. Ты там ещё скажи про капусту, яблоки и грибы.

Ветер толкнул легонько берёзку, и она дотронулась до зайца. На его ухах повисли два зелёных листочка.

— Это тебе.

Заяц опять исчез. Вернулся с большим яблоком.

— А это тебе, — он повесил яблоко на самую большую красивую ветку.

Сова, только-только примостившись на старом дубе, опять упала от такой невиданной ею прежде картины. Она думала: “Ладно, ещё зимой зелёная берёза, но чтобы яблоки на ней...”.

А берёзка и заяц говорили, говорили, не обращая ни на кого внимания.

Голубое небо растворило все печали. И все увидели, как заулыбалось солнце.

Про океан, или О том, что всё будет хорошо

— Съест!

— Давай спорить, что не съест!

— Как ни жаль оленя, а волк есть волк, и сейчас он наверняка будет обедать. Может, и нам что-нибудь достанется.

Так, сидя на ветке большого дуба, спорили между собой две вороны. Их желудки были пусты и издавали сигналы о помощи. Помощь в лице волка тихо подкрадывалась к оленю.

Неожиданно волк почувствовал взгляд на себе. “Какой красивый. Глаза как... океан”, — только и произнёс волк, переживая это мгновение.

Олень не спеша стал исчезать, оставляя после себя след впечатлений. А волк всё стоял, провожая взглядом оленя и игнорируя недовольство ворон.

Наступила тишина.

Её прервал заяц, кричавший на весь лес:

— Что развесили свои ветки! Не могли меня спрятать от лисы?! Еле убежал.

Волк подошёл и спросил, с кем это он разговаривает.

— С этими вот пальмами, — ответил заяц.

— Это же не пальмы, а ёлки.

Далее заяц объяснял волку о сущности деревьев, их коротком уме. И надо сказать, что почти доказал правильность своих мыслей.

— Ты ничего не понимаешь в жизни. Вот ты думаешь, ты волк. Нет, на самом деле, — заяц задумался, — ты лев!

— А кто такой лев? — возмущённо спросил волк.

Заяц ещё больше задумался. Он показал это лапами. Выходило довольно много и в рост, и в ширину.

— Я согласен быть таким львом, — ответил волк.

Наконец заяц устал, успокоился и сел на пенёк.

— А я вот океан никогда не видел, — вдруг произнёс волк.

Никто не отвечал.

Он опять это повторил, надеясь на поддержку зайца.

— Эх, не понимаешь ты меня, волк, — пробурчал заяц и исчез так же незаметно, как и появился.

Потом прибежала лиса. Она спросила о зайце, которого хотела пригласить на день рождения, спросила о сегодняшней погоде, рассказала о своих проблемах и всё говорила, говорила, говорила. Она только ничего не сказала об океане.

Волк задумался. Ветер подхватил мысли волка и унёс их далеко-далеко, туда, где был большой океан. И он был похож на небо, бескрайнее голубое небо.

“Я никогда не видел океан”, — проговорил, очнувшись от долгой думы, волк.

Но никого рядом уже не было.

Он лёг на мягкую летнюю траву, рядом с пушистой ёлкой. Дерево накрыло его ветками. Волк почувствовал особую теплоту. “Ей, наверное, грустно”, — подумалось ему, и он начал рассказывать ей сказку.

Рассказывая сказку, волк думал о лисе, зайце, олене, большом океане и ещё о том, что всё будет очень хорошо.

Про шубу

Когда приделали ей воротник и чёрные, как ночь, пуговицы, она почувствовала себя Шубой.

Накинув на себя Шубу, мастерица-швея долго рассматривала её и, поцеловав воротник, подвела итог: самая лучшая.

Продавали её недолго, но за это короткое время столько раз нежно гладили, столько раз Шубе говорили красивые слова, что она загордилась.

Купили её для молодого человека лет пятнадцати. Шуба сразу влюбилась в него и поэтому изо всех сил пыталась понравиться.

Находясь на вешалке, среди другой одежды она была в центре внимания. Куртки капризничали между собой, пытаясь найти в ней изъян. Другие шубы явно завидовали, и лишь старый Тулуп молчал, бледнее при виде молодой красавицы. Он, конечно, пытался с ней заговорить, однако Шубе его слова были безразличны. Тулуп ей был даже неприятен: “У тебя и пуговиц некоторых нет, да и потрёпан изрядно, фу, и запах...” — морщась, говорила она.

Тулуп хотел всё объяснить, многое рассказать, но не мог — слишком горькая правда была в её словах. “Кому это нужно”, — подвёл он итог своим душевным переживаниям.

Кто-то вошёл в дом и повесил пальто. Вся одежда на вешалке разом затараторила о ближайших холодах и о сегодняшнем дожде. Капельки дождя попали на Тулуп. Шубе показалось, что Тулуп плачет, и она засмеялась.

Неожиданно женский голос встревожил Шубу. На пороге появилась хозяйка пальто — красивая девушка с обаятельной улыбкой. Она подошла к молодому человеку и поцеловала его.

— Неужели она не посмотрит на меня? — подумала Шуба.

Через несколько минут её в очередной раз примеряли и в очередной раз говорили красивые слова.

— Ну как я теперь выгляжу, посмотри на меня, какая я красивая! — кричала Шуба девушке. Но напрасно, девушка была равнодушна к ней.

Целый день Шубу носили на руках, целовали, всячески хвалили, и даже кто-то выпил за её здоровье, поэтому досадный случай с девушкой не повлиял на её самочувствие. Шуба была счастлива.

Как-то, возвращаясь ночью, она почувствовала, что её хозяин съёжился и, не разобравшись толком, ощутила грубые чужие руки, которые зачем-то её колотили. Это продолжалось недолго. Шуба лежала на снегу и смотрела в небо. Разноцветные переливающиеся звёздочки успокаивали её.

— Я ничего не понимаю. А ведь я такая красивая, — говорила она им.

— Ну и что. Какая разница, — отвечали заволаживающе и холодно звёзды.

Шуба всё сильнее и сильнее прижималась к обессиленному, но живому и тёплому телу хозяина.

Сквозь сон она слышала, как её благодарили. Оказывается, если бы не она, если бы не её толстый подклад, молодого человека не было бы в живых. Она гордилась собой.

Через несколько дней первые тревожные мысли завладели ею. Шубу больше никто не надевал, красивые слова неожиданно кончились. Она не видела почему-то хозяина. И тогда стала прислушиваться к висящей рядом одежде. Только тут Шуба поняла, что находится в ужасном состоянии. Многих пуговиц на ней уже не было, их никто даже не пытался пришить. Рукав был порван на самом видном месте.

“Я, наверное, наверное...” — начала говорить Шуба, надеясь на поддержку рядом висевшей одежды, и запнулась. Никто на неё даже не обратил внимания.

И лишь старый тулуп в углу не удержался от слёз. Но все почему-то сразу подумали о сегодняшней плохой погоде.

Через неделю Шубу порезали на части. Самую большую из них постелили на пол. Она превратилась в мягкий половичок.

Маленькая история

“Заяц, заяц, заяц, может, поговорим?” — шумел Дуб, задумчиво раскачиваясь в разные стороны.

А Заяц спал. Солнце ласково поглаживало его. Он иногда просыпался, переворачивался с боку на бок, подставляя под тёплые лучи то уши, то лапы, то спину. Приговаривая при этом: “Спинку не забудь, солнышко, погладить, а вот теперь левый бочок... теперь лапки...”.

Ничто не могло прервать это безмятежное состояние. Ни громкий стук дятла, ни жужжание пчёл под самым ухом.

Дерево более настойчиво повторило свою просьбу: “Давай поговорим, заяц”. Потом ещё раз сказало и ещё раз. Пока заяц не проснулся.

— Ну что тебе нужно, Дуб, не видишь, что ли, я сплю, — недовольно, потягиваясь и протирая глаза, заговорил Заяц.

— А мне вон та берёзка нравится, которая от тебя слева на пригорке стоит, — признался дуб.

— И поэтому ты меня разбудил? А я вот, может, капусту с морковкой люблю, и что, теперь я должен всем об этом рассказывать?

— Понимаешь, она мне очень-очень нравится. Ах, как красиво она благоухает, особенно при закате солнца. А утром, когда всё просыпается, я чувствую чарующий трепет её листьев. И мне хочется к ней прикоснуться, — грустно говорил дуб, шелестя листвой.

Сова, спавшая под тенью больших дубовых веток, проснулась от таких слов.

— Чего он там чувствует, а? Наверное, что-то хочет, — задумчиво произнесла сова.

А дуб продолжал:

— Иногда ветер мне приносит её нежные слова. И тогда я не нахожу себе места. А как бывает мне грустно ночью, когда только звёзды и луна....

— Что-то непонятное говорит дуб, наверное, бредит, — сделала вывод сова.

А заяц добавил:

— И при этом раскачивается в разные стороны, шуршит листвой. Что-то он не того.

— Точно заболел, — продолжала делать выводы сова.

— И что нам теперь делать? — забеспокоился заяц.

В лесу воцарилась тишина.

А мимо проплывали облака. Они ласково гладили самую макушку дерева. И от этого дубу становилось ещё тоскливее. Солнце постепенно стало уходить за горизонт, уступая место большой красивой луне. Тишина затянулась.

Неожиданно дуб произнёс:

— Заяц, давай ты скажешь берёзке, что она мне нравится.

“Надо выручить дуб”, — подумал заяц и сломя голову побежал к берёзке. Запыхавшись, начал передавать ей слова дуба. В этот момент многие в лесу заметили, как берёзка в лучах заходящего солнца покраснела, опустила низко к земле ветки.

— А ты, заяц, можешь передать дубу мои добрые слова и вот эти зелёные листики на долгую память.

И заяц побежал к дубу. Пересказал всё то, что ему сказала берёзка. Потом побежал обратно. От берёзки к дубу, от дуба к берёзке. И так до тех пор, пока не устал. Заяц лёг на летнюю мягкую траву рядом с дубом и задумался. Он думал о том, сколько ещё ему надо будет бегать туда и обратно, сколько пересказывать слов, чтобы помочь дубу и берёзке.

Высоко на небе уже холодно светила луна. Она озарила своим присутствием большой дуб. Он тоже думал. И думал о том, что слова пока не могут выразить все чувства к берёзке. И ему почему-то от этого грустно. Вот если бы дотронуться до неё хотя бы одной веточкой.

Сова прервала долгую ночную тишину. Ей как-то было неуютно от этого молчания.

— И что, теперь будем молчать? Да, по-моему, они серьёзно заболели, — сделала очередное умозаключение сова.

И ночь накрыла всех своей звёздной пеленой.

А под самое утро, когда ещё на небе светили звёзды и вот-вот должно было появиться долгожданное солнце, разыгрался ветер. Он был очень сильный. Прошёлся по мягкой траве, растрепал листья на деревьях. Вдруг он увидел берёзку и закрутил её в вихре, подняв высоко-высоко, почти к самой луне.

Берёзке чудилось в этот момент, будто рядом с ней кружится дуб, и они, ввязавшись за ветки, смотрят друг на друга. Только друг на друга.

Когда наступило утро, всё стихло.

И все в лесу увидели на поляне из красивых жёлтых цветов сломанный дуб. Рядом лежала вырванная с корнем берёзка. Ветки их были нежно переплетены.

Про самое главное

Было неуютно цыплёнку в курятнике. Все гоняли его. И норовили ещё клюнуть, приговаривая: “Не там сидишь, не там бегаешь”. Даже к чашке с зёрнышками подпускали только в последнюю очередь, когда уже практически ничего не оставалось. Поэтому цыплёнок убегал из курятника. Пролезал через дырку в заборе. Забирался в высокую траву, выискивая там всяких жучков и паучков. А порой залезал на маленькую сломанную берёзку и грелся под лучами летнего солнышка. Однажды цыплёнок не заметил, как к нему подкрался Лис. И когда увидел рыжее пушистое существо, даже не испугался. Потому что просто никогда ничего подобного не видел. Не знал, кто это такой. Поэтому просто подвинулся и предложил посидеть вместе — погреться на солнышке.

А Лис думал в это время как съесть цыплёнка. Он, конечно, так бы и сделал. Но цыплёнок был слишком маленький. “Вот вырастет побольше, тогда точно съем. А сейчас только аппетит разгонять — съешь и даже не почувствуешь, что поел”, — размышлял Лис. Мысленно он уже воображал себе большую-пребольшую курицу. И как сладко будет её есть под луной на поляне, где только курица и он сам. У него сразу созрел план. Облизываясь от предстоящего удовольствия, Лис подошёл к цыплёнку и начал свой план приводить в действие. Для начала он предложил будущей курице дружбу. Они будут встречаться на поляне недалеко от курятника, там, где растёт большой дуб. И, конечно, он будет подкармливать, чтобы цыплёнок быстрее рос.

На следующий день в условленное место Лис принёс большую горсть зёрен. И они разговаривали.

Цыплёнку было очень уютно, ведь никто никогда с ним так хорошо не говорил. Иногда они прогуливались вдоль озера. И Лис в предчувствии будущего ужина даже пел. Лишь бы цыплёнок быстрее рос.

Зачарованный цыплёнок приходил на эти встречи как на праздник. И постепенно от обильных сытных подарков стал превращаться в большую красивую курицу. И даже в курятнике к нему стали относиться с почтением. Но он предпочитал встречи с Лисом. И однажды он заметил, как при встрече сердце его начало сильно биться. Что-то непонятное стало твориться в душе у повзрослевшего цыплёнка.

— Надо поговорить, — обратился он к Лису.

— Но мы и так с тобой говорим почти каждый день.

— Не то, не то говоришь, понимаешь, не то.

— А что же ты хочешь от меня услышать? — возмутился Лис.

— Почему ты так хорошо со мной общаешься, не так как все, — проговорил цыплёнок.

— Потому что, потому что... ты хороший!

— Опять не то говоришь! Ещё немного подумай!

Лис задумался. Неужели эта курица догадывается?

— Хорошо, я скажу почему. Но ты не убегай сразу. Вот дай мне своё крылышко для начала.

Сердце чуть не выпрыгнуло у цыплёнка. Он подал два крылышка.

— Я, я...тебя... просто хочу съесть на ужин.

— Опять не то, ну ты же хочешь другое сказать. Я чувствую, как у тебя бьётся сердце. Ты это назло говоришь, я знаю.

— Послушай, курица! Я с тобой так долго разговаривал, потому что ты была маленькая, а сейчас большая. И я действительно хочу тебя съесть, — громко сказал Лис

— Как же так, ведь мы так тепло разговаривали. И ты приносил мне зёрнышки.

— Это чтобы ты побыстрее выросла, стала большой и... вкусной.

— И ты действительно ничего больше не хочешь сказать мне?

У цыплёнка на глазах появились слёзы. Ни с кем в жизни ему ещё не было так уютно! Всё рухнуло в один миг. Он явно ожидал других слов.

“Да... по-моему, перекормил”, — произнёс про себя Лис. Ему всё это было непонятно.

— Эй, цыплёнок, а что ты хочешь, что бы я сказал?

После этих слов цыплёнок закрыл крылышкам глаза. Сквозь эти мягкие пёрышки просачивались слёзы.

“Какая-то курица неправильная, — подумал Лис, — я ей об одном, а она мне: не то говоришь, не то говоришь”. И он ушёл.

Когда цыплёнок открыл глаза после долгих слёз, никого уже не было.

Несмотря на то что в курятнике стали к нему относиться хорошо, он не обращал внимания на это. “Не то, совсем не то и не так”, — размышлял цыплёнок. И продолжал приходить на поляну к большому дубу. Но Лиса там уже не было.

Рассказывают, что цыплёнок до сих пор ждёт его. Потому что не было сказано главного. И цыплёнок ещё надеется, что Лис придёт и скажет...

Так бывает иногда

“Ли-за”, — кричали облака утром, заглядывая в открытую форточку.

Лиза спала, посапывая тихо-тихо. Ей снился сон, поэтому она ничего не могла ответить проплывающим облакам. А снился ей Женька. Он бежал и что-то кричал.

“Что, что ты говоришь”? — спрашивала она как бы во сне.

— Конечно, о тебе говорю, — ответил он.

“Так только во сне бывает сладко”, — подумала Лиза и перевернулась на другой бочок. На другой стороне ей тоже снился Женька. Он всякие сказки рассказывал. Болтал что-то непонятное.

“Вот бы так наяву рассказывал умно, уже бы профессором стал, — подумала опять Лиза, — а то постоянно какую-то чепуху несёт”.

В семь часов её разбудил, как и положено, Женька по телефону.

— Слушай, что ты там болтал, какие-то сказки... — спросила Лиза.

— Какие-такие сказки, что ты там наговариваешь, я только детям их читаю, — ответил Женька.

И Лиза опять легла спать, несмотря на звонок будильника. Потому что ей хотелось дослушать рассказ, который сочинял Женька.

Но Женьки уже не было во сне.

Так бывает иногда.

г. Караганда.

Владимир ТРЕТЬЯКОВ

Возвращение на Обитаемый остров

Повесть

(Продолжение. Начало в № 3-5 за 2011 год)

Глава 12

Дженс не обманул своего нового фаворита. Максим, уже переодевшийся в домашний халат, найденный им в старинном платяном шкафу, ещё только осматривался в своём новом шикарном жилище, которое, видимо, принадлежало одному из сторонников свергнутого Агана, как в переднюю ввалился Хорёк. Видок у него был ещё тот: денщик барона Турренсока весьма смахивал на огородное пугало, которое провело на своём посту как минимум один полевой сезон. Видавший виды мундир размера на два больше, чем это необходимо, был ужасно грязен, а из многочисленных прорех виднелись фрагменты тела Хорька — такой же степени чистоты, что и одежда хозяина. Благоухал он, соответственно, не дамскими духами, а тем самым тяжёлым запахом, что и все обитатели блиндажей и окопов спустя месяц фронтовой жизни. Впрочем, внешний вид и собственный запах нисколько не смущали солдата. Он сиял подобно только что начищенной бляхе новобранца-подводника и тут же полез к Максиму с объятиями, тем самым выражая ему благодарность за то, что не забыл, решив пригреть. Однако Максим тут же его осадил. Отступив на шаг, он загордился рукой и, поморщившись, произнёс:

— Ох и чучело! А запах! И это денщик субмарин-мастера первого ранга?! Тьфу!

Хорёк, прекрасно знавший воинское звание барона, которого он считал своим товарищем, услышав о его столь масштабном повышении в чине, моментально изменился в лице и, наконец-то осмотрев себя, растерянно и одновременно жалко улыбнулся. На его лице яснее ясного читались слова, которые он хотел бы произнести, но в данной ситуации не решался. Мол, это не я к тебе напросился, а ты сам меня позвал. Максим добродушно расхохотался, глядя на своего собрата по оружию, стоявшего посреди прихожей на полусогнутых в коленях ногах и явно не знавшего, что же ему делать дальше: напрямик топать на выход, чтобы уже никогда не возвращаться, или же немного погодить.

— Снимай с себя это тряпье, сверни и выброси в мусоропровод, а потом марш в ванную. Она в конце коридора. Отмывайся — не стесняйся, мыла, шампуня не жалея. Потом поговорим о твоих обязанностях. Кстати, ты, наверное, голоден?

Хорёк, уже сдиравший с себя грязные лохмотья, в ответ только утвердительно кивнул и шумно слотнул слюну.

— Тогда мойся тщательно, но быстро, а то можешь не успеть к ужину, — пошутил Максим и, развернувшись, направился в кухню. За своей спиной он вначале услышал яростное сопение и едва слышные проклятия в адрес сапог, которые никак не хотели сниматься, а спустя несколько

секунд торопливый топот голых пяток по полу. Хорёк, в котором ещё не проснулся дух свободы после нескольких лет, проведённых в лагере, как никто другой прекрасно понимал, что означает опоздать в столовую к ужину.

— Барон, э-э-э... А мусоропровод у тебя, виноват, у вас, где?

— Там, — Максим, не оборачиваясь, ткнул пальцем в сторону крышки люка. — Открой и брось.

— Ясно, — по-военному сказал Хорёк и тут же ещё один вопрос: — Эта... Ваше сиятельство, а что такое “шампунь”?

Максим обернулся и с сожалением посмотрел на голого денщика, державшего в руках рванину.

— Ты что, деревенский?

— Так точно, — идиотски хихикнув, ответил Хорёк. — Таких слов отродясь не слыхивал.

— Там на полочке несколько разноцветных флаконов, это и есть шампунь. Специально для мытья башки, так что не вздумай там его из горла хлебать, — сказал Максим, а затем, предельно понизив голос, добавил: — Ох и дубина! Ну ничего, острогаем, сделаем ещё из тебя волшебную палочку.

Спустя полчаса свежeweымытый, благоухающий какими-то невероятными ароматами и одетый в просторную пижаму Хорёк за обе щёки уписывал закуски, найденные Максимом в холодильнике.

— Ничего себе жратва! — едва выговорил он, икнул, запил вставший поперёк горла кусок соком из дорогого хрустального бокала и вновь накинуся на еду.

— Слушай сюда, — сказал Максим, сидевший напротив, и начал неторопливо втолковывать своему подчинённому его обязанности. — Запомни: ты должен постоянно быть при мне на тот случай, если мне понадобится твоя помощь.

— Это ясно и так, э-э-э... барон, — кивнул Хорёк. — Я ведь всё это однажды делал. Там, во время осады.

— Далее, — терпеливо продолжал Максим. — Ты ни в коем случае, особенно если я не один, не должен перебивать меня или вступать в разговор. Это понятно?

— Конечно же. Ну а если, скажем, вы там несёте ахинею, а в мою голову закралась умнейшая мыслища, тогда как?

— А никак. Сопи в тряпочку, а умные мысли оставь при себе. Когда я позволю — тогда и поделишься. Кроме того, называй меня только по званию — господин субмарин-мастер первого ранга. Никаких “баронов” чтобы я больше не слышал

— Даже когда мы одни?

— Даже тогда. Тебе нужно к этому привыкнуть. Ещё не хватало мне выслушивать насмешки от моих коллег по поводу того, что у меня разбалованный денщик.

— Ладно, — беспечно произнёс Хорёк, тут же схлопотал увесистую затрепину, после чего вскочил, вытянулся в струнку и, возвысив голос, гаркнул:

— Виноват, господин субмарин-мастер первого ранга.

— А виноватые у нас ходят какими?

— Битыми, господин субмарин-мастер первого ранга.

— Во, вижу, ты способный ученик, усваиваешь быстро.

— Так тут попробуй не усвой, — Хорёк всё ещё стоял навывтяжку и одной рукой осторожно потирал макушку. — Всё равно, как если бы лопатой огрел.

— Ничего, тяжело в учении — зато потом меньше лечения, — успокоил его Максим. — Поехали дальше.

Они беседовали ещё около часа, и наконец усталость, накопившаяся за последние дни, взяла своё. Позёвывая и потягиваясь, оба отправились спать: Хорёк — на диванчик в отведённую для него каморку рядом с прихожей, а Максим в спальню, на огромную двойную кровать. Но странное дело — как только голова землянина коснулась валика, который на Островах использовался вместо привычных Максиму подушек, сонное состояние сразу куда-то улетучилось. Некоторое время он просто лежал, расслабившись и прикрыв глаза, прокручивая в сознании события последнего времени. Вскоре до слуха Максима донёлся храп, издаваемый умотавшимся не менее своего командира Хорьком. Пришлось вставать и прикрывать дверь. Оставшись в полной тишине, Максим снова прилёг и как-то незаметно для себя уснул, а во сне увидел Раду, держащую на руках младенца, который, сопя и причмокивая от удовольствия, сосал грудь матери.

— Кто у нас родился, дорогая, мальчик или девочка? — спросил он у супруги, и в тот же миг младенец оторвался от груди и повернул к нему покрытую редким пушком головку. Максим посмотрел ему в личико, стараясь определить пол ребёнка, но с ним вдруг начали происходить какие-то странные метаморфозы. Нос заострился и стал похожим на птичий клюв, губы вытянулись в одну сплошную линию, на лоб набежали волны продольных морщин, а кожа покрылась желтовато-коричневыми пятнами. Это было лицо Сикорски. Он нехорошо усмехнулся и, не размыкая губ, произнёс издевательским тоном:

— И этому молокососу я доверил ответственнейшее дело — быть моими глазами и ушами на Островах. Да ведь он же забыл обо всём на свете и, похоже, решил остаться здесь навечно, сделать карьеру! Он даже не интересуется тем, кто же у него родился!

Максим попробовал было что-то возразить, но голос вдруг куда-то пропал и из горла вырывался лишь непонятный храп. А Сикорски на руках у Рады внезапно начал расти в размерах, превращаясь в гиганта. Он тянул вперёд жилистые, покрытые рыжим волосом руки, стремясь дотянуться до горла Максима, а у того не было сил сорваться с места и убежать подальше от этого монстра — ноги как будто приросли к полу. “Как же Рада держит его на руках?! — подумал он, с жалостью глядя на жену. — Ей ведь тяжело!” — и тут же проснулся. Всё тело было покрыто противным липким потом. В неярком свете ночника Максим рассмотрел лежащее на прикроватной тумбочке полотенце, дотянулся до него и провёл по лицу. Приснит-ся же такой кошмар! Хотя сны, даже самые страшные и непонятные, порой могут нести вполне достоверную информацию. Скорее всего, в данном случае имеет место нечто подобное. Как пить дать, он действительно стал отцом, и Рада родила сына. Верно и то, что ему уже пора вспомнить о той миссии, ради выполнения которой его отправили на Острова.

Максим прикоснулся к запястью левой руки, ощутив пальцами едва заметный шарик, о котором уже давно забыл и думать. Именно эта крошечная горошина, созданная земными биомеханиками, должна превратиться в устройство нуль-транспортировки, стать своеобразным мостом между

Островами и базой прогрессоров в Стране Отцов, где уже давным-давно ждут сообщений от “Микроба”. Хотя, возможно, его уже так же, как и других агентов, внесли в список пропавших без вести, фактически похоронив.

“Пора напомнить о своём существовании”, — подумал Максим. Он осторожно спустил ноги с кровати, выпрямился и на цыпочках направился в ванную. Всё, что ему сейчас требовалось для небольшой хирургической операции, находилось в шкафчике над зеркалом. Максим открыл его, взял с полочки флакон с одеколоном, кусочек ватки, вытянул из пачки одно лезвие для бритвы и положил всё это в карман халата. Так же тихо вернулся в спальню, запер дверь на щеколду и, сев на кровать, сосредоточился на том участке руки, где под кожей была спрятана горошина. Обезболить травмированные конечности его научили ещё тогда, когда он учился в школе. Собственно, не одного его — искусство древних медиков Тибета было доступно любому ребёнку Земли. Немного позже юношей и девушек учили более сложным упражнениям, позволявшим им контролировать работу собственного организма. Максим мог замедлять биение сердца или вообще останавливать его на час-другой. Ему был известен способ ускоренного заживления ран, после которого не оставалось неприятных для глаза рубцов. Сейчас эти знания должны были ему пригодиться.

Избранный участок запястья начал неметь. Максим ущипнул кожу в этом месте и не почувствовал боли. Операцию можно было начинать.

Но именно в тот момент, когда он был готов достать из кармана лезвие и сделать небольшой разрез, какой-то внутренний импульс, идущий от сидящего где-то в недрах подсознания Турренсока, заставил его насторожиться.

“Слишком уж гладко всё идёт, — подумал Максим. — Я ведь не проверял эту комнату, равно как и всю квартиру на предмет “клопов”. Раззява, чуть не сгорел как мотылёк, летящий на огонь. Сикорски ведь предупреждал меня о том, что контрразведка Его Императорского Величества свой хлеб ест не зря и служит не конкретному Агану или Дженсу, а всему государству. Всякие там перевороты данное ведомство не привыкло замечать, а потому появление в приёмной моего старого знакомого следователя может быть отнюдь не случайным совпадением. Да, расслабился ты, братец! Тут, поди, на каждом квадратном сантиметре по одному микрофону, а может быть, и миниатюрные телекамеры имеются. Надо бы осмотреться осторожноенько. Кстати, если эти ребята уже начали игру против меня, то наверняка провели душевную беседу с Хорьком, пообещав ему за содействие приличный участок земли с домиком да пенсионное обеспечение до конца жизни. Нет, определённо верить никому нельзя!”.

Максим прилёг и начал, не поворачивая головы, одними глазами осматривать все подозрительные участки спальни. Очень скоро его подозрения подтвердились. Первый “клопик” был вделан в ножку пепельницы, стоявшей на журнальном столике. Цвет едва заметно отличался от двух других. Вскоре обнаружили ещё два микрофона, а вот телекамер не было. Обезвредить находки не составило особого труда. Аккуратно положенные на них вещи снизили чувствительность. Теперь можно было приступать к операции. Короткий надрез — и “горошина” упала на маленькую тарелочку. Активировать её нужно уколом обыкновенной иглы в миниатюрное отверстие, после чего биомеханизм будет расти и преобразовываться в течение сорока минут. Кроме того, нужно отыскать массивную металлическую платформу, закрепить на ней полученное устройство, и установку по нуль-транспортировке можно считать готовой.

Максим обратил внимание на огромное металлическое блюдо с гравировкой чьего-то фамильного герба на поверхности. Оно висело на стене и крепилось очень просто, так что снять его бесшумно не составило труда. Положив на тарелочку рядом с “горошиной” несколько бесполезных вещей, необходимых ей как питание, Максим вышел в прихожую, заглянул в каморку, где на диванчике, свернувшись калачиком, по-прежнему похрапывал Хорёк. “А ведь я даже не знаю, как его зовут по-настоящему, — подумал Максим. — Интересно, а сам-то он помнит или уже забыл? Кличку получил ещё в детстве, так что, вполне возможно, она стёрла имя, данное родителями”.

Осторожно прикрыв дверь каморки, он прошёл на кухню, включил чайник и пока тот закипал, написал на бумажной салфетке записку, адресованную ординарцу, в которой просил его не будить без особой надобности и готовить завтрак.

Захватив кружку чая, он вернулся в спальню, уселся в кресло и, потягивая горячую ароматную жидкость, начал смотреть за процессом преобразования. “Горошина” уже выпустила усики к предметам на тарелочке и начала поглощать их содержимое, одновременно увеличиваясь в размере и меняя форму. Вскоре она превратилась в прямоугольник величиной с шоколадную плитку. Дождавшись, когда на ней высветится рубиновый огонёк, Максим взял достаточно горячий брусок и быстро приложил его к нижней части блюда. Несколько секунд — и устройство намертво приклеилось к платформе.

Часы показывали четверть пятого. Вряд ли Хорёк проснётся в ближайшие час-два, и это означало, что рискнуть можно. Максим поставил блюдо на пол, немного помедлил, стараясь унять нервную дрожь, затем облачился в свой новенький парадный костюм и встал на платформу. Короткая вспышка — и вот он уже находится в огромном зале на стационарной площадке Базы. За полукруглым пультом подрёмывает ночной дежурный Лёва Безруков. Максим осторожно подкрался к нему и рявкнул:

— Кому спишь, дежурный?! Диверсанты идут!

Безруков от неожиданности едва не опрокинулся на пол, потом вскочил и непонимающе уставился на появившегося неведомо откуда человека в форме. Наконец он пришёл в себя, а, узнав в офицере Максима, радостно раскинул в стороны руки и тонко завопил:

— Живой, Мак, ой... А мы ведь тебя... А у тебя ведь... Ой, сейчас...

Он нажал на пульте кнопку и через минуту из динамика донёсся недовольно-сонный голос Сикорски.

— Безруков, какого дьявола!? Если ты и сейчас скажешь, что задел эту проклятую кнопку нечаянно, то можешь тут же писать рапорт с просьбой направить тебя на работу в качестве ученика дворника.

— Какой случайно, Рудольф! Тут у нас такое... Максим появился!

Последовала короткая заминка, после чего Сикорски совсем другим голосом буркнул: “Сейчас буду”.

Не прошло и минуты, как дверь с шумом распахнулась, и в зал ворвался резидент землян. Он стоял на пороге, всматриваясь в лицо Максима так, как будто видел его впервые. Наконец Сикорски сделал несколько быстрых шагов вперёд и заключил своего разведчика в объятия столь горячо, что у того что-то внутри ёкнуло.

— Живой, — прошептал резидент, отрываясь от Максима. — Дай-ка я на тебя ещё раз погляжу.

— Шеф, — осторожно пытаюсь высвободиться, предупредил тот в ответ. — У меня не так много времени. Давайте не будем терять его, иначе я сильно рискую.

— Да-да, — Сикорски опомнился и повлёк Максима к выходу. — Понимаю, пойдём ко мне.

Они вышли в коридор и начали разговор на ходу.

— Первый вопрос: как там Рада?

— О, могу тебя поздравить! Ты стал отцом великолепного карапуза!

— Мальчик?

— Да, просто чудо. Я его видел на днях. Супруга твоя в порядке и чувствует себя прекрасно.

— Как назвали?

— Гаем. Я так думаю, что это в честь Цезаря.

— Нет, у Рады был брат. Погиб...

— Извини, я не знал.

Они дошли до комнаты Сикорски, где Максим в самой сжатой форме поведал историю своих прежних злоключений и неожиданного возвышения.

— Однако за мной продолжается негласная слежка, — заключил он.

— Хорошо, продолжай вести себя как пай-мальчик и выходи на связь лишь в крайнем случае, — кивнул Сикорски. — Задание у тебя остаётся прежним. Продолжай карьерный рост, и под это дело выясни место строительства субмарин.

— Кстати, — перебил его Максим. — Император намечает налёт на побережье.

— Это хорошо, что ты меня предупредил, постараемся их достойно встретить.

— В походе буду участвовать и я, но роль мне отводят какую-то особую, пока не знаю какую.

— Будь осторожен, — Сикорски встал и подошёл к столу. — Сейчас я покажу нечто для тебя приятное. — Он нажал кнопку на небольшом пульте, и тут же в пространстве возникло голографическое изображение Рады с ребёнком на руках.

— Ну вот, — сказал Сикорски. — Посмотри хотя бы так.

Максим, не скрывая восторга, всматривался в знакомые и любимые черты жены, перевёл взгляд на малыша.

— На кого он похож, Рудольф?

— На меня, конечно, — усмехнулся Сикорски. — Видишь, такой же лысый. Пойдём, тебе нужно возвращаться.

Они вернулись в зал. Максим направился к платформе, но Сикорски его остановил.

— Дай-ка мне твой перстень на минутку, — попросил он.

— Зачем?

— Хочу сделать миниатюрный транслятор, оформленный под этот перстень. Пора нам уже знакомиться с жизнью Империи собственными глазами.

— Понял, — сказал Максим, стягивая перстень с пальца. — Подарок императора.

— Вот на него-то мне в первую очередь интересно посмотреть.

Сикорски отошёл в угол помещения, где стоял какой-то сложный агрегат, поколдовал там и через несколько минут вернулся, подбрасывая на ладони перстень.

— На, держи, — сказал он. — Старайся не снимать его. И давай уже, отправляйся.

Вновь очутившись в спальне, Максим некоторое время прислушивался, потом осторожно водрузил блюдо на место, снял парадный мундир и лишь после этого отодвинул щеколду на двери. Он услышал звон посуды на кухне и с облегчением вздохнул.

— Доброе утро, господин субмарин-мастер первого ранга! — приветствовал его Хорёк. — Извольте завтракать?

— Изволью, — буркнул Максим. — Подавай.

— Как спалось, господин субмарин-мастер первого ранга? — в голосе денщика едва сквозили ехидные нотки, но придрататься было не к чему.

— Плохо спал, — озабоченно ответил Максим. — Почти всю ночь мучился, только под утро задремал.

— Что так?

— Да ты понимаешь, братец, привязалась одна мысль относительно тебя, а будить тебя я как-то не решился, уж больно сладенько ты похрапывал у себя в каморке.

— А что за мысль, господин субмарин-мастер первого ранга? Может быть, сейчас я смогу вам помочь, хотя где мне с моим скудным умом...

— Не знаю, не знаю... — с плохо скрываемым издевательским сомнением произнёс Максим. — По силам ли тебе нынче вспомнить своё имя?

— Что значит, "по силам", господин субмарин-мастер первого ранга, — беспечно ответил денщик. — Хорьком меня зовут.

— Нет, ты, наверное, не понял. Я не про кличку твою спрашиваю, которую тебе в лагере дали, а про твоё настоящее имя.

Хорёк на несколько секунд задумался, а потом хлопнул себя по лбу и радостно рассмеялся.

— Так своё настоящее имя я, наверное, никогда и не узнаю. Так и помру Хорьком.

— Как так?! — изумился Максим.

— А так! — Хорёк, всё так же улыбаясь, начал накладывать в тарелку яичницу с ветчиной. — Понимаете, тут такое дело... Недалеко от моей деревни жил колдун. Злой, понятное дело. Боялись все его жутко, но трогать не решались. Кто его знает — нашла, скажем, мор или того хуже, проказой наградит. Одним словом, не лезли в его колдовские дела, да и он деревенских не трогал. Но, на всякий случай и от греха подальше, ребятишкам нашим двойные имена давали.

— Зачем?

— Так ведь они же повсюду шныряют, могут невзначай и в логово к колдуну попасть, напалить там. Так вот, для того, чтобы он в сердцах не проклял их по имени, его при рождении записывали в специальную книжицу и прятали её в особое место, а ребёнка называли кличкой. Скажем, Волком или, как меня, Хорьком. Проклянет колдун меня по этой кличке, а проклятие это и ляжет на тварь бессловесную. Тоже грех, конечно, но всё ж... Так и жили в нашей деревне всякие звери, да и называлась она соответственно.

— Как?

— Зоопарком, — рассмеялся Хорёк. — Но боюсь, что это тоже не настоящее название. Просто кто-то один вякнул, да так и пошло.

— Занятно.

— Рад, что вам понравилось. — Хорёк присел на табурет возле окна. — А что касается меня, так моё второе имя очень даже мне подходит. Похож я на этого зверька, тут уж ни дать ни отнять.

— Да уж, — согласился Максим, отправляя в рот кусок ветчины. — А ты что же не завтракаешь?

— Я уже. Выспался и тут же поел.

В прихожей раздался телефонный звонок. Хорёк вышел из кухни и тут же вернулся, неся в одной руке трубку, а в другой аппарат.

— Вас, — сказал он. — Кажется, император.

Он произнёс это таким тоном, как будто речь шла не о высшей особе в государстве, а о каком-то сослуживце барона.

— Да, Ваше Величество, — произнёс Максим в трубку. — Добрый день.

— Отдохнули? — поинтересовался Дженс. — Тогда послушайте. Война войной, но пора и наводить порядок в моём государстве. В этой связи у меня для тебя есть срочное дело. На север от столицы, километрах в тридцати, орудует довольно большая банда. В основном она состоит из дезертиров, и есть сведения, что среди них может быть мой братец. Короче, банду надо уничтожить, и эту операцию я хочу поручить тебе. Собирайся и давай срочно во дворец — составим план действий. Машину я уже выслал.

— На севере? — переспросил Максим, в котором мгновенно всплыла генетическая память Турренсока. — Но ведь где-то в этом районе находится наше поместье.

— Тем более, — воскликнул Дженс. — Вы эти места знаете как никто другой, вам и карты в руки. Ну всё, собирайтесь, жду.

— Кстати, — сказал Максим Хорьку, передавая ему телефон. — Мне тут предстоит прогулка в собственное поместье, посмотреть, что там и как. А то, знаешь, с этой войной... Всякое может быть.

— Оно верно, — закивал головой Хорёк. — Лишний пригляд никогда не помешает.

— И вот думаю, взять тебя с собой или оставить здесь на хозяйстве?

— Как прикажете, — смиренно ответил Хорёк. — Прикажете в поместье — отправлюсь, скажете в прорубь — также не задержусь.

— Нет, в прорубь пока не требуется. Решено, беру тебя с собой. Мне только нужно съездить на приём к императору. А ты пока собирайся.

— Чего собирать-то?

— Полный боевой комплект. Боюсь, прогулка у нас будет не из простых.

— Понятно, — отрапортовал Хорёк. — Всё сделаем в лучшем виде. Не извольте беспокоиться.

Глава 13

— Так, эти ящики ставьте сюда.

Максим, одетый в камуфляж без знаков различия, вышел из подъезда и, стоя в сторонке, наблюдал за тем, как Хорёк руководит погрузкой боеприпасов в автомобиль. Машина, которую ему выделил Дженс на время проведения операции, была что надо. На вид обычная легковушка, она имела бронированный корпус, пуленепробиваемые стёкла и колёса. Так что император позаботился об успехе операции.

Её план сложился у Максима по дороге во дворец. Дженс внимательно выслушал предложения и без лишних разговоров распорядился выделить всё необходимое, предупредив, что если Аган всё же обнаружится

среди дезертиров, то его, во избежание ненужной волокиты, желательно пристрелить прямо на месте.

— Да разверни же ты их, раззява, ноги ведь некуда будет.. — продолжал со вкусом командовать Хорёк. — Ох, неловкие, а вроде бы на вид деревенские. Расторопности в вас ни на ноготь. Или вы оробели от моего господина?

— Точно так, — вполголоса ответил ему один из морпехов, грузивших в этот момент цинк с пулемётной лентой. Эти парни были рекомендованы Максиму как отличные стрелки, но первое впечатление при взгляде на них не вызывало к ним особого доверия. — Про них ведь легенды ходят, — продолжил солдат. — Будто от одного их взгляда уже любому дурно делается. Только посмотрит внимательно — и противник оружие бросает и в плен идёт сдаваться. Так это или как?

— Есть такое дело, — важно ответил Хорёк. — Не до такой степени, конечно. Но если надо, он и без всякого взгляда одним щелбаном убить может. Но вы не бойтесь, он, в общем-то, не зверь какой, человек нормальный, я бы даже сказал, весёлый. Без веской причины, за просто так, щелбаны не раздаёт. Так что веди себя спокойно, естественно, — и всё будет нормально.

“Вот так и рождаются легенды”, — подумал Максим, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. Наконец из-за поворота показалась колонна тентованных грузовиков. Подъехав к дому, они остановились, и из головной машины выпрыгнул пожилой субмарин-капитан. Чётким шагом он подошёл к Максиму и отрапортовал:

— Отряд готов к выполнению задания, господин субмарин-мастер первого ранга.

— Давайте так, — распорядился Максим. — За город выедем вместе, после чего я поеду вперёд, а вы задержитесь на пару часов. Выдержите этот интервал, а затем сразу же выдвигайтесь вот сюда. — Он расстегнул планшет, достал из него карту и указал пальцем нужную точку.

— Всё ясно, — кивнул ему капитан. — Сделаем всё в точности.

— Надеюсь на это, — улыбнулся в ответ Максим.

В этот момент погрузка боеприпасов завершилась, и Хорёк пригласил его садиться. Сам он вместе с водителем, молчаливым ветераном баранки, сел впереди, а Максим, с двух сторон зажатый морпехами, разместился на заднем сидении.

Машина тронулась, покатила по знакомым уже столичным улицам. Здесь уже навели относительный порядок. Трупы убрали, и кое-где отряды пленных под надзором конвоиров начали разбор баррикад и завалов. Навстречу им с поднятыми руками прошла небольшая группа в форме армии Дженса, которую сопровождали моряки с карабинами наперевес.

— Мародёров, кажись, повели, — прокомментировал Хорёк. — Дорвались, сволочи... теперь обратно в лагерь...

Пока машина доехала до городских ворот, повстречалось ещё несколько подобных групп. Похоже, император действительно решил восстановить в стране спокойствие, если, не моргнув глазом, приказывает арестовывать своих вчерашних соратников.

Максим предъявил у ворот пропуск, охранник внимательно его осмотрел, разве что на зуб не попробовал, и разрешил проезжать.

Вскоре колонна миновала места, где ещё недавно располагались позиции войск, осаждавших столицу, и выбралась на шоссе. Здесь грузовики остановились, а легковушка продолжила путь. Максим прикрыл глаза

и постарался ещё раз прокрутить намеченный план. Согласно ему, автомобиль с его группой с максимальным шумом, действуя предельно нагло, должен проехать на территорию, занятую дезертирами, и постараться вовлечь их в погоню за чужаками. Следующий этап операции должен произойти в окрестностях фамильной усадьбы Турренсоков. Максим и его ребята принимали бой, после чего в дело вступали основные силы морских пехотинцев, которым был дан приказ блокировать силы смутьянов и уничтожить их, не беря пленных. На эти цели император выделил около шестисот человек, коих, учитывая внезапность нападения, должно было с лихвой хватить для успеха дела.

Километров через десять пришлось сделать остановку. Прямо на шоссе из огромных бетонных блоков был сооружён блок-пост. Вышедший на встречу солдат в форме береговой охраны сделал жестом жест, приглашая остановиться, а затем скомандовал всем выйти из машины.

— В чём дело? — с нотками раздражения спросил его Максим. — Вот мой пропуск.

— Не извольте беспокоиться, ваш бродь, — успокоил его солдат. — Обычная процедура досмотра.

— Но я выполняю приказ Его Величества!

— Мы тоже, — спокойно ответил солдат, ожидая пока пассажиры покинут автомобиль.

На шум голосов из-за блоков вышли молоденький субмарин-мичман, почти ровесник Максима, и ещё двое рядовых с автоматами наизготовку.

— В чём дело? — спросил старший и, увидев знаки различия на погонах Максима, сказал ему:

— Простите, но вам придётся подчиниться, господин субмарин-мастер первого ранга.

— Понимаю, — махнул рукой Максим. — Действуйте.

Услыхав это, его спутники разом покинули автомобиль и, сложив оружие на асфальт, отошли в сторону.

— Пока идёт досмотр, не могли бы вы пройти со мной на блок-пост. — Скорее не попросил, а приказал офицер.

Максим пошёл вслед за ним и очутился внутри небольшой крепости. Взять её штурмом, даже располагая значительными силами, было непросто. На углах блок-поста размещались пулемётные гнёзда. Там постоянно дежурили по два бойца, готовые в любой момент открыть огонь по приближающемуся противнику. Кроме того, в бетонных стенах были проделаны бойницы, из которых можно было стрелять из автоматов. Судя по всему, гарнизон состоял не менее чем из пятидесяти отлично обученных, закалённых в военных передрягах солдат.

— Дайте мне ещё раз посмотреть на ваш пропуск, — субмарин-мичман был сух, но корректен. Взяв бумагу, он прошёл в блиндаж и начал с кем-то разговаривать по телефону. Затем вернулся, протянул пропуск и сказал:

— Всё в порядке, можете ехать, только я бы на вашем месте не совался в тот район.

— Что так?

— Это страшные люди. Несколько раз они пытались атаковать наш блок-пост, ведя впереди себя мирное население.

— Ну и как же вы поступили?

— Если я с вами беседую, то вы понимаете, каким может быть мой ответ.

— М-да, — только и нашёл что ответить Максим. — Вам не позавидуешь.

— Одно успокаивает, — вздохнув, произнёс мичман. — Через пару дней нас сменяют. Ох, тогда я напьюсь и забудусь. Хотя те крики, наверное, будут звучать у меня в ушах до гробовой доски. Кстати, — переключил разговор на другую тему мичман. — Может быть, вам помочь чем? Боеприпасы у нас не лимитированы, да и трофейный пулемёт могу подарить.

— Нет, не нужно, — похлопал его по плечу Максим. — У нас имеется всё необходимое для того, чтобы не дать себя в обиду. А за предложенную помощь большое спасибо.

— Ну как знаете, — буркнул мичман. — Ладно, удачи вам и милости богов.

Он подал знак, по которому со стороны въезда заработала лебёдка, убирая с дороги бетонную плиту, а когда автомобиль въехал на блок-пост, заработала другая, открывавшая выезд. Максим на ходу запрыгнул в машину, отодвинув плечом одного из морпехов.

— Вперёд, самый полный, — скомандовал он.

А мчаться на полной скорости пришлось и без этой команды, потому что вскоре с шоссе пришлось съехать на грунтовку, ведущую в сторону нескольких поместий, в числе которых было и Кейзо. Здесь по обеим сторонам потянулись невысокие холмики, за которыми, в случае надобности, можно было легко устроить засаду и прицельно стрельнуть из базуки. Впрочем, засада не заставила себя долго ждать. Стрелять наобум, правда, не стали. Просто на одном из холмов появилось два вооружённых мотоциклиста, и один из них поднял руку вверх, явно приказывая остановиться.

— Сзади ещё двое, — предупредил водитель, смотревший в зеркало заднего вида. — И тоже при “пушках”.

— Так, сбавляй ход и медленно подъезжай к тем, которые впереди, — распорядился Максим, доставая гранату. — Как только поравняемся, будь готов давить на газ. Понял?

— Так точно, ваш бродь, — ответил водитель. — Втопим, как положено.

— Ты тоже будь готов, — обратился Максим к морпеху, сидевшему у левой двери. — Услышишь команду — бросай гранату.

Машина сбавила ход и начала медленно подползать к мотоциклистам. Максим приоткрыл дверцу, слегка высунулся и, широко улыбаясь, сделал рукой успокаивающий жест. Мол, не стреляйте, всё в порядке. Это успокоило мотоциклистов, и один из них даже сошёл на землю. Лениво подбрасывая автомат на руке, он сделал несколько шагов вперёд. Это были его последние шаги, потому что Максим проорал: “Ходу!”, швырнул в него гранату и захлопнул дверцу. Почти одновременно вслед за первым прозвучал второй взрыв, а машина рванула вперёд на максимально возможной скорости.

Максим оглянулся назад. Граната, брошенная морпехом, произвела больший эффект, чем его. Она попала точно под мотоцикл, и взрыв разнёс машину вдребезги.

— Так, а вот и преследователи, — констатировал водитель.

В тот же момент по корпусу автомобиля неприятно звякнули несколько пуль, отчего пассажиры невольно пригнули головы. Максим ещё раз обернулся, и в клубах пыли, поднятой их машиной, заметил ещё двух мотоциклистов.

— Нужно одного из них убрать, — произнёс он, ни к кому конкретно не обращаясь.

Морпех, сидевший теперь в середине, не произнес ни слова, передёрнул затвор своего автомата, приподнялся и открыл верхний люк.

— Подожди, — одёрнул его Максим. — Я скажу когда.

Вскоре они добрались до своеобразного перекрёстка, где дорога расходилась на две. Левая вела к соседскому имению, а правая — во владения Кейзо.

— Налево! — скомандовал Максим водителю. — А ты, — он тронул за руку морпеха, — можешь начинать.

Солдат кивнул, встал и просунул голову в люк. Спустя секунду прогремела короткая очередь. Максим увидел, как один из мотоциклов, летевший на полной скорости, вдруг как будто напоролся на невидимое препятствие и взорвался. Видимо, пуля попала в бензобак, потому что вверх взметнулось огненное облако и раздался оглушительный взрыв.

— Задание выполнено, ваш бродь, — доложил морпех, опускаясь на сидение.

— Ну, ты силён! — восхитился Максим. — Это ж надо, на полной скорости и с первой очереди.

— У нас в горах по-другому и не положено, — скромно ответил морпех. — Когда на лошади дичь догоняешь, так тоже нужно попадать с первого выстрела. Иначе отец бить будет, ведь каждый патрон у нас на вес золота.

— Так вы, значит, горцы?

Солдаты в ответ лишь кивнули.

— А как же на службу попали? До вас ведь добраться трудно.

— Так это, — промолвил второй солдат. — Соль у нас в посёлке кончилась, так нас двоих старейшина и отправил. Мы спустились, а нас, значит, того, повязали.

— Во как... — удивлённо протянул Хорёк с первого сидения. — Бывает же такое!

— Так, теперь за нами только один мотоциклист, — прервал беседу Максим. — И надо сделать так, чтобы он остался в живых, но за нами уже не гнался. Как вам такое задание?

Второй солдат пожал плечами, повернулся назад и вытащил из багажника чехол, в котором находилась снайперская винтовка.

— Только если точно попасть, мне нужна короткая остановка, — сказал он, досылая патрон.

— Скомандуешь, как будешь готов, — успокоил его Максим.

Морпех высунул голову в люк и громко выкрикнул: «Стоп»! Водитель тут же сбросил скорость и затормозил. Дальнейший ход событий показал, что снайперские качества у горцев Империи превосходят всякую молву. Раздался выстрел, мотоцикл вместе с седоком завихлял, опрокинулся, затем невысоко подскочил, несколько раз перевернулся и замер.

— Готово, — доложил снайпер, пряча винтовку в чехол. — В переднее колесо попал.

— Видел, — с восхищением сказал Максим. — Искренне завидую вашему искусству. Постараюсь не забыть.

— Ну что, ваш бродь, ехать или как? — спросил водитель.

— Погоди, — ответил Максим, открывая дверцу. — Не убили он там?

Очень скоро он убедился, что кости у мотоциклиста крепкие. Он сел, покрутил головой, стараясь прийти в себя, и наконец встал на ноги.

— Нормально, — констатировал Максим, садясь в машину. — Жить будет. По крайней мере, в ближайшие часы. Всё, поехали дальше.

Водитель хмыкнул и тронул автомобиль. Главное дело было сделано. Группа привлекла к себе пристальное внимание и, надо полагать, её предельно наглые действия в районе, в котором бандиты считали себя полновластными хозяевами, притянут к ней все силы. Они ехали в имение Моссов. Память Турренсока помогла вспомнить Максиму в мельчайших деталях визиты молодого барона к соседям, у которых росли две весьма аппетитные сестрёнки-близняшки. Как недавно всё это было. Отец, правда, прекрасно зная склонности Турренсока, не очень-то поощрял эти хождения.

До имения добрались нормально. Лишь там все пассажиры поняли, на что способна озверевшая толпа. Прекрасный дом, который некогда являлся гордостью Моссов, теперь превратился в груды обгорелых развалин. Повсюду валялись остатки разбитой мебели, посуды, тряпье и прочий хлам. Немного в стороне виднелась безобразная куча частично сгоревших книг. Видимо, начавшийся дождь помешал огню, потушив костёр. Максим вышел из машины и, подойдя к куче, вытянул снизу книгу, пострадавшую менее других. “Особенности сельского хозяйства в горных районах Империи”, прочитал он на обложке. Это был авторский труд дядюшки Мосса, агронома по профессии. Пригодится ли эта книга будущим поколениям Островов?

Максим аккуратно положил находку на траву и огляделся по сторонам. Включив память Турренсока, он постарался найти направление, ведущее к лесной просеке. Это был самый короткий путь из имения Моссов к дому Кейзо.

— Кажется, туда, — указал он пальцем. — Только, если память меня не подводит.

Машина подъехала к просеке.

— Ваш бродь! — обратился к Максиму морпех, стрелявший первым. — Давайте мы выскочим, следы колёс заметём.

— Вот этого как раз и не нужно делать, — осадил его порыв Максим. — Пусть они найдут нас без труда. Нам именно это и требуется. А вот пару тройку “растяжек” в этом месте поставить совсем не помешает. Надо их хорошенько разозлить. Чтобы они все на нас поперли. Прихлопнуть всех разом и не отлавливать потом каждого поодиночке. Давайте, бойцы, держайте! Но ставьте аккуратно и незаметно.

Морпехи захватили с собой несколько мин и кинулись выполнять задание. Несколько минут спустя они вернулись и слегка запыхавшимися голосами доложили о том что “всё сделано в лучшем виде и кое-кто тут хорошенько покувыркается”.

Путь по просеке не занял и двадцати минут. Автомашина выползла из леса, и пассажиры увидели величественный замок, родовое гнездо баронов Кейзо. Разрушить внушительные каменные стены, веками служившие предкам Турренсока надёжной защитой, бандитам было не под силу. Но даже беглого взгляда хватило на то, чтобы понять — они побывали здесь и, не встретив сопротивления, взяли всё, что им необходимо, и убрались восвояси. Въехав в распахнутые ворота, машина остановилась посреди просторного двора. С минуту Максим выжидал, но никто навстречу не вышел: видимо, немногочисленные слуги давно уже разбежались кто куда, из страха попасть под горячую руку озверевших дезертиров.

— Хорёк, поставь перед воротами несколько мин, — начал распоряжаться Максим. — Остальные начинайте разгрузку и давайте за мной в главную башню.

Солдаты споро начали выполнять приказ, и в этот момент раздался первый, а вслед за ним и второй взрыв.

— Так, началось, — отметил Хорёк. — Нужно поспешать. Хотя двигаться они теперь будут осторожнее.

Его предсказание сбылось, больше взрывов не последовало, и это могло означать одно из двух. Либо преследователи обнаружили остальные растяжки и теперь осторожно продвигаются вперёд, либо, испугавшись столь агрессивных “гостей”, махнули на них рукой и убрались восвояси. Вторым вариантом был бы крайне нежелательным.

Пока денщик барона занимался установкой мин, остальные поднялись вслед за Максимом в башню, где начали спешно готовиться к отражению нападения. Крупнокалиберный пулемёт был установлен на самом верху. Это была позиция морпехов. Одному из них необходимо было поливать свинцовым дождём всех рискнувших проникнуть через главные ворота, а второй — снайперским огнём должен был охранять позицию от тех, кто вознамерится стрелять по ней из базуки. Ещё один пулемёт установили у входа в башню, предварительно соорудив перед ним баррикаду. Защищать её предстояло Максиму и водителю. Хорёку досталась “скользящая” позиция. Перебегая с одного этажа на другой, он обязан был бросать в нападавших гранаты, коих в его распоряжение выдали аж два ящика. В принципе защищаться здесь можно было против любых сил, ибо каких-то других вариантов, кроме лобовых атак, у желающих взять башню просто не было. Обойти её не представлялось возможным. Даже если бандиты с тупым упрямством будут безостановочно переть на пролом, а они наверняка, встретив внушительный отпор, призадумаются и станут искать какие-то другие варианты, которых не так много. В этом случае боеприпасов должно хватить на час боя с лихвой. За это время помощь подоспеет кстати. Если только... Об этом, лёжа за баррикадой, почему-то думать не хотелось.

Внезапно в тишину влёлся какой-то посторонний звук. Максим прислушался и вскоре распознал в нём пока ещё отдалённый рёв мотоциклетных моторов.

— Хорёк! — крикнул он денщику, всё ещё возившемуся с установкой мин. — Давай, завязывай там.

— Щас! — откликнулся тот. — Осталось чуток маскировочку довершить, и всё будет шик-блеск. Ни одна собака не унюхает.

— Смотри, сам не подорвись на своей маскировке, — предостерёг Максим. — И останься у ворот. Как покажутся — рви к нам.

— Понято, — ответил Хорёк и подтвердил приём распоряжения взмахом руки.

В ожидании пролетели ещё минут двадцать. Бандиты явно не спешили на randevу со своими предполагаемыми жертвами, видимо, полагая, что они всё равно от них никуда не денутся. Но вот когда рёв моторов начал перекрывать все остальные звуки, Хорёк, наблюдавший за лесом, выкрикнул что-то нечленораздельное и рысью направился к баррикаде.

— Едут, ваш бродь, — отрапортовал он, приблизившись. — И идут тоже. Чего-то многовато их на нас пятерых, — прибавил он тихо, вроде как себе под нос.

— Не бойсь, зверёк Хорёк, — подбодрил его Максим. — И не такие виды видывали, однако уцелели. Ты об опасности не думай, а просто делай своё дело. Если хорошо будешь делать, так они тебя бояться станут. Всё, вперёд на свой номер!

— Есть! — вяло ответил Хорёк и, жалобно шмыгнув носом, как бы про себя, добавил: — Блин, и почему всякие напасти валятся на голову только мне?! И так всю жизнь, безо всякого просвета...

Он поплёлся наверх, а Максим в этот момент подумал, что за последние годы тоже навидался всякого. А пожил-то он не так уж и много, всего двадцать с небольшим лет.

Меж тем на пригорке показались преследователи. Впереди на мотоциклах не спеша катила тройка, видимо, самых лихих вояк. За ними беспорядочной толпой валила орда пехотинцев, вооружённых автоматами и карабинами. Мотоциклисты остановились, что-то обсудили, а затем тот, что сидел на центральной машине, взмахнул рукой, выкрикнул какой-то воинственный клич и дал газ. Его товарищи повторили этот манёвр. Побежала вперёд, подхватив вопль, и толпа. Это была классическая психическая атака, рассчитанная на то, чтобы одним быстрым и решительным рывком подавить у противника волю к сопротивлению.

Максим внутренне сжался, ожидая последующих событий. Почти одновременно прогремели три взрыва, в воздух вместе с вырванной землёй полетели искорёженные куски металла и тех, что ещё недавно были людьми. С очень скверной, надо сказать, репутацией, за которыми числился не один десяток грязных дел, но всё же людей.

Смысл происшедшего был понятен лишь защитникам замка. До атакующих он дошёл не сразу, и они поплатились за это. Не в силах мгновенно остановить свой бег, бандиты влетели на минное поле. Вновь прогремели взрывы, и лишь после этого толпа отхлынула, оставив на поле около полутора десятков убитых и искалеченных. Изрыгая проклятия, раненые тянули руки к своим товарищам, умоляя их о помощи, но те не решались приблизиться к опасному месту.

Максим, наблюдавший за ходом событий, обратил внимание на то, что нападавшие, отойдя на исходную позицию, сгруппировались в одной точке и начали совещаться. Завершился совет быстро, и объяснение тому было простым: видимо, решение в случае отпора действовать именно так, а не иначе, проговаривалось заранее. Максим, увидев столь изощрённую “домашнюю заготовку”, не мог не прийти в ужас. Бандиты вытолкнули вперёд нескольких человек, вероятно, местных жителей, взятых в заложники уже давно. Среди них были измождённые лишениями женщины, дети и старики. Всяческая воля к сопротивлению у них уже была утрачена и, по всей видимости, многие ожидали смерти как некоего блага, способного избавить от дальнейших мучений. Подбадривая этот живой щит выстрелами вверх, бандиты медленно двинулись вперёд, соблюдая солидную дистанцию. Раздался первый взрыв, за ним второй, третий... в воздух вместе с комьями земли взлетели рваные клочья того, что несколько мгновений назад было живыми людьми.

“Как всё просто, — подумал Максим, оцепеневший от увиденного и понявший, что стрелять по этим обречённым людям он не сможет. — Они возьмут нас без всякого шума, а затем станут пытаться медленно, изощрённо, с особым вкусом”. Турренсок, способный подсказать то, как ему действовать в такой ситуации, не подавал признаков жизни. Наверняка он также не видел до этого ничего подобного.

К счастью, морпехи, сидевшие на самом верху, набравшиеся в своё время у себя в горах опыта борьбы со всевозможным противником, не потеряли

присутствия духа. С самого верха главной башни замка раздалась длинная пулемётная очередь, и Максим увидел, как от идущих позади заложников бандитов в буквальном смысле в разные стороны полетели кровавые клочья. Крики тяжелораненых были столь сильны, что смогли заглушить все остальные звуки. Бойня продолжалась недолго, всего несколько секунд, но за это время цепь атакующих перестала существовать. Следующая очередь смертельным градом обрушилась на тех, что стояли на холме, вынудив их залечь и отползти из опасной зоны. Всё это время оставшиеся в живых заложники растерянно стояли, не зная, как им поступить. Максим высунулся по пояс из-за укрытия и, сколько было сил, закричал:

— В сторону, уходите в сторону!

Его голос вывел людей из оцепенения. Кто согнувшись в три погибели, а кто в полный рост побежали прочь из опасного места. На некоторое время воцарилась тишина, по всему чувствовалось, что против защитников замка замышляется очередная каверза. Так оно и вышло. С того места, за которым укрылись бандиты, высоко в небо взлетело несколько предметов. Оставляя за собой густой хвост чёрного дыма, они описали высокую дугу и шлёпнулись на землю перед воротами замка.

— Дымовые шашки, — с досадой произнёс водитель. — Завесу поставили, сволочи. Теперь нам тяжелейше придётся, ваш бродь...

Ветер дул как раз в сторону главной башни, и густой дым быстро заполнял двор, закрывая видимость защитникам замка, одновременно с этим мешая им дышать. Ситуация сложилась очень непростая, она требовала немедленных и быстрых ответных мер. Максим вскочил на ноги и, задрав голову кверху, крикнул:

— Эй, наверху, прикрывайте меня огнём.

Схватив пулемёт, он что есть сил рванул к воротам. Максим выскочил из ворот и, ещё находясь в дыму, наугад дал первую очередь, ведя ствол слева направо. Тут же застучал пулемёт с башни. В ответ раздалась беспорядочная стрельба, крики раненых. Максим залёг и, не переставая давить на гашетку, начал осторожно ползти вперёд, рискуя напороться на одну из мин, поставленных Хорьком. Вскоре дым поредел настолько, что можно было не только дышать, но и видеть противника. Попад под перекрёстный огонь, бандиты начали отходить. Максим продолжал стрелять им вслед до тех пор, пока они не убрались за укрытие. Ещё одна атака была отбита. На поле перед замком лежало довольно много трупов, а если бой пойдёт такими темпами и дальше, то капитану с его отрядом нечего будет делать.

Однако где же обещанная помощь?! Самое бы время сейчас ударить деморализованному противнику в тыл. Максим бросил взгляд на часы и поразился: с момента боя прошло совсем немного времени, чуть больше двадцати минут, и это означало, что, как минимум, минут сорок придётся надеяться только на собственные силы.

Действие дымовых шашек заканчивалось, и чтобы не оставаться на открытой местности, Максим перебрался обратно за баррикаду. Ожидать следующего хода бандитов пришлось недолго. На этот раз они отбросили прежнюю самоуверенность и решили действовать максимально эффективно. Из-за холма показались три огромных металлических щита и, плотно сомкнувшись, медленно направились к воротам замка. Максим оценил находчивость противника. Танка или бронетранспортёра у него не было, но почему бы для этих целей не использовать мускульную силу

самых крепких бойцов. За одним таким щитом могли скрываться человек пять-шесть: двое тащили броню, а остальным предстояло сыграть роль десанта. Подобраться к щитам не представлялось возможным — находившиеся за ними бандиты вели непрерывный автоматный огонь по баррикаде. Одновременно с этим с холма начали обстреливать башню с находившимися там снайперами-горцами, не давая тем высунуться.

Максим прицелился и дал щедрую очередь по центральному щиту. Как об стенку горох. Пули, попав в цель, оставили на ней лишь вмятины и слегка притормозили движение этой “живой” крепости. Оставалось одно — подпустить врагов поближе и попробовать забросать их гранатами.

— Приготовься, — приказал Максим водителю, доставая из ящика пару противопехоток. — Как подойдут к воротам — бросай.

— Понятно, — откликнулся водитель и также вооружился гранатами. — Сейчас мы их...

Но противник был не так глуп, чтобы подставляться под столь очевидный удар. Не доходя до ворот, щиты остановились, и десантники, выскочив из-за них, бросились в разные стороны под защиту стен.

— Ну всё, хана нам пришла, — процедил водитель. — Сейчас они нас...

Мощный взрыв не дал ему договорить. Брошенная из-за стены граната не долетела, и её действие способно было лишь слегка напугать. Но уже следующие броски оказались более точными. Сразу две гранаты упали под баррикаду, взметнув вверх груды рухляди. Максима изрядно оглушило, да вдобавок к тому завалило обломками. Плохо соображая, он всё же пытался высвободиться, и это у него плохо получалось. Внезапно чьи-то руки ухватили его и с силой дёрнули кверху.

— Уходим, барон, — как сквозь вату донёсся до него голос верного Хорька. — Давайте в темпе, пока нас тут не кончили.

Опираясь на плечо денщика, Максим доковылял до двери в башню.

— Там ещё водитель, — пробормотал он, держась за голову. — Забери его, Хорёк.

— Всё, нет у нас больше водителя, — ответил тот. — Отвоевался, бедолага.

Максим повернулся и увидел развороченную баррикаду, лежащее ничком окровавленное тело, а вдалеке бегущих к воротам замка бандитов. Некоторые из них уже показались в проёме. Хорёк одну за другой швырнул в них две гранаты и тут же принялся закрывать дверь. Она была изготовлена из толстой стали, подвешивалась не на петлях, а, двигаясь в пазах, входила в каменную стену и способна была на некоторое время сдерживать неприятеля.

— Готово, — Хорёк подхватил ещё не до конца пришедшего в себя командира и увлёк его вверх по деревянной лестнице. — Ничего, контузия — это не смертельно, — продолжал бормотать он. — Это пройдёт.

Внизу послышались удары в дверь.

— Давайте, давайте, — крикнул им Хорёк и добавил тише: — Стучи не стучи, а без взрывчатки вы её не возьмёте.

Удары в дверь тут же прекратились, как будто бандиты услышали последнюю фразу. Слышно было только как они, перебивая друг друга, громко кричат, но слов разобрать было невозможно. Максим с Хорьком поднимались всё выше и вот, наконец, показался светлый прямоугольник люка, ведущего на верхнюю площадку башни. Снайперы помогли ему подняться. Оба были бодры и без единой царапины. Каких-либо признаков страха

или растерянности они не испытывали: по всему видно, что в своё время им доводилось бывать в передрягах и круче этой, и выпутываться из них.

— Ваши предложения, бойцы, — обратился к ним Максим, вставая на ноги. На просторной площадке можно было стоять почти не сгибаясь, толстостенные зубцы неплохо защищали от пуль, которые продолжали щёлкать по камням, не давая даже выглянуть в сторону противника.

— Я так думаю, ваш бродь, что это... дверь они всё же вышибут, — сказал один из горцев. — А значит нельзя им дать подняться к нам.

— Сейчас, я им дам подняться! — Хорёк одну за другой выбросил за стенку две гранаты. После взрывов в адрес защитников посыпалась отборная брань, из чего можно было сделать вывод, что снаряды нашли свои цели.

— Ну и? — вернулся Максим к теме разговора.

— Я предлагаю, как только они начнут лезть наверх, бросить вниз несколько гранат. Завалить лестницу, а заодно и их.

— Толково, — с иронией произнёс Хорёк. — А как мы потом сами спускаться станем, на крыльях, что ли?

— Помощь придёт, можно и по канату спуститься, — успокоил его горец. — Это на данный момент не столь важно. Сейчас главное уцелеть, чтобы эти гады до нас не добрались.

— А башня от наших взрывов не расколется? — с опаской спросил Хорёк. — Вон она какая древняя. Рухнем все вместе, и нам тут будет братская могила. А лично мне героическая смерть не нужна. Я ещё пожить бы хотел. Детишек завести, внуков понянчить, ну и всё такое.

Замечание было резонным. Максим выглянул в люк, прикидывая как бы поудачнее бросить гранаты, чтобы разрушить хоть небольшой фрагмент лестницы, но самим при этом уцелеть.

— Можно рискнуть, — сказал он, закончив осмотр. — Если гранаты бросать не все сразу, а по одной. Кстати, сколько их у нас?

— У нас нет, — в один голос ответили морпехи. — Только пулемёт и винтовка. Патронов ещё много.

— И я пустой, — ответил Хорёк. — Вот эти две последними были.

— А где же ящик? — спросил Максим. — Там ведь этих гранат валом было.

— Так это... я когда увидел, как они в атаку попёрли, так к вам на подмогу вместе с ящиком и кинулся, — виновато ответил Хорёк. — А уже внизу мне не до него было. Я вас вытаскивал.

— Ясно, — подытожил Максим. — Разрушить лестницу нам, стало быть, нечем. Хорошо хоть пулемёт есть. Попробуем отбиться. Не думаю, что их надолго хватит, собой жертвовать.

Действительность показала, что бандиты думали так же. Им совсем не хотелось лезть под кинжальный пулемётный огонь. Их план расправы с обидчиками оказался простым и рациональным. Вначале грянул взрыв, от которого башня ощутимо закачалась, а крышку люка подбросило взрывной волной. Из этого можно было сделать вывод, что дверь не уцелела. Вслед за этим остро завоняло бензином.

— Кажись, нас хотят поджарить, — заметил Хорёк, принюхиваясь. — М-да, выбор у нас был не велик, но лично я предпочёл бы умереть мгновенно, под обломками, чем медленно поджариваться вроде бифштекса.

Он приоткрыл люк и тут же захлопнул, морщась от пахнувшего в лицо едкого дыма.

— Всё, полыхает, что твоя преисподняя, — сказал он обречённо, закрывая крышку.

Снизу раздалось довольное ржание бандитов. Максим посмотрел на часы. Стрелки показывали, что установленное время, после которого должна прийти помощь, уже истекло. Неужели случилось нечто непредвиденное?

Прошло ещё несколько минут. Стоять и дышать на площадке башни становилось невозможно из-за всё более усиливающегося жара и густого дыма. Первым потерял сознание Хорёк. Он упал ничком, Максим постарался посадить его и прислонить спиной к стенке, но внезапно почувствовал приступ дурноты. Он постарался задержать дыхание, и в этот момент до него донёсся шум автомобильных моторов, а затем началась беспорядочная автоматная стрельба. Максим, понимая, что может упасть в обморок, сумел всё же подняться. Рискнув быть подстреленным, он заглянул между зубцами и увидел на поле идущих в атаку морских пехотинцев. Теряя силы, Максим поднял пулемёт и дал вверх длинную очередь трассирующими пулями. Лишь после этого в голове помутилось, и он упал ничком подле своих бойцов.

Глава 14

Вернувшееся сознание породило и невыносимую боль во всём теле. Максим осмотрел бинты, затем больничный бокс, рассчитанный, видимо, на важных персон, после чего прикрыл глаза и постарался сосредоточиться, настроив организм на нормальную работу. Прежде всего, необходимо освободиться от тяжести в голове. Отравление угарным газом, в довесок к полученным ожогам, не прошло даром, и местной медицине необходимо очень постараться, чтобы вернуть ему утраченное здоровье. Но валяться на больничной койке две, а то и три недели, означало пропустить нечто важное, а этого позволить Максим сейчас себе не мог. Дома, имея под рукой соответствующие препараты, на излечение ушло бы часа полтора, не больше. Здесь же ничего этого не было. Оставалось надеяться только на собственные силы и заниматься самолечением без медикаментов. Это, как минимум, сутки. Настройка мозга, главного штаба, отвечающего за нормальную работу всего тела, была достаточно трудоёмким делом, которому мешала эта тупая боль в голове. Наконец Максиму удалось сосредоточиться, начав “диктовать” внятные приказы по определённой схеме, знакомой любому жителю Земли ещё со школьной скамьи. Каждая формула, услышав её человек непосвящённый, прозвучала бы для него откровенной тарабарщиной, набором ничего не значащих слов, но лишь такая и никакая другая комбинация звуков способна была заставить каждый орган, каждую его клеточку начать освобождаться от ненужного хлама и приводить себя в порядок.

Максим закончил отдавать “приказы” и вскоре почувствовал, что приложенные усилия постепенно приносят свои положительные плоды. Вначале на лбу выступила обильная испарина, которая затем распространилась по всему телу. Организм начал сам бороться с накопившейся в нём гадостью, выводя её прочь. Максим с трудом дотянулся до висевшего в изголовье полотенца, отёр им лицо и бессильно уронил руку. Он чувствовал, что температура уже подходит к критической, но опасности в этом не было, однако потеря сознания в такой ситуации была вполне возможна. Не наговорить бы в бреду чего лишнего на своём родном языке. И хотя он в палате находился в гордом одиночестве, необходимо учитывать всякие неожиданности. Надеяться на то, что приветливая и добродушная с виду

медсестра не является секретным осведомителем и не донесёт “куда надо”, если услышит нечто подозрительное, было бы верхом беспечности. Борясь с подступающим приступом сонливости, Максим из последних сил постарался заблокировать центры, отвечающие за разговорную речь, и лишь после этого провалился в глубокий сон.

Время, проведённое в этой яме, не прошло даром. Когда Максим проснулся, за окном стояла уже глубокая ночь. Бокс освещался лишь тусклым светом ночника, позволявшим рассмотреть только очертания отдельных предметов. Страшно хотелось пить. Оно и не удивительно — организм потерял столько влаги, что простыня и подушка были хоть выжимай.

Максим спустил ноги на пол, взял стоявший на тумбочке графин и принялся пить прямо из горлышка. Успокоился он только после того, когда осушил ёмкость до последней капли.

— Уф, хорошо! — пробормотал Максим, потягиваясь. Теперь он не чувствовал никакой боли, тело вновь было полно энергии и сил.

Максим присел на кровати и начал сматывать с себя бинты, которыми его густо опутали врачи в местах ожогов. Кожа восстановилась полностью и приобретала свой естественный розовый цвет.

Спать больше не хотелось, и Максим решил выйти на улицу, подышать свежим ночным воздухом. Он натянул тесную больничную пижаму, висевшую на спинке кровати, вышел в коридор и спустился по лестнице на первый этаж. Здесь за столиком дремал преклонных лет медбрат. Максим не хотел его будить, надеясь выйти незаметно и тихо, однако этого ему не удалось сделать — решетчатая дверь, ведущая к выходу, оказалась запертой.

— Слышь, служивый, — обратился он к ветерану медицинского фронта, легонько похлопав его по плечу. — Отопри калитку, я хочу на свежий воздух выйти.

Медбрат встрепенулся, внимательно посмотрел на разбудившего его человека и, узнав, внезапно переменялся в лице.

— Куда вы, господин барон! — воскликнул он, вскакивая со стула и размахивая руками так, как будто увидел привидение. — Вам же нельзя, у вас же ожоги, вы же при смерти.

— Какие ожоги, ты в своём уме, — рассмеялся Максим. — На, смотри! Он расстегнул пижаму, обнажая молодое красивое тело.

— Ну где ты видишь тут хоть одно обожжённое пятнышко?

Медбрат осторожно, дабы не оскорбить достоинство стоявшего перед ним дворянина, дотронулся указательным пальцем до Максимовой груди. Некоторое время он пребывал в недоумении.

— Ужели такое возможно, — наконец вымолвил он. — Ведь третьего дня я самолично принимал вас, а потом ещё помогал бинтовать. Чудеса, да и только.

— Убедился? — Максим застегнул пижаму. — Я вовсе не призрак, а живой и здоровый. Такое порой возможно. Ладно, хватит удивляться, открывай.

Медбрат с некоторым сомнением полез в карман и вытащил из него связку ключей.

— А чего вам на улицу понадобилось? — не то спрашивая, не то осуждая, пробормотал он. — Ночь на дворе, мало ли чего там произойти может. Спали бы у себя в боксе как все нормальные больные, так нет же...

— Я же сказал уже — воздухом хочу подышать. Душно в боксе.

Медбрат открыл дверь, пропуская Максима.

— Да, отец, — сказал он, проходя к выходу. — Я проголодался жутко. Так что ты уж будь так добр, расстарайся там насчёт пожевать. Если молочка найдёшь, тащи, и моя благодарность не будет знать границ. Я далеко уходить не стану, на скамейке посижу.

Оставшись один, санитар не стал торопиться выполнять порученную просьбу. Первым делом он снял телефонную трубку, набрал номер, и когда на том конце ответили, сказал:

— Это Маллиш, санитар из госпиталя. Вы просили позвонить, если что случится.

— А что у вас произошло? — спросил, позёвывая, голос в трубке.

— Только что господин барон спустился на первый этаж, попросился на улицу подышать свежим воздухом, а также вынести ему поесть.

— Как ты говоришь? — с недоумением произнёс голос в трубке. — Спустился вниз! А кто же ему помогал?

— Никто не помогал. Они самостоятельно спустились. Самое поразительное, господин барон двигался столь легко, что я было, грешным делом, подумал: преставился он у себя наверху в боксе, а мне явилось бестелесное привидение.

— То есть, ты хочешь сказать, что он шёл без затруднений... Он что же, выходит, выздоровел? Но у него же обширные ожоги...

— Нету у него никаких ожогов. Кожа как новенькая, розовая, словно у младенца, даже красноты нездоровой не видно.

— Хорошо, — произнёс голос после некоторой паузы. — Твоё рвение не останется без внимания. Продолжай за ним присматривать и позднее доложишь обо всём. Обещанная награда за мной.

Санитар положил трубку на рычаг и лишь после этого отправился на кухню, набрал там в тарелку каши из котла, прихватил бутылку молока и добрый ломоть хлеба. Поставив всё это на поднос, он пошёл на улицу.

Он ожидал найти Турренсока мирно сидящим на скамейке, но ошибся. Увиденное поразило санитаров настолько, что он замер, не в силах двигаться дальше. "Больной", которому по идее надлежало ещё не один день лежать в боксе обездвиженным, таковым быть не желал и в приличном темпе "нарезал" круги вокруг большой клумбы. Оглянувшись на скрип дверей, он остановился и голосом, лишённым какой-либо одышки, крикнул:

— А, это ты! Ну как, нашёл чего-нибудь? Поставь там, на скамейке, я сейчас закончу и подойду.

Санитар сделал то, что ему было велено, и почтительно замер, наблюдая, как Турренсок от бега перешёл к выполнению силовых упражнений.

— Господин барон, — наконец осмелился произнести он. — Разрешите мне вернуться на пост, а то там телефон... Сами понимаете, мало ли чего может случиться.

— Да-да, любезный, — сказал Максим, не прерывая отжиманий. — Конечно, иди. И огромное спасибо тебе за... ну, еду.

Санитар направился на своё место, но по пути оглянулся и, покачав головой, пробормотал себе под нос:

— Это ж надо такое... Сколько лет живу, а такого быстрого выздоровления ещё не видал.

Максим же, завершив разминку, направился к скамье, где отдал должное холодной каше. Запив её молоком, он наконец почувствовал себя заново

рождённым, готовым к новым подвигам во славу... Посидев ещё немного на скамье, Максим вернулся в бокс, где прилёг, погрузившись в размышления о предстоящих делах, и под это дело как-то незаметно задремал. Разбудили его громкие голоса в коридоре, и спустя несколько секунд в бокс ворвалась довольно внушительная компания. Возглавлял её самолично Их Императорское Величество Дженс, за которым семенил лысый толстяк — насмерть перепуганный главный врач, а уже за ним, сверкая шитьём парадных мундиров, следовали адмиралы субмарин-флота, их адъютанты и охранники. Завидев эту толпу, Максим нерешительно поднялся навстречу.

— Вот он, герой! — воскликнул Дженс, широко распахнув руки для объятий. — Ну как ваше здоровье, храбрец?

— Всё нормально, Ваше Величество, — ответил Максим, прижатый к груди Императора. — Готов к выполнению вашего следующего задания.

— Вот это я понимаю... — от восхищения Дженс не мог подобрать нужные слова. — Все бы мои подданные являли собой подобный пример! Пойдите, — он оторвал от себя Максима и пристально на него посмотрел. — Но мне говорили, что у вас обширные ожоги, на излечение которых потребуется несколько недель. Вы же прямо-таки искритесь здоровьем. Как так? Уж не знаменитое ли колдовство Кейзо здесь замешано?

— Никак нет, Ваше Величество, — спокойно ответил Максим. — Слухи о колдовстве, которое якобы присуще нашему роду, не имеют под собой никакой почвы. Справедливо в них лишь то, что мои предки с давних пор собирали по крупицам древние знания, которые и помогли мне нынче воспрянуть из пепла. Если хотите, я могу многому научить и Вас.

— Хочу, хочу, непременно, — ответил Дженс, улыбаясь. — Но только позже, когда у меня появится свободное время. Сейчас же мне хочется отметить ваш подвиг, Турренсок, и наградить так, как того заслуживает ваш подвиг.

Он повернулся к свите и взял из рук адъютанта открытую коробочку, где на синем бархате, переливаясь драгоценными камнями, сияла высшая награда Империи — орден Морской Звезды первой степени.

“Солидно!” — подумал Максим, а Турренсок добавил: — К этой игрушке полагается целый ряд привилегий и очень приличная пожизненная пенсия.

— Немного, правда, не по статусу, — торжественно произнёс Император. — “Морскую Звезду” положено вручать только высшим чинам, начиная с субмарин-адмиралов, а вам только на днях присвоено звание субмарин-мастера. Ну да ладно, будем считать, что я несколько опережаю события и субмарин-адмирала вы вскоре получите. Так что орден — это вроде как аванс на будущее.

— Одну минуту, Ваше Величество, — остановил его Максим. — Прежде чем вы наградите меня, я хотел бы узнать о судьбе моих соратников, с которыми мне довелось отбивать атаки врага. Как они?

Дженс опять повернулся к свите и спросил врача:

— Как там остальные герои?

— Не могу знать, Ваше Величество, — ответил медик смущённо. — Это как-никак нижние чины, и их направили в другой госпиталь.

— Немедленно узнать об их состоянии, — приказал Дженс. — Минута времени.

— Есть, Ваше Величество, — выкрикнул врач и исчез.

Пока он отсутствовал, императорский адъютант откупорил бутылку вина, налил его в изящные бокалы и отпил маленький глоток из одного.

Присутствующие смотрели на него с нескрываемым интересом, но ничего неожиданного не произошло.

— Всё нормально, — сказал адъютант, — вино можно пить.

В тот же миг вернулся запыхавшийся главврач.

— У меня не очень хорошие вести, Ваше Величество, — произнёс он сдавленным голосом. — Двое из трёх уже умерли, а третий находится в тяжёлом состоянии.

— Кто именно? — спросил Максим с тревогой.

— Кажется, ваш денщик.

— Слава богам, — с облегчением произнёс Максим. — Я многим ему обязан.

— Повышенное единовременное пособие семьям погибших и офицерская пенсия на двадцать лет, — распорядился Дженс. — Денщику господина субмарин-мастера — самый лучший уход и лечение. И при первой же возможности переведите его в этот госпиталь.

— Спасибо, Ваше Величество, — просиял Максим. — Вы даже не представляете...

— Представляю, — буркнул Дженс. — Ну что, теперь можно приступить?

Он взял орден из коробочки и, держа его перед собой, торжественно произнёс:

— За проявленные героизм и мужество в бою с противником, многократно превосходящим в силах, и учитывая прошлые заслуги, оказанные государству и мне лично, орденом “Морской Звезды” первой степени награждается субмарин-мастер первого ранга, барон Турренсок Кейзо.

Император хотел было прикрепить награду на больничную пижаму, но потом махнул рукой.

— Держите! — сказал он, протягивая орден Максиму. — Прикрепите потом на свой парадный мундир. Виват герою, господа!

Толпа радостно взревела и подняла вверх бокалы с вином, приветствуя Максима, которому в этот момент пришла в голову шальная мысль перенести в эту страну одну старинную земную традицию. Как бы случайно он уронил свою награду в бокал с вином, деланно смутился, но потом, широко улыбнувшись, осушил кубок и поймал орден губами.

— Ну вот, обмыл, — произнёс он, показывая его присутствующим. — Теперь можно носить с гордостью

— Красиво, — заметил кто-то из свиты. — Благородные бриллианты, омытые старым добрым вином.

— Не спорю, — рассмеялся Дженс. — Пусть отныне этот случайный поступок превратится в красивую традицию. Награды с этого дня надлежит омывать вином. Да будет так.

В ответ раздались крики одобрения и лстивые здравицы в адрес Императора и его фаворита. Дженс досадливо поморщился, но прерывать ничего не стал, а обратился к Турренсоку:

— Так вы точно в порядке?

— Совершенно, Ваше Величество. Готов хоть сейчас приступить к службе, — повторил Максим.

— Давайте не будем торопиться, — Дженс начал задумчиво раскачиваться с носка на пятку. — Оставайтесь здесь ещё ненадолго. Пусть медицина внимательно осмотрит вас со всех сторон, выдаст своё авторитетное заключение, после чего можно будет начать серьёзный разговор о дальнейшей

работе. Поверьте, я действительно делаю на вас большую ставку, и не хочу рисковать срывом того важного дела, которое хочу поручить вам. Нельзя в такой ситуации слишком доверяться своим внутренним ощущениям. Поручим лучше это приборам.

Он посмотрел на стоявшего неподалёку главврача и поманил его пальцем.

— Сколько времени нужно для проведения полного осмотра субмарин-мастера?

— Я думаю, что двух дней будет вполне достаточно, Ваше Величество, — ответил подскочивший главврач.

— Тогда можете приступать к нему через... — Дженс бросил взгляд на часы, — пять минут.

— Слушаюсь, Ваше Величество, — главврач крутанулся на месте и моментально убежал отдавать соответствующие распоряжения.

— Вот и всё, Кейзо, — сказал Дженс, лёгким движением ладони стукнув Максима по плечу. — Я ухажу, дел, понимаете, неупорот. Завершайте тут лечение, а после того как вас отпустят, сразу же ко мне. Там и поговорим. Пока.

Он повернулся и пошёл к двери. Следом за ним рванула свита.

Максим остался один. Он присел на краешек кровати и начал разглядывать “Морскую Звезду”. Однако насладиться этим занятием ему не дали. В боксе появились два дюжих санитара с каталкой, погрузили на неё Максима и повезли на осмотр.

Главврач сдержал слово. В течение двух дней важный пациент пребывал в роли подопытного кролика, подвергаясь самым сложным медицинским тестам. Наконец всё закончилось, и Максим получил заключение, в котором значилось, что объект осмотра, субмарин-мастер первого ранга Турренсок Кейзо здоров без каких-либо оговорок. От себя главврач добавил, что ещё никогда не видел, чтобы в одном человеке здоровья было на экипаж субмарины.

Перед уходом из госпиталя Максим заглянул в палату, где лежал переведённый в офицерский госпиталь Хорёк. Денщик был ещё слаб, только-только пришёл в себя. Максим взял его за руку и несколько минут молча смотрел в глаза боевому другу. Со стороны казалось, что он сидит просто так, из сочувствия к раненому. На самом же деле шёл процесс внушения, установка на скорейшее выздоровление.

Покончив с этим, Максим вытер капельки пота, выступившие у него на лбу. Затем, достав из кармана несколько золотых монет, сказал стоявшему рядом Малишу:

— Держи. Присмотри за ним. Любое его желание должно выполняться так же точно и быстро, как моё. Ясно?

— О чём речь, — с улыбкой ответил медбрат. — Всё сделаю в лучшем виде, не извольте беспокоиться.

После госпиталя Максим напрямик направился в резиденцию императора. Движение транспорта в столице ещё не было налажено, так что пришлось останавливать военный грузовик. Водитель должным образом воспринял новенький мундир субмарин-мастера первого ранга, но наибольшее впечатление на него произвела “Морская Звезда”.

— Куда вас? — спросил он, явно робея.

— В императорский дворец не затруднит?

— Оно, конечно, лично мне не тяжело, — ответил водитель. — Только к самому дворцу не получится. Там патрули за два квартала тормознут. Требуется спецпропуск, а у меня его нет.

— Ничего, я прогуляюсь, — сказал Максим, усаживаясь. — Трогай.

Некоторое время они ехали молча, а затем водитель, не выдержав, спросил:

— Простите, ваш бродь, мою навязчивость, но не тот ли вы барон Турренсок Кейзо, о котором на днях писали в “Имперском драконе”?

Максим усмехнулся.

— Тот самый, — подтвердил он. — Только я не знаю, что там обо мне настрочили эти писаки.

— У-у-у... Написали — будь здоров, — с восхищением покачал головой водитель. — Будто бы вы, в одиночку, перебили пять сотен дезертиров, а несколько тысяч взяли в плен. За сей подвиг император лично пожаловал вам “Морскую Звезду”.

— Врать не стану, — скромно ответил Максим. — Насчёт ордена всё верно. Император лично приехал для вручения в госпиталь. Всё остальное — это уже преувеличение, если не сказать, фантазия. Во-первых, я там не один был, а с четырьмя бойцами. Журналистов с собой не брали. Мы лишь заманили врага в ловушку, а всё остальное сделал отряд морпехов, за что им честь и хвала. Правда, — добавил он после паузы, — мы там тоже накрошили порядочно.

— Да уж, — значительно сказал водитель. — Я думаю, что “Морскую Звезду” за просто так давать не станут. К тому же, сам император! Эх, мне бы такую везуху! О “Звезде” мне даже и мечтать нечего, а от обычного ордена я бы не отказался. Домой возвращаюсь, а девушки меня видят с наградой, и готовы отдать герою всё самое ценное, что у них есть. А девушки у нас в деревне, я вам скажу, ваш бродь...

— Ты за дорогой лучше следи, мечтатель, — строго одёрнул Максим. — А то так можно в родную деревню и на инвалидной коляске вернуться.

Водитель понял, что несколько забылся и замолчал. Они доехали до КПП, и здесь Максим вышел из машины. Вяло козырнув дежурному, он беспрепятственно прошёл мимо. Лишь на входе в резиденцию его остановили.

— Ваш пропуск, господин субмарин-мастер, — несколько развязно потребовал лейтенант дворцовой гвардии.

Турренсоку такое обращение явно не понравилось. Порой молодёжь, лишь только облачившись в гвардейские мундиры, перестаёт замечать обычных боевых офицеров.

— У меня нет пропуска, — спокойно ответил Максим. — Но мне необходимо попасть на приём к Их Величеству.

— Даже не знаю, чем могу вам помочь, — с едва уловимым ехидством сказал офицер. — Без пропусков не велено.

— Чем помочь, говорите? — как бы в раздумье спросил Максим. — А вы свяжитесь с канцелярией и скажите, что субмарин-мастер первого ранга барон Турренсок Кейзо, как и было приказано ему императором, явился для продолжения службы. Хотя, — Максим безразлично повернулся. — Если у вас есть желание поменять свои погоны на унтер-офицерские, то вы можете этого не делать.

Видимо, лейтенант тоже читал статью в “Драконе”, потому что, услышав с кем имеет дело, тут же бросился исправлять свой промах. Через пару

минут Максим уже поднимался по лестнице, которая вела в кабинет Дженса. Адъютант императора услужливо выскочил ему навстречу.

— Рад вас видеть в добром здравии, господин барон, — бархатно проворковал он, распахивая дверь. — Прошу, Их Величество ждёт.

Максим вошёл без стука и в соответствии с уставом вытянулся в струнку, щёлкнув каблуками.

— Вижу, вижу, Кейзо, — радушно встретил его Дженс. — Страшно рад. Не надо докладов. Дайте мне лучше заключение из госпиталя.

— Здравствуйте, Ваше Величество, — сказал Максим, протягивая бумагу.

— Однако, — восхитился Дженс, окончив чтение. — Ну, если всё в порядке, давайте немного подкрепимся и отправимся. Нам предстоит долгий путь.

— Осмелюсь спросить, куда мы направимся? — поинтересовался Максим.

— Мы пойдём принимать вашу субмарину, Турренсок, — сказал Дженс, бросив быстрый взгляд на собеседника. — А вернее сказать, будем присутствовать при её изготовлении. То, что вам предстоит сегодня увидеть, доводилось наблюдать лишь избранным. Только прошу, не задавайте никаких вопросов. На многие из них я не смогу ответить. Оно подобно божьему творению и лежит за пределами обыкновенного человеческого понимания. Вам ясно?

— Точно так, Ваше Величество, — с каменным лицом ответил Максим. — Готов следовать за Вами немедленно.

— Нет уж, — возразил Дженс, увлекая его в соседнюю комнату, где на столе уже всё было готово для обеда. — Вначале давайте подкрепимся. Там, где мы будем, поесть не удастся.

Они принялись не спеша поглощать пищу.

— Посмотрите-ка это, — сказал Дженс, передавая Максиму пачку сброшюрованных бумаг.

Это были подробные чертежи субмарины. Даже беглого взгляда было достаточно, чтобы понять — такого подводного судна в Империи ещё не было.

— Это супер-субмарина, — с ноткой самодовольства произнёс Дженс. — Справитесь?

— Думаю, да, Ваше Величество, — ответил Максим, внимательно изучая чертежи. Весь опыт Турренсока, изучавшего устройство субмарин в училище и имевшего кое-какой практический опыт, подсказывал ему, что Император не хвастает, а лодка, которую предстоит увидеть, уникальна. Как минимум, в два раза больше обычных, она имела мощную силовую установку, что положительно сказывалось на её скорости. Вооружена субмарина была не одной, а двумя автоматическими пушками, ракетной системой, а также восемью торпедами. Кроме того, на судне предусматривались комфортные условия для всего экипажа, а не только для офицеров, как на обычных лодках.

— Конечно, справитесь, — подтвердил Дженс, откидываясь на спинку кресла. — Там всё предельно автоматизировано, так что вести её можно даже одному. И ребёнок справится. Да и команда подобрана из очень опытных моряков. Ждут вас для представления. Завтра познакомитесь. А теперь давайте переодеваться — и в путь. Чертежи возьмите с собой.

Он подошёл к шкафу, вделанному в стену, и открыл дверь. В нише находились пять скафандров, предназначенных для работы в отравленной

атмосфере. Максим сложил чертежи и присоединился к Императору. Он достал один костюм и с интересом начал его рассматривать.

— Там, куда мы пойдём, без них не обойтись, — предупредил его вопрос Император. — Облачайтесь в этот. Вам он придётся впору.

“Интересно, — подумал Максим, облачаясь. — Что это за верфь, где нельзя работать без скафандра. Не под водой же она. Этот костюмчик для подобного не предназначен. Что-то тут не так!”.

Он надвинул было шлем, открыл воздушный вентиль и вдохнул, но Дженс остановил его.

— Не нужно пока. Я скажу когда, — сказал он, показав жестом в сторону овального люка в стене. — Нам сюда.

Они подошли к люку. Дженс костяшками пальцев пробарабанил по нему с определённой расстановкой ритмичную дробь, после чего раздался тихий щелчок, и массивная плита отошла в сторону, открывая проход на каменную лестницу, ступени которой уходили куда-то вниз.

Воздух здесь был довольно спёртый и влажный, сильно отличавшийся от того, который подавали кондиционеры в императорские покои. По всему чувствовалось, что люди этой дорогой ходили нечасто. Дженс пошёл вперёд, подсвечивая себе фонариком. Шаги тяжёлых ботинок создавали эхо в пустых каменных сводах.

— Нужно будет провести электричество, — сказал Император, опережая мысли Максима по тому же поводу. — Я говорил об этом отцу уже давно, но он так и не нашёл времени отдать соответствующее распоряжение.

Ступени окончились, и некоторое время спутники шли по ровному коридору, пока не упёрлись в массивные ворота. Они казались очень древними, замысловатый орнамент на их поверхности был изрядно попорчен влагой. Дженс обеими руками ухватился за мощный рычаг, пытаясь пригнуть его вниз, но его усилий не хватало.

— Помогите мне, — обратился он к Максиму. — Мне одному не справиться. Позаржавело всё...

Вдвоём они навалились на рычаг, и дело наконец-то сдвинулось с мёртвой точки. Медленно и со скрипом створки ворот раздвинулись настолько, чтобы пропустить человека.

— Всё, хватит, — хрипло сказал Дженс. — Теперь нужно надеть шлем.

Максим повиновался. Они прошли через ворота и очутились в небольшом помещении. “Шлюзовая камера”, — раздался в наушниках у Максима голос Дженса.

Створки теперь, всё с тем же скрипом, закрылись сами. Видимо, вес людей, стоявших на полу камеры, заставил механизм сработать автоматически. Раздалось шипение откачиваемого воздуха, после чего открылась дверь на противоположной стороне.

Максим шагнул вслед за Дженсом и очутился в широком тоннеле с полукруглым потолком. В нём было довольно светло — путь впереди был виден метров на двадцать, причём рассеянный свет исходил не от ламп, а прямо от стен. Они не были гладкими, а, казалось, складывались из мелких янтарных камешков, создавая непередаваемо красивый искрящийся узор. Увиденное поражало, так как разительно отличалось от принятых в империи и привычных глазу архитектурных форм и построений.

Пока Максим озирался по сторонам, Дженс ушёл вперёд, и пришлось его догонять скорым шагом.

— Не отставайте, — прозвучал в наушниках голос Императора. — Тут есть боковые ответвления, в которых можно так заблудиться, что потом и не найдут. Да и кому тут искать кроме меня.

Первый боковой коридор вскоре им повстречался. Он был такой же ширины, что и тоннель, шёл, мягко изгибаясь, как будто был сделан не руками человека, а каким-то гигантским червеобразным существом. И ещё одно наблюдение, которое сделал Максим после получаса ходьбы: несмотря на то что скафандр весил прилично, усталости не ощущалось. Создавалось ощущение того, что сила тяжести в тоннеле была меньше, чем вне него.

Путники прошли уже изрядное расстояние. Наконец Дженс подал знак остановиться.

— Дальше придётся передвигаться ползком, — сказал Дженс. — Немного, метров двести, но на максимальной скорости.

— Почему? — удивлённо спросил Максим.

— По полу, — с некоторым раздражением ответил Дженс. — Там увидите, что к чему. И не вздумайте приподниматься или останавливаться. Гнев богов настигнет мгновенно.

— Понял, — откликнулся Максим, решительно ничего не понимая.

Дженс опустился на пол, распластался и, не поднимая головы, быстро двинулся вперёд. Максим последовал его примеру. Некоторое время он слышал в наушниках лишь хриплое дыхание Императора, но вскоре его перекрыли щелчки, напоминавшие электрические разряды. Это впечатление дополнили яркие световые вспышки, которые, несмотря на то, что Максим даже не пытался поднимать головы, слепили и заставляли жмуриться. Постепенно единичные щелчки слились в единое басовито-угрожающее гудение, но спустя несколько секунд оно внезапно оборвалось.

— Всё, можно вставать, — распорядился Дженс. — Фу, я весь мокрый, как будто только что искупался.

— Я не лучше, — отозвался Максим, поднимаясь на ноги. — Давненько так не тренировался.

Он огляделся по сторонам. Широкий тоннель закончился, и теперь они стояли в огромной пещере. Стены и сводчатый потолок её также были покрыты янтарными камешками, а в центре темнело огромное подземное озеро.

— Сейчас, — пробормотал Дженс и направился вдоль берега. — Идите за мной.

Максим повиновался. Они прошли немного вперёд и остановились рядом с небольшим сооружением, напоминавшим каменный постамент. Дженс снял с руки перчатку и положил ладонь на его верхнюю поверхность, которая тут же начала излучать слабый малиновый свет.

— Готово, — произнёс Император. — Давайте чертежи.

Максим передал бумаги, которые Дженс, аккуратно подравняв, положил на камень. Затем он вынул из кармана предмет, оказавшийся стеклянным сосудом, до половины заполненным тёмной жидкостью. Присоединив его к чертежам, Император обхватил Максима за талию, увлекая его на прежнее место, к выходу из тоннеля.

— Быстрее, быстрее, — почти выкрикнул он, переходя на бег.

Максим, ещё не понимавший всех этих действий, тем не менее воздерживался от вопросов, прекрасно понимая, что в данной ситуации лучше всего смотреть и запоминать. Вопросы можно будет задать и позже.

Они остановились, и в тот же миг зеркало озера начало светлеть. Вскоре цвет его из тёмно-синего преобразовался в молочно-белый, а на спокойной

до этого поверхности появилась лёгкая рябь. Одновременно с этим Максим ощутил лёгкую вибрацию, исходящую от грунта. Это было похоже на начинающееся землетрясение, но внезапно раздавшееся низкое гудение подействовало успокаивающе. Где-то под землёй явно начал работать мощный механизм.

— Пройдём на смотровую площадку, — сказал Дженс, указывая рукой вверх. — Оттуда наблюдать удобнее и безопаснее.

С площадки действительно смотреть было гораздо удобнее. Максим неожиданно вспомнил, что всё происходящее может быть интересно не только ему одному. Он осторожно, чтобы не заметил Дженс, стащил перчатку с руки и направил перстень в сторону озера, которое опять поменяло цвет на светло-красный. Под водой или в чём-то другом, что находилось в огромной чаше, явно происходила сложная работа. Из глубины один за другим начали подниматься огромные воздушные пузыри. Они лопались со страшным шумом, создавая высокую волну, заливавшую весь берег.

Цвет жидкости в водоёме постоянно менялся, последовательно проходя весь спектральный диапазон. Вначале это происходило медленно, но постепенно темп увеличился настолько, что от постоянного мелькания в глазах начала кружиться голова.

Внезапно этот гигантский калейдоскоп прекратился. Жидкость в озере начала светлеть и вскоре стала прозрачной. Наступившая тишина давила на уши не меньше, чем только что закончившаяся какофония звуков. И тут Максим увидел, как из глубины озера поднимается нечто огромное. С каждой секундой это тело приобретало чёткость, и когда оно с шумным плеском выскочило на поверхность, удивлению субмарин-мастера первого ранга не было предела. В нескольких десятках метров от него покоилась субмарина ослепительно белого цвета. Внешне она в точности походила на чертёж.

“Элементарная биомеханика, — подумал Максим. — Почти такая же, которой пользуемся мы на Земле. Теперь понятно, почему наблюдатели не разглядели верфей. Они попросту выращивают свои корабли. Как репку или картофель. Но откуда у них такая сложная технология?”

— Всё, — каким-то будничным голосом произнёс Дженс. — Это ваша субмарина, барон. Пошли обратно. Автоматика позаботится обо всём остальном. Завтра лодка будет ждать вас у пирса.

Прежней дорогой они вернулись в императорские покои, где, приведя себя в порядок, уселись за стол и отдали должное еде и напиткам. На экспедицию в подземную пещеру ушло не менее шести часов, так что аппетит, с которым поглощалась пища, был вполне понятен. И тут Максим решился и задал вопрос, который долго вертелся у него на языке. Произнесено это было между двумя глотками вина, как бы между прочим.

— Ваше Величество, сегодня Вы открыли мне, пожалуй, самую главную тайну Империи. Почему?

— Почему именно вам, хотите сказать? — переспросил Дженс. — Понимаете, в чём дело... — он пристально посмотрел в глаза собеседнику. — Я внимательно присматриваюсь к вам и с каждым днём убеждаюсь в том, что вы достойны высшего доверия. Поэтому вы сегодня видели то, чего удостоивались немногие. Почему вы попали в их число? Потому что отныне именно вам я доверяю строительство подводного флота. У меня и без того хватает дел.

— Но ведь я так ничего и не понял, — почти искренне сказал Максим.

— Там и не нужно ничего понимать, — устало произнёс Дженс.

— На то он и дар Богов, чтобы воспринимать его таким, какой он есть, и не пытаться проникнуть в его природу.

— Дар Богов?!

— Именно так, — подтвердил Император. — Мои предки его получили сразу в готовом виде. Главное условие, которое перед ними было поставлено: пользуйтесь, но не пытайтесь влезать руками. И ещё одно. Увиденную вами систему необходимо подпитывать.

— Чем?

— Видели ёмкость, которую я поставил на плиту? В ней так называемая “Кровь Богов”. Сейчас запасы её подошли к концу, и их необходимо пополнить. Именно для этого я и готовлю набег на северное побережье, в котором вам надлежит сыграть решающую роль. Основные силы нашего флота пойдут на отвлекающий манёвр, с целью увести в сторону все силы береговой охраны. Они пограбят немного, если найдут что-то достойное, а вам же в это время необходимо проникнуть на Зелёный остров и добыть там “Кровь Богов”. Все подробности в пакете, который вы получите перед отплытием, а вскрыете по прибытии на место. А теперь — отдыхать.

— Зелёный? — переспросил Максим. — Знакомые места...

— Тем лучше, — буркнул император. — Всё, хватит рассказов, я зверски устал.

— Интересную историю ты мне рассказал, Максим. — Сикорски задумчиво потёр пятернёй лысину и потом добавил: — Всё это очень напоминает историю пятнадцатилетней давности на планете Саула.

— А что там произошло?

— Понимаешь, планету эту обнаружили, в общем-то, случайно. Трое туристов решили почему-то отдохнуть не на тривиальной Тагоре, а захотели попробовать открыть что-то своё, новенькое. Ну и открыли. Населённая планета, гуманоиды земного типа. Общество на уровне раннего средневековья, угнетение человека человеком в полном объёме, и никаких признаков промышленной революции. Но при этом наши туристы столкнулись с одним феноменом. Недалеко от концентрационного лагеря, где содержались политические противники существующего режима, они обнаружили две бездонные ямы, соединённые между собой многокилометровым шоссе. Сразу же бросилось в глаза, что по нему непрерывным потоком двигались машины самой различной конфигурации и, скорее всего, назначения. К местным жителям они не могли иметь никакого отношения просто по определению. Примитивное средневековье не способно породить атомные двигатели. Аборигены, надо отдать им должное, всё же заинтересовались явлением и пытались проникнуть в его суть: они использовали заключённых для вывода отдельных машин с шоссе, а потом старались понять принцип управления ими.

— Машины? Как это... Откуда же они там появились?

— Выползали из одной ямы, а проваливались в другую.

— Я не о том. Вы же сказали, что они не имели отношения к тамошней цивилизации. Чьи же они тогда были?

— Комиссия по контактам пришла к выводу, что это следы деятельности Странников.

— Что за Странники? Помнится, это ваше прозвище в стране Неизвестных Отцов.

— Это совпадение и не больше. Просто я первым выдвинул предположение, что в Галактике существует очень древняя раса, которая и осуществила Посев, дав начало разумной жизни на разных планетах. В шутку и меня прозвали Странником. Но я вот что хочу сказать: дело в том, что Саула не единственное место, где земляне обнаружили вещественные доказательства существования Странников. Кроме того, они оставили искусственные спутники рядом с Владиславой, излучатель в стране Отцов, который ты относительно недавно благополучно утробил.

— Кто старое помянет — тому глаз вон.

— Кто забудет — тому оба. Но ближе к делу. Судя по твоему рассказу, стены тоннеля, по которому вы шли с императором, также отделаны янтаринном, да и сам процесс “рождения” субмарины очень напоминает то, что происходило на Сауле. В общих чертах, конечно, но всё же. На Сауле Странники действовали безвозмездно, а здесь у них любовь с интересом. В том, что Странники и Боги — это одно и то же — я даже не сомневаюсь. Эх, посмотреть бы на них самому хоть одним глазком!

— Мне уже тоже захотелось. Сделаю всё возможное для этого.

— Ладно, вернёмся к нашим делам. Что за рейд там затевается?

— Будет предпринято нападение на побережье, в котором примет участие практически весь подводный флот. Цель нападения — отвлекающий манёвр. Главная же задача — проникновение моей лодки на остров Зелёный, откуда мне надлежит вывести “Кровь Богов”.

— Это ещё что за “Кровь”?

— Судя по всему — это жидкость с очень сложным составом. Предполагаю, что она необходима Богам, или Странникам, если угодно, для поддержания жизненных сил. В обмен на неё они дают потребные Империи изделия, в первую очередь субмарины и оружие.

— Понятно. Хорошо, продолжай набирать очки, добывай “Кровь”, двигайся вверх по служебной лестнице, а мы постараемся уничтожить максимально возможное число субмарин. Хотя, честно говоря, это мартышкин труд.

— Почему?

— Ты привезёшь новый запас “Крови”, и флот быстро восстановится. И это в то время, когда экономика Империи должна заниматься мирным строительством.

— Можно попробовать уничтожить устройство в тоннеле.

— Ни в коем случае. Ты уже однажды “поработал”, до сих пор расхлебать не можем. Есть у меня одна идея.

— Какая?

— Постарайся сделать мне портрет твоего императора. Желательно, как можно более детальный.

— Обнажённый, что ли?

— Это было бы идеальным вариантом.

— Надо подумать.

— Думай. Всё время думай. И давай отчаливай на свои Острова, а то как бы тебя там не хватились.

Окончание в следующем номере.

«НИВА»

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (7172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы (727) 253-51-12.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

www.niva.ucoz.kz

E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.

Web-редактор **Л. Б. Мананникова.**

Корректор **Ю. В. Богданова.**

Набор и вёрстка **Е. В. Дмитриевой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.
Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 04.04.2011 г.

Подписано к печати 06.05.2011 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.
Заказ № 2300.

Номер набран и свёрстан в ТОО
«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.